

Вестник БарГУ

Научно-практический журнал

Издаётся с марта 2013 года

№ 2 (14), декабрь, 2023

Серия «Исторические науки
и археология. Экономические
науки. Юридические науки»

Учредитель: учреждение образования
«Барановичский государственный университет».

Адрес редакции:
ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи.
Телефон: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: vestnikbargu@gmail.com .

Подписные индексы: 00996 — для индивидуальных
подписчиков; 009962 — для организаций.
Свидетельство о регистрации средств массовой
информации № 1533 от 30.07.2012, выданное
Министерством информации Республики Беларусь.

В соответствии с приказом Высшей
аттестационной комиссии Республики Беларусь
от 21 января 2015 г. № 16 научно-практический
журнал «Вестник БарГУ» серия «Исторические
науки и археология. Экономические науки.
Юридические науки» включён в Перечень научных
изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим наукам и археологии,
экономическим наукам, юридическим наукам.

Научно-практический журнал «Вестник БарГУ»
включен в РИНЦ (Российский индекс научного
цитирования), лицензионный договор
№ 06-01/2016.

Выходит на русском, белорусском
и английском языках.
Распространяется на территории
Республики Беларусь.

Заведующий редакционно-издательской
группой А. Ю. Сидоренко
Технический редактор А. Ю. Сидоренко
Компьютерная вёрстка С. М. Гулашак
Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 12.12.2023. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага ксероксная. Печать цифровая.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 12.80. Уч.-изд. л. 10.10.
Тираж 40 экз. Заказ . Цена свободная.

Полиграфическое исполнение: республиканское
унитарное предприятие «Информационно-
вычислительный центр Министерства финансов
Республики Беларусь». Специальное разреше-
ние (лицензия) на право осуществления поли-
графической деятельности № 02330/89
от 3 марта 2014 года.
Адрес: ул. Кальварийская, 17, 220004 г. Минск.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кочурко В. И. (гл. ред. журн.), доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик
Белорусской инженерной академии, академик Международной академии технического
образования, академик Международной академии наук педагогического образования,
заслуженный работник образования Республики Беларусь, профессор кафедры технического
обеспечения сельскохозяйственного производства и агрономии (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Климук В. В. (гл. ред. сер.), кандидат экономических наук, доцент, первый проректор
(учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи,
Республика Беларусь); **Прудникова А. Н.** (отв. секретарь сер.) (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Гребень Т. М. (ред. текстов на англ. яз.) (учреждение образования «Барановичский
государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Андрияшко М. В. (отв. за направление «Юридические науки»), кандидат юридических
наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь); **Ермакович Л. И.** (отв. за направление «Исторические
науки и археология»), кандидат исторических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);
Лизакова Р. А. (отв. за направление «Экономические науки»), кандидат экономических
наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь); **Рябова К. И.** (тех. секретарь сер.), кандидат
экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный
университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Безуглая В. А., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«БГУ — Университет права и социально-информационных технологий», Минск, Республика
Беларусь); **Быков А. А.**, доктор экономических наук, профессор (учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь);
Василевич Г. А., доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной
академии наук Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь (Белорусский
государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Вишневский А. Ф.**, доктор
исторических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь
(учреждение образования «БГУ — Университет права и социально-информационных
технологий», Минск, Республика Беларусь); **Гурский В. Л.**, доктор экономических
наук, доцент (Национальная академия наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь);
Житкевич Г. Я., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);
Захарченко Л. А., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский
государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Колядко И. Н.**,
кандидат юридических наук, доцент (Белорусский государственный университет, Минск,
Республика Беларусь); **Куган С. Ф.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение
образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск,
Республика Беларусь); **Лабейко О. А.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение
образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика
Беларусь); **Литвинский А. В.**, кандидат исторических наук (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);
Лосев В. В., кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Белорусский
государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Лученок А. И.**,
доктор экономических наук, профессор (государственное научное учреждение «Институт
экономики Национальной академии наук Беларуси», Минск, Республика Беларусь);
Людвигевич О. Н., кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);
Манкевич И. П., кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика
Беларусь); **Медведева Г. Б.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования

«Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Недашковская Н. С.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Нечухрин А. Н.**, доктор исторических наук, профессор (учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Омельянюк А. М.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Познякевич В. Н.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Посохина Г. И.**, кандидат исторических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест, Республика Беларусь); **Солодовников С. Ю.**, доктор экономических наук, профессор (Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь); **Таранова Т. С.**, доктор юридических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Функ Я. И.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Халецкая Т. М.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь); **Шабанов В. Б.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Шевлюков А. П.**, доктор экономических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», Гомель, Республика Беларусь); **Яковчик Н. С.**, доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный работник сельского хозяйства Республики Беларусь (Институт повышения квалификации и переподготовки кадров агропромышленного комплекса учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск, Республика Беларусь).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

Андреева О. В., кандидат экономических наук, доцент (Центр стратегических исследований социально-экономического развития Юга России РГЭУ (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация); **Астратова Г. В.**, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация); **Белянская О. В.**, кандидат юридических наук, доцент (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет гражданской авиации», Москва, Российская Федерация); **Горбатова М. А.**, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Российская Федерация); **Закирова Э. Р.**, доктор экономических наук, профессор (Институт дополнительного образования федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург, Российская Федерация); **Кузнецова Ю. А.**, кандидат экономических наук (филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева» в г. Новокузнецке, Новокузнецк, Российская Федерация); **Парушина Н. В.**, доктор экономических наук, профессор (Среднерусский институт управления — филиал федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Российская Федерация); **Шалаев В. П.**, доктор философских наук, профессор (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет», Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация); **Шаркова А. В.**, доктор экономических наук, профессор (федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация).

Promoter: Institution of Education
“Baranavichy State University”

Editorial address:
21 Voikava Str., 225404 Baranavichy.
Phone: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: vestnikbargu@gmail.com.

Subscription indices: 00996 — for individual subscribers;
009962 — for companies.
The certificate of the registration of mass media № 1533
of 30.07.2012 issued by the Ministry of Information
of Belarus.

In accordance with the order of the board of the Higher
Attestation Commission of the Republic of Belarus on
January 21, 2015 № 16 the scientific-and-practical journal
“BarSU Herald”, the series “Historical Sciences and
Archaeology. Economics. Law” was included on the list of
the scientific publications of the Republic of Belarus for
publishing the results of dissertation research History of
science and archaeology, Economics, Laws.

Scientific-and-practical journal “BarSU Herald”
is included into RSCI (Russian Science Citation Index),
license agreement № 06-01/2016.

Issued in Russian, Belorussian and English. The journal is
distributed on the territory of the Republic of Belarus.

Managing editor A. Y. Sidorenko
Technical editor A. Y. Sidorenko
Desktop Publishing S. M. Glushak
Proofreader: N. N. Kolodko

Signed print 12.12.2023. Format 60 × 84 1/8. Paper xerox.
Digital printing. Headset Times. Conv. pr. s. l. 12,80.
Acc.-pub. s. l. 10,10. Circulation of 40 copies.
Order . Free price.

Printing performance: Republican Unitary Enterprise
“Information and Computing Center of the Ministry of
Finance of the Republic of Belarus”. Special permission
(license) for the right to carry out printing activities
No. 02330/89, March 3, 2014.

Address: 17 Kalvariyskaya, 220004 Minsk

EDITORIAL BOARD

Kochurko V. I. (*editor-in-chief*), DSc in Agriculture, Professor, Academician of the Belarusian Academy of Engineering, Academician of the International Academy of Technical Education, academician of the International Academy of Pedagogical Education, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus, Professor of Department of Technical Support of Agricultural Production Processes and Agronomic Sciences (Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus).

Klimuk V. V. (*the series editor-in-chief*), PhD in Economics, Associate Professor, first vice-rector (Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus); **Prudnikova A. N.** (*executive secretary of the series*) (Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus).

Greben T. M. (*ed. of texts in English*) (Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus).

Andryiashka M. V. (*responsible for the area “Law”*), PhD in Law, Associate Professor (Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus); **Ermakovich L. I.** (*responsible for the area “Historical Sciences and Archaeology”*), PhD in History, Associate Professor (Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus); **Lizakova R. A.** (*responsible for the area “Economics”*), PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus); **Ryabova K. I.**, (Technical editor) PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus);

Bezuglaya V. A., PhD in Economics, Associate Professor (Private educational institution “BIP — university of law and social-information technologies”, Minsk, the Republic of Belarus); **Bykov A. A.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Vasilevich G. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Honored Lawyer of the Republic of Belarus (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Vishnevskiy A. F.**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus (Private educational institution “BIP — University of law and social-information technologies”, Minsk, the Republic of Belarus); **Gurskiy V. L.**, Doctor of Economics, Associate Professor (State scientific institution “The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, the Republic of Belarus); **Zhitkevich G. Ya.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus); **Zaharchenko L. A.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution “Brest State Technical University”, Brest, the Republic of Belarus); **Kolyadko I. N.**, PhD in Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Kugan S. F.**, PhD in Economics, Associate Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Labeyko O. A.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus); **Litvinskiy A. V.**, PhD in History (Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus); **Losev V. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Luchenok A. I.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (State scientific institution “The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, the Republic of Belarus); **Lyudvikevich V. N.**, PhD in Law, Associate Professor (Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus); **Mankevich I. P.**, PhD in Law, Associate Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Medvedeva G. B.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational Institution “Brest State Technical University”, Brest, the Republic of Belarus); **Nedashkovskaya N.S.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus); **Nechuhrin A. N.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Educational institution “Yanka Kupala State University of Grodno”, Grodno, the Republic of Belarus); **Omelyanyuk A. M.**, PhD in Economics, Associate Professor

(Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Poznyakevich V. N.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Posohina G. I.**, PhD in History, Associate Professor (Educational institution "Brest State A. S. Pushkin University", Brest, the Republic of Belarus); **Solodovnikov S. Yu.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Educational institution "Belarusian National Technical University", Minsk, the Republic of Belarus); **Taranova T. S.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Funk Ya. I.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Khaletskaya T. M.**, PhD in Law, Associate Professor (The Institute of Managerial Personnel of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, the Republic of Belarus); **Shabanov V. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Shevlyukov A. P.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Educational institution "The Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives", Gomel, the Republic of Belarus); **Yakovchik N. S.**, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Honored Worker of Agriculture of the Republic of Belarus (Professional Development and Retraining Institute of Agribusiness Specialists of Educational institution "Belarusian State Agrarian Technical University", Minsk, the Republic of Belarus).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Andreeva O. V., PhD in Economics, Associate Professor (the Center for Strategic Studies of Socio-Economic Development of the South of Russia RSUE, Rostov-on-don, the Russian Federation); **Astratova G. V.**, Doctor of Economic Sciences, PhD in Technical Sciences, Professor, Honored Worker of High Professional Education of the Russian Federation (Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, the Russian Federation); **Belyanskaya O.V.**, PhD in Law, Associate Professor (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Technical University of Civil Aviation", Moscow, the Russian Federation); **Gorbatova M. A.**, PhD in Law, Associate Professor (Saint Petersburg Institute (Branch) of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University (RLA of the Ministry of Justice of Russia)", Saint Petersburg, the Russian Federation); **Zakirova E. R.**, PhD in Economics, Associate Professor (the Institute of Continuing Education of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Economic University", Yekaterinburg, the Russian Federation); **Kuznetsova Yu. A.**, PhD in Economics (the Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University in Novokuznetsk", Novokuznetsk, the Russian Federation); **Parushina N. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Central Russian Institute of Management (branch), Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", Moscow, the Russian Federation); **Shalaev V. P.**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Volga State University of Technology", Yoshkar-Ola, the Mari El Republic, the Russian Federation); **Sharkova A. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (the Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, the Russian Federation).

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- Кручковский А. В., Кручковский Т. Т.** Кревская уния и ее последствия в цивилизационном контексте в оценке русской консервативной историографии имперского периода 6 **Kruczkowski A. W., Kruczkowski T. T.** The union of Krevo and its consequences in the civilizational context in the assessment of Russian conservative historiography of the imperial period
- Пілецкі В. А.** Некоторые зауваги да гісторыі абраду абвяшчэння ў хрысціянстве 14 **Piletsky V. A.** Some notes on the history of the rite of announcement in christianity

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMICS

- Гордейчик С. В.** Формирование человеческого капитала в эпоху информатизации экономики 25 **Gordeychik S. V.** Formation of human capital in the age of informatization of the economy
- Жук В. А.** Экономика знаний в контексте ее информатизации и цифровизации 31 **Zhuk V. A.** The knowledge economy in the context of its informatization and digitalization
- Короб А. Н.** Перекрестное субсидирование как элемент государственного регулирования экономики 37 **Korob A. N.** Cross-subsidization as an element of government regulation of the economy
- Костюкевич Е. А.** Теоретические аспекты трактовки понятия «поведение потребителей» в экономической литературе 44 **Kostyukevich E. A.** Theoretical aspects of interpretation of the concept "consumer behavior" in economic literature

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

LAW

- Абрамович О. А.** Особенности дарения отдельных видов имущества 49 **Abramovich O. A.** Features of donation of certain types of property
- Андрияшко М. В.** Государственная семейная политика в Республике Беларусь и Российской Федерации 57 **Andryiashka M. V.** State family policy in the Republic of Belarus and the Russian Federation
- Борисёнок О. С.** Отказ государственных юридических лиц от правомочия пользования закрепленным за ними имуществом 66 **Borisyonok O. S.** Rejection of state legal entities of the right to use the property assigned to them
- Крутько Р. В.** Проект новой редакции Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях»: основные новации и перспективы реализации 73 **Krutsko R. V.** A new draft of the Law of the Republic of Belarus "On Freedom of Conscience and Religious Organizations": main innovations and implementation prospects
- Халецкая Т. М.** Публично-правовые меры укрепления брака: анализ законодательства Республики Беларусь 79 **Khaletskaya T. M.** Public law measures to strengthen a marriage: analysis of the legislation of the Republic of Belarus
- Чучвал А. А.** Некоторые особенности наследования авторских прав несовершеннолетних и несовершеннолетними 86 **Chuchval A. A.** Some peculiarities of inheritance of copyright of minors and by minors
- Шоломицкая И. В.** Особенности дистанционных трудовых отношений и дефекты их правового регулирования 93 **Sholomitskaya I. V.** Features of remote labor relations and defects of their legal regulation
- Ясинская-Казаченко А. В.** Единство и дифференциация трудового спора и конфликта интересов: частные и публичные начала 100 **Yasinskaya-Kazachenko A. V.** Unity and differentiation of labor disputes and conflicts of interest: private and public beginnings

УДК 930.1

А. В. Кручковский¹, Т. Т. Кручковский²

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Октябрьская, 5, 230023 Гродно, Республика Беларусь, ¹+375 (29) 954 06 59, kruchkovsky.andrey@yandex.by ,
²+375 (29) 783 72 42, tkruczkowski@yahoo.com

**КРЕВСКАЯ УНИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ
КОНСЕРВАТИВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА**

В статье рассматриваются оценочные подходы к Кревской унии и ее последствия в цивилизационном контексте в русской консервативной историографии имперского периода. В цивилизационном контексте Кревская уния рассматривалась как переход ВКЛ к западной латинской цивилизации. В русской консервативной историографии эта тематика тесным образом связана с рядом тем как истории собственно ВКЛ, истории Западной России, так и истории России и Польши.

Ключевые слова: русская консервативная историография; Кревская уния; Польша; ВКЛ; Западная Россия; Россия.

Библиогр.: 33 назв.

A. W. Kruczkowski¹, T. T. Kruczkowski²,

Institution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”,
5 Oktyabrskaya Str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, ¹+375 (29) 954 06 59, kruchkovsky.andrey@yandex.by ,
²+375 (29) 783 72 42, tkruczkowski@yahoo.com

**THE UNION OF KREVO AND ITS CONSEQUENCES
IN THE CIVILIZATIONAL CONTEXT IN THE ASSESSMENT OF RUSSIAN
CONSERVATIVE HISTORIOGRAPHY OF THE IMPERIAL PERIOD**

The article examines evaluative approaches to the Union of Krevo and its consequences in the civilizational context in Russian conservative historiography of the imperial period. In the civilizational context, the Krevo Union was considered as a transition of the Grand Duchy of Lithuania to Western Latin civilization. In Russian conservative historiography, this topic is closely connected with a number of topics such as the history of the Grand Duchy of Lithuania itself, the history of Western Russia, and the history of Russia and Poland.

Key words: Russian conservative historiography; Union of Krevo; Poland; Grand Duchy of Lithuania; Western Russia; Russia.

Ref.: 33 titles.

Введение. В статье рассматриваются оценочные подходы к Кревской унии и ее последствия в цивилизационном контексте в русской консервативной историографии имперского периода. Историческая роль и значение Польши в истории России определялись в российской историографии как важнейшего политического, военного, а также и цивилизационного соперника на протяжении длительного времени соседского сосуществования и одновременно как центра передачи западного влияния [1, с. 10]. Содержание статьи несколько шире

заявленной темы, в ней в некоторых аспектах рассматриваются взгляды польских историков на Кревскую унию и её цивилизационные последствия. Это делается для представления взглядов историков русской консервативной историографии имперского периода на более широкой историографической панораме исследования заявленной тематики.

Проблематика Кревской унии в русской консервативной историографии имперского периода (период Российской империи 1721—1917 годов) тесным образом связана с рядом тем как истории собственно ВКЛ, истории Западной России (территорий современных Беларуси и Украины в интерпретации российской исторической науки рассматриваемого периода), так и истории России и Польши. Актуальность исследуемой проблемы определяется тем, что до настоящего времени в российской, белорусской, польской и литовской историографии по данной проблеме существуют различные, несовпадающие и даже противоположные оценки Кревской унии и её цивилизационных последствий (общественно-политических, экономических, историко-культурных, конфессиональных) для народов России, Польши, Беларуси и Литвы. Статья систематизирует и в ряде аспектов уточняет взгляды русской консервативной исторической мысли имперского периода на рассматриваемую проблему, в этом заключается её научная новизна.

Для общей характеристики российско-польского противоборства используется современное понятие цивилизации и цивилизационной борьбы. Это делается для более точного отображения характера российско-польского противостояния. В данном случае авторы используют дефиницию цивилизации в широком смысле: как определенный набор существенных характеристик общественно-политического, государственного уклада (историко-культурных, общественно-политических, экономических, идейно-ментальных, конфессиональных). Этот термин широко использовался в российской исторической науке рассматриваемого периода, однако в основном Н. И. Кареевым и отчасти В. О. Ключевским [1, с. 6].

Авторы для передачи специфики оценочных подходов российской науки рассматриваемого периода используют названия государственной принадлежности территорий, употребляемые в дореволюционной историографии. Польша и ВКЛ после Кревской унии, Речь Посполитая определялись в ней как «польско-литовская государственность» или чаще всего как «Польша». Территории современных Беларуси и Украины понимались в ней как «западнорусские земли».

Методология и методы исследования. Теоретико-методологические основы нашей статьи опираются как на основополагающие, выработанные историософской мыслью принципы и методы научного исследования, так и на ряд новых теоретико-методологических положений, выдвигаемых в последние десятилетия. Эти новые теоретико-методологические требования, предъявляемые к истории, диктуют также необходимость корректировки модели развития исторической науки в России изучаемого периода. В современной историософской литературе отмечается, что идея научной универсальности (одна из основных в позитивистской и марксистской историософии) признана устаревшей, ее место заняла установка на принципиальное разнообразие познавательных перспектив [1, с. 47].

В решении поставленных исследовательских задач авторы опирались на основополагающие принципы исторической науки — историзма и объективности, а также ценностный подход. Практическим воплощением вышеназванных принципов в процессе подготовки настоящей работы было применение общенаучных и специально-исторических методов. Наиболее используемыми специально-историческими методами в статье являются: историко-типологический, историко-генетический, историко-сравнительный (или метод компаративистики), ретроспективного и перспективного анализа. [2—5]. Все эти методы, как показывает материал нашего исследования, особенно важны в отношении историографического исследования, когда предмет исследования столь «чувствителен» к субъективным оценкам.

Результаты исследования и их обсуждение. В целом в российской науке исследуемого периода понятие цивилизации использовалось не столь часто, его заменяли терминами «борьба миров», «народные стихии» или культурно-исторические типы, как у Н. И. Данилевского или К. Н. Леонтьева. Н. И. Данилевский представил первый в российской историографии разработанный теоретический вариант цивилизационного развития мира, в котором значительное место уделено российско-польскому противостоянию, отнеся их к различным культурно-историческим типам [6]. В этом контексте работа Н. И. Данилевского исследовалась авторами статьи [7—9]. В польской историософской мысли польско-российское противоборство в контексте цивилизационного противостояния представлено Ф. Конечным [10]. В этом ракурсе цивилизационная модель Ф. Конечного подверглась изучению, в том числе и авторов данной статьи [1; 11; 12].

Общие оценочные подходы российской науки исследуемого периода к исторической полонистике выразились в ее основополагающих (фундаментальных) идеях [1; 7; 13—15]. Эти положения были консервативного и славянофильского характера, чаще всего антизападного толка [1, с. 6]. К числу этих идей принадлежит и положение о цивилизационном противостоянии Польши и Москвы. При этом подчеркивалось цивилизационное превосходство России и принадлежность западнорусских земель к единой русской православной цивилизации, наследником которой провозглашалась Москва. В вопросе о западнорусских землях (белорусских и украинских) российская историография (здесь едины либералы и консерваторы) исходила из тезиса об исключительной прерогативе московского православного влияния. Мысль о возможности федеративного вхождения этих земель в состав Речи Посполитой (за исключением Ф. М. Уманца) или их самостоятельного развития (Беларуси и Украины) решительно отвергалась [1, с. 229].

Основоположника российской националистической историографии, консервативного западника Н. М. Карамзина привлекала, прежде всего, история северо-восточной части Руси (будущей Московии), в меньшей мере он описывал историю юго-западной и западной частей Руси, вошедшей в состав ВКЛ. Историю ВКЛ до ее соединения с Польшей ученый оценивал как историю преимущественно российскую. Одной из фундаментальных позиций исторической концепции Н. М. Карамзина было утверждение о Москве как наследнице Киевской Руси: «Территория России этого периода продолжала занимать пространство от берегов Оки до Сана» [16, с. 9].

По нашему мнению, славянофильская историософия и историческое преломление консервативной теории «официальной народности» в творчестве Н. Г. Устрялова и М. П. Погодина представляют в историографическом плане, несмотря на их определенные разногласия, явления одного порядка. Фактически Н. Г. Устрялов был официальным историографом России, находясь в близких отношениях с С. С. Уваровым, занимая должность декана историко-филологического факультета Петербургского университета. В двух основополагающих идеях — исключительности русской национальности и ее всемирно-исторического предназначения — сторонники теории официальной народности и критикующие их славянофилы были едины. В интерпретации исторической полонистики, как показала историографическая практика, их основные положения практически идентичны [1, с. 59].

Историю ВКЛ Н. Г. Устрялов в «Русской истории» рассматривал подобно Н. М. Карамзину: отмечал первоначальное господство Киевской Руси над «хищными литовцами» [17, с. 210]. В статье «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское» он, пересматривая ряд своих положений, заявлял, что ВКЛ было русским государством: «Русское, и вера, и язык, и гражданские уставы» [18, с. 17]. Н. Г. Устрялов стал первым российским историком, который начал отдельно изучать историю ВКЛ, и в его трудах «содержатся те программные установки, которые после восстания 1863 года войдут в “плоть и кровь” идеологии “западноруссов” и их ведущего историографа — М. О. Кояловича» [19, с. 126]. В своей оценке ВКЛ Н. Г. Устрялов допускал ряд противоречащих друг другу оценочных подходов: то он писал о ВКЛ как о «новом отечестве» для русских

князей [17, с. 240], в котором Литва и Русь слились в «один народ», т. е. русский [17, с. 241], то утверждал, что самостоятельность ВКЛ была ликвидирована соединением с Польшей, государство стало польским и католическим, подавляющим православие [17, с. 277].

Исходные установки Н. Г. Устрялова позволяли польско-литовские унии, особенно унию в Крево, рассматривать только как польский захват территорий ВКЛ, этого русского православного, по его мнению, государства. Неудивительно, что отношение ученого к ВКЛ изменится в период правления Ягелло. Основной причиной тому являлась подписанная между ВКЛ и Польшей Кревская уния, когда Ягелло «крестился по Римскому обряду, вступил в брак с королевой и короновался, дав предварительно присягу соблюдать Польские законы, ввести Латинскую веру в Литве и соединить наследственное княжество с Польшею в одно государство» [17, с. 174]. Однако, считал он, несмотря на принадлежность монархов одной династии, эти государства сохранили свою независимость [17, с. 174]. Говоря о том, что постоянно в польском королевстве преследовалось православие, академик заявлял, что «иго польское было тягостнее татарского» [18, с. 19]. В этих условиях, отмечается историками русской историографии, заключение с Польшей Кревской унии в 1385 году являлось нарушением тенденции слияния Литвы и русских земель в единое русское православное государство.

Особое место в изучении истории ВКЛ после трудов Н. Г. Устрялова заняло историческое наследие М. О. Кояловича. Он одним из первых занялся изучением истории ВКЛ, был автором первой в российской историографии работы, посвящённой Люблинской унии [20]. По мнению М. О. Кояловича, «дело унии (Кревской — А. К., Т. К.) было простым случаем, основанном на польской невесте для Ягелло и это предало русское дело в Литве» [20, с. 5].

Тематика исторической полонистики была актуальна в российской консервативной и славянофильской историографии второй половины XIX — начала XX века. На анализируемый период приходится расцвет творчества ряда известных консервативных историков, занимающихся в той или иной степени полонистикой: Д. И. Иловайского, М. О. Кояловича, П. Д. Брянцева, А. С. Будиловича, П. А. Гейсмана, А. Ф. Гильфердинга, П. Н. Жуковича, Ф. И. Леонтовича, В. И. Ламанского, Н. К. Шильдера, И. П. Филевича, Ф. М. Уманца и др. Крупнейшими из них являлись Д. И. Иловайский и М. О. Коялович.

Д. И. Иловайский был автором ряда обобщающих трудов по истории России, в которых рассматривается и ряд проблем польской истории. Его работы написаны с открыто полонофобских и антисемитских позиций. Идеино-политические взгляды историка выразились во вступлении в «Союз русского народа». М. О. Коялович занимался историей Православной церкви и западнорусских земель Речи Посполитой и ВКЛ. Он стал одним из теоретиков «западнорусизма» — своеобразного регионального западнорусского варианта позднего славянофильства [1, с. 117].

Описанный выше подход Н. М. Карамзина к начальной истории ВКЛ как русского государства и возможности на основании этого слияния ВКЛ с Москвой был принят в российской историографии [1]. Историк рассматривал историю Литовской Руси как отпадение от единого центра, которым он признавал исключительно Москву [1, с. 86].

Положение кардинально изменилось, по мнению Н. М. Карамзина, после заключения Кревской унии, принятия Ягелло польской короны и католичества. Соединение Литвы унией с Польшей оценивалось им исключительно с точки зрения интересов Москвы [16, с. 203]. Историк оставлял совершенно без рассмотрения вопрос о причинах заключения самой Кревской унии.

ВКЛ в интерпретации консервативной историографии славянофильской ориентации второй половины XIX — начала XX века, как и в предшествующий период, продолжало рассматриваться как русское государство. Литва, по мнению М. О. Кояловича, «в силу географических условий должна была примкнуть к соседям» [21, с. 31]. И таким соседом, конечно, по мнению большинства российских историков, могла быть только Москва. М. О. Коялович, считая, что процесс сближения Польши и Литвы был насилием над русским народом, начиная с Кревской унии, длившийся на протяжении двух веков, в отличие от других консервативных

историков (Д. И. Иловайского, П. Д. Брянцева, И. П. Филевича, И. П. Беляева и др.), считавших время сближения Польши и Литвы от Крево до Люблина цепью отдельных событий, видел в этом цивилизационное сближение двух государств вплоть до их полного слияния [20, с. 6].

К тому же, как утверждал П. Д. Брянцев, «древних литовцев и русских объединяла издавна тесная дружба, а с поляками у них особой дружбы не было» [22, с. 100]. Как видно, отношения русских и поляков еще до начала цивилизованного столкновения в интерпретации ряда представителей консервативной историографии были уже априори прохладными, в то время как отношения с языческими литовцами — дружественными. Причина этого явно кроется в превосходстве русской православной цивилизации над «поганой, темной» Литвой, в отличие от католической славянской Польши как части западного мира.

А. С. Будиловичем, согласно традиции консервативной историографии, ВКЛ до Кревской унии рассматривалось как русское государство. Язык правовых документов ВКЛ он называл западнорусским: «Язык этот ничем не отличался бы от языка русского, если бы не полонизмы и латинизмы — “естественные наносы латино-польской школы”» [23, с. 16]. В другой из своих работ государственный язык ВКЛ он прямо называл «русским» [24, с. 40].

По мнению И. П. Филевича, не было никаких предпосылок для унии, так как Польшу и Русь разделяла вековая вражда, проявившаяся даже в психологии русского народа: «Недаром русские люди беса представляли в виде ляха» [25, с. 2].

В оценке консервативной историографии Кревская уния обозначала начало насильственного распространения католичества на западнорусские земли. Так, И. П. Филевич говорил, что «Ягеллонская уния открыла латинско-европейскому влиянию свободный путь до Двины и Днепра» [25, с. 99].

Положение о насильственном присоединении Польшей Литвы является общим для русской консервативной историографии. Что весьма интересно, большинство русских историков, говоря о насильственном присоединении русско-литовских земель к Польше, считали, что Польша в силу своей слабости не была в состоянии насильно это сделать (И. Д. Беляев, В. Б. Антонович, П. Д. Брянцев, Д. И. Иловайский, И. П. Филевич и др.), поэтому и говорили они вполне серьезно о возможности присоединить столь огромное государство, как ВКЛ, «коварством, обманом, упорством в достижении поставленной цели» и даже свойствами характера поляков и русских [7, с. 132]. Так, Ф. Еленов писал, что «слияние литовско-русского государства с Польшей и последующее преобладание над западной Русью осуществлено не превосходством польской цивилизации, не материальной силой Польши, а дальновидностью и необычайной настойчивостью политики польских государственных людей, в особенности высшего духовенства» [26, с. 13].

Только Ф. М. Уманец и М. К. Любавский рассматривали сближение как процесс культурно-цивилизационной ассимиляции. Ф. М. Уманец рассматривал польское влияние на русские земли Литвы как влияние западной культуры на восток [27]. Основой этого превосходства Польши, считал историк, была политическая свобода в стране. Как отмечал Ф. М. Уманец, «польская свобода имела силу не только присоединять, но и ассимилировать страны». По его утверждению, «за сто лет после разделов, Россия не смогла сделать для русификации и десятой части того, что сделали поляки в XV—XVI в.в.» [27, с. 17]. С позиций, близких к Ф. М. Уманцу [28], оценивал процесс цивилизационного слияния Литвы с Польшей и образования польско-литовского государства как образования, находящегося под влиянием польской политической культуры и католичества, М. К. Любавский и с определенными оговорками В. А. Мякотин [7].

Уния в Крево характеризуется русской историографией как династический союз двух государств. Большинство русских историков не ставили вопрос о возможности отношений иного порядка как в силу славянофильских представлений о невозможности соединения двух противоположных начал в одном государстве (католического и православного), так и по причине неразработанности данной проблемы и в польской историографии.

М. К. Любавский первым в русской историографии выдвинул положение о первоначальном намерении инкорпорации (т. е. полного слияния ВКЛ с Польшей и потерей Литвой ее государственности) Польшей Литвы по договору об унии 1385 года [29]. Впервые это положение в польской историографии было сформулировано А. Левицким [30]. Спор же вокруг этой проблемы в польской науке, заключающийся в способе интерпретации термина *aplicare*, характеризующего отношения Польши и Литвы, упомянутого в тексте Кревской унии, велся еще в первой половине XIX века. Оставался он актуальным и в начале XX века. Известно, что, согласно этому договору, первоначально ликвидировалось ВКЛ как государство, упразднялся титул великого князя литовского. Объяснял это намерение М. К. Любавский тем, что в ВКЛ великие князья в силу традиций и огромной власти считали государство своей династической собственностью. Неудачу этого намерения историк пояснял нежеланием литовского боярства, роль которого значительно возросла к началу XV века, на которое удалось опереться Витовту, делиться с поляками своей властью и доходами с русских земель [29, с. 57].

И. И. Лаппо, который поддерживал положение о первоначальном намерении инкорпорации Литвы, считал главной причиной неудачи присоединения сопротивление русского православного элемента. Это положение И. И. Лаппо впоследствии было принято и в советской историографии [31].

Современная польская историография преимущественно придерживается положения о первоначальном намерении Ягелло полностью присоединить Литву к Польше. Еще Х. Ловнянски доказывал данное положение тем, что в силу существующих традиций Ягелло считал государство своей патримониальной собственностью, т. е. собственностью своего рода, династии, пытался ею распорядиться [32, с. 34]. Ю. Бардах, как бы подводя итог дискуссии, отмечал, что была попытка присоединения Литвы к польской короне, но она оказалась кратким эпизодом, так как Польша конца XIV века была не в состоянии поглотить такое огромное в национальном и культурном отношении общество. Инкорпорация в то время закончилась бы катастрофой [33, с. 29].

Русская консервативная историография рассматривала эту унию как выгодную для польской стороны, так как она, по ее мнению, усиливала Польшу за счет Литвы-Руси и, главное, остановила процесс слияния Литвы с русскими землями (М. О. Коялович, И. Д. Беляев и др.). П. Д. Брянцев утверждал, что «соединение внесло в одряхшие и разрушающиеся члены польского государства жизненные силы, придало им новую энергию и, таким образом, отстрочило падение его еще на четыре столетия, а главное: дало полякам более простора для жизни, т. к. они незадолго до этого потеряли свои владения на западе и севере, а впоследствии сего им тесно сделалось жить дома: они задыхались в своей песчаной равнине» [22, с. 25].

И. И. Лаппо также считал, что Кревская уния спасла Польшу от немецкой опасности. Подобную точку зрения высказывал и Ф. Еленев: «Польша до соединения с литовско-русским государством была государственным ничтожеством, не могущим защитить себя не только от литовско-русских полков, но даже от прусских переселенцев» [26, с. 13].

По мнению П. Д. Брянцева, пользу от заключения Кревской унии извлекла также и Москва, как второй центр собирания русских земель, которая в результате принятия Литвой католичества избавилась от опасного конкурента [22, с. 25].

Заключение. В цивилизационном контексте Кревская уния в русской консервативной историографии рассматривалась как переход ВКЛ и ее православных земель (территории современных Беларуси и Украины) к западной латинской цивилизации вопреки более раннему участию в православном русском мире. Положение о цивилизационной принадлежности Москве православных земель ВКЛ, т. е. территории современных Беларуси и Украины, было одной из основополагающих (фундаментальных) идей русской консервативной историографии имперского периода.

По причине такого оценочного подхода подавляющая часть русских консервативных историков характеризовала Кревскую унию 1385 года как случайное явление, не имеющее глубоких корней. В русской консервативной историографии также отсутствовал анализ причин такого развития событий. Отчасти только характеризуются выгоды, намерения польской стороны и последствия данного акта для дальнейшей истории как русских православных земель ВКЛ, т. е. территорий современных Беларуси и Украины, так и самой Польши.

Список цитированных источников

1. Кручковский, Т. Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века : дис. ... д-ра истор. наук : 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования / Т. Т. Кручковский. — Минск, 2017. — 338 л.
2. Зевелева, А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты / А. И. Зевелева. — М. : Высш. шк., 1987. — 160 с.
3. Могильницкий, Б. Г. Методология истории в перспективе историографической революции / Б. Г. Могильницкий // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век : материалы междунар. науч. конф. — М. : ИВИ РАН, 2008. — С. 14—16.
4. Могильницкий, Б. Г. Понятие кризиса исторической науки / Б. Г. Могильницкий // Истор. ежегодник. Спец. вып. — Омск, 2001. — С. 11—16.
5. Смоленский, Н. И. Теория и методология истории / Н. И. Смоленский. — М., 2007. — 234 с.
6. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. — М. : Книга, 1991. — 574 с.
7. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века / Т. Т. Кручковский. — Гродна, 1994. — 198 с. (Наш радавод, кн. 6, ч. II.).
8. Кручковский, Т. Т. Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII — начала XX в. / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. — 2006. — № 3 (39). — С. 24—31.
9. Кручковский, Т. Т. Проблема западного цивилизационного выбора Польши и его последствия в оценке М. О. Кояловича [Электронный ресурс] / Т. Т. Кручковский. — Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840024402-1-1/>. — Дата доступа: 31.03.2023.
10. Konieczny, F. O wielkości cywilizacji / F. Konieczny. — Warszawa, 2002. — 320 s.
11. Кручковский, Т. Т. Основные теоретические положения историсофской концепции Ф. Конечного / Т. Т. Кручковский, А. В. Кручковский // Весн. БарГУ. Сер. «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2022. — № 2 (12). — С. 44—48.
12. Galus, M. Państwo i społeczeństwo w cywilizacji łacińskiej w poglądach Feliksa Koniecznego / M. Galus [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bc.umcs.pl/Content/36175/PDF/czas21815_24_2019_16.pdf. — Дата доступа: 22.03.2023.
13. Кручковский, Т. Т. Польская проблема в русской исторической мысли XIX — начала XX века: основные подходы и общественно-политические и исторические обстоятельства / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія і сацыялогія. Культуралогія. Мастацтвазнаўства. Педагогіка. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. — 2000. — № 2. — С. 9—20.
14. Кручковский, Т. Т. Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX — начала XX веков : историограф. обзор / Т. Т. Кручковский // ИАВБ. — Минск. — 2016. — № 2 (25). — С. 29—36.
15. Якубский, В. А. Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. / В. А. Якубский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. — Вып. 2. — С. 3—15.
16. Карамзин, Н. М. История Государства Российского / Н. М. Карамзин. — СПб., 1842. — Кн. 1, т. IV.
17. Устрялов, Н. Г. Русская история : в 5 ч. / Н. Г. Устрялов. — СПб., 1839. — Ч. I.
18. Устрялов, Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? / Н. Г. Устрялов. — СПб. : Тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. — 42 с.
19. Карев, Д. В. Белорусская и украинская историография конца XVIII — начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального сознания белорусов и украинцев / Д. В. Кареев. — Вильнюс, 2007. — 310 с.
20. Коялович, М. О. Люблинская уния или последнее соединение Литовского княжества с польским королевством на Люблинском сейме 1569 года / М. О. Коялович. — СПб. : Газ. «Рус.инвалид», 1863. — 87 с.
21. Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. — М. : Тип. Бахметева, 1864. — 394 с.

22. *Брянцев, П. Д.* История Литовского государства с древнейших времен / П. Д. Брянцев. — Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1889. — 659 с.
23. *Будилович, А. С.* О значении в славянской истории битвы под Танненбергом-Грюнвальдом / А. С. Будилович // Сб. Уч.-Литератур. О-ва при Император. Юр. Ун-те. — Юрьев, 1899. — Т. 2. — С. 3—25.
24. *Будилович, А. С.* Несколько замечаний об изучении славянского мира / А. С. Будилович. — СПб. : Тип. А. Граншеля, 1878. — 54 с.
25. *Филевич, И. П.* Польша и польский вопрос / И. П. Филевич. — М. : Университ. тип., 1894. — 104 с.
26. *Еленев, Ф. П.* Польская цивилизация и её влияние на Западную Русь / Ф. П. Еленев. — СПб. : Тип. И. Шумахера, 1863. — 88 с.
27. *Уманец, Ф. М.* Вырождение Польши / Ф. М. Уманец. — СПб. : Тип. М. А. Хана, 1872. — 341 с.
28. *Кручковский, Т. Т.* Уманец Ф. М. как историк Речи Посполитой / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія і сацыялогія. Культуралогія. Мастацтвазнаўства. Педагогіка. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. — 2007. — № 2. — С. 47—53.
29. *Любавский, М. К.* Литовско-русский сейм / М. К. Любавский. — М. : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900. — 850 с.
30. *Lewicki, A.* Nieco o Unii Litwy z Polska / A. Lewicki. — Kraków, 1893. — 143 s.
31. История Польши / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. — 2-е изд. — М., 1956. — Т. 1. — 706 с.
32. *Lowniański, H.* Zagadnienia historii kultury a ogólna synteza dziejów Polski / H. Lowniański // Kwartalnik historyczny. — Roczn. 64. — № 1. — S. 32—46.
33. *Bardach, J.* Wieloszczeblowa świadomość narodowa na ziemiach litewsko-ruskich Rzeczypospolitej w XVII—XX wieku / J. Bardach / Pamiętnik XV Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich / red. J. Starzewski. — Gdańsk—Toruń, 1995. — Т. 1. — S. 25—38.

Поступила в редакцию 04.10.2023.

УДК 94.476

В. А. Пілецкі, доктар гістарычных навук, дацэнтДзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»,
вул. Акадэмічная, 1, 220072 Мінск, Рэспубліка Беларусь, +375 (29) 673 85 56, ekonhistbel@mail.ru

НЕКАТОРЫЯ ЗАЎВАГІ ДА ГІСТОРЫІ АБРАДУ АБВЯШЧЭННЯ Ў ХРЫСЦІЯНСТВЕ

Праведзена даследаванне праблемы зніжэння статусу абраду абвяшчэння ў гісторыі хрысціянскай царквы. Адзначана, што адзін з найстаражытных абрадаў, які з'явіўся ў самым пачатку станаўлення хрысціянскай рэлігіі ды існаваў у дзейнасці царквы на працягу стагоддзяў, меў спецыяльна распрацаваныя формы правядзення, шырока ўзгадваўся ў літаратуры розных эпох, у цяперашні час называецца «практыкай падрыхтоўкі да хрышчэння», якая займае даволі абмежаваны перыяд па часе правядзення і прымяняецца, у тых ці іншых сітуацыях, даволі сімвалічна. Разгледжаны змест праграмы катэхізацыі. Паказаны асаблівасці сэнсавага на-паўнення тэрмінаў «абвяшчэнне» і «катэхізацыя», іх падабенства і адрозненні. Зроблены высновы аб гістарычных умовах і прычынах зніжэння статусу катэхізічнай абраднасці да ўзроўню «прадхрышчэнскай практыкі».

Ключавыя словы: хрысціянства; абвяшчэнне; навучанне; катэхізацыя; азбука веры; сакрамэнты; памазанне; хрышчэнне; пакаянне; пост; споведзь; дагматы; літургія.

Бібліягр.: 24 назвы.

V. A. Piletsky, Doctor of Historical Sciences, Associate ProfessorThe State Scientific Institution “The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus”,
1 Akademichnaya Str., 220072 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 673 85 56, ekonhistbel@mail.ru

SOME NOTES ON THE HISTORY OF THE RITE OF ANNOUNCEMENT IN CHRISTIANITY

A study of the problem of reducing the status of the rite of announcement in the history of the Christian Church was conducted. It is noted that one of the most ancient rites, which appeared at the very beginning of the formation of the Christian religion and existed in the activity of the church for centuries, had specially developed forms of performance, was widely mentioned in the literature of different eras, and is currently called “practice of preparation for baptism”, which occupies a rather limited period of time and is applied, in certain situations, quite symbolically. The content of the catechesis program was reviewed. The features of the semantic content of the terms “announcement” and “catechization”, their similarities and differences are shown. Conclusions about the historical conditions and reasons for the reduction of the status of the catechetical rite to the level of “pre-baptismal practice” are made.

Key words: Christianity; announcement; teaching; catechism; alphabet of faith; sacraments; anointing; baptism; repentance; fasting; confession; dogmas; liturgy.

Ref.: 24 titles.

Уводзіны. Большасць сучасных інфармацыйных рэсурсаў (як навуковых, так і рэлігійных) называюць абрад абвяшчэння (рус. *оглашения*) практыкай падрыхтоўкі да хрышчэння. Разам з тым гэтая «практыка» існуе амаль усю гісторыю хрысціянства і мае вялікую колькасць палажэнняў і ўстановак (старажытных літаратурных сведчанняў [1—4]) аб тым, як яе патрэбна праводзіць, што яна азначае, які яе змест ды інш. Ці мае яна права называцца абрадам? Так, канешне.

І ўсё ж «практыка» ці «абрад»? Адказ на пастаўленае пытанне знаходзім у інфармацыйным рэсурсе «Праваслаўная энцыклапедыя» (курсіў тут і далей наш — *В. П.*): «...*оглашение, ...было прежде отдельным обрядом, теперь непосредственно предшествует Крещению...*» [5]. Дык

чаму ж старажытны «абрад» абвяшчэння (рус. *оглашения*), які існуе амаль увесь перыяд гісторыі хрысціянства, на сёння ператварыўся ў «практыку» падрыхтоўкі да хрышчэння? Чым абумоўлена зніжэнне статусу выключна важнай для канфесіі справы, якая суправаджае яе амаль усю гісторыю? Пра гэта ды іншае мы і паспрабуем паразважаць у дадзеным матэрыяле. А таксама аб тым, напрыклад, хто такія «абвешчаныя» (царк. *оглашени*). Які сэнс укладзены ў названы тэрмін? Што такое «катэхізацыя»? Якія яе задачы?

Актуальнасць праблемы звязана са значным пашырэннем ролі хрысціянства ў жыцці сучаснага еўрапейскага грамадства. Разбурэнне атэістычнай парадыгмы (пачынаючы з 90-х гадоў XX стагоддзя), што існавала ў ідэалогіі постсавецкага абшару, вызвала бурны рост цікавасці грамадства да агульначалавечых хрысціянскіх каштоўнасцей. Роля хрысціянскай этыкі і філасофіі займае ўсё больш значнае месца ў свядомасці насельніцтва еўрапейскіх краін. Усё гэта дыктуе неабходнасць больш глыбокага даследавання гісторыі хрысціянства, а сярод іх і праблемы зніжэння статусу царкоўнага абраду абвяшчэння. Выкананая праца, безумоўна, паспрыяе адэкватнаму адлюстраванню гістарычнай рэчаіснасці і паглыбіць грамадскае разуменне мінуўшчыны, што дазволіць выкарыстаць выяўлены асаблівасці сацыякультурных працэсаў у навуковай літаратуры, педагагічнай практыцы і пры стварэнні даведачных выданняў.

Матэрыялы і метады даследавання. Зніжэнне статусу абраду абвяшчэння не разглядалася папярэдняй гістарыяграфіяй у якасці асобнай навуковай праблемы. Аднак у літаратуры ёсць нямала згадак пра ўказаны абрад (з таго ці іншага пункту гледжання). Найперш маюцца шматлікія старажытныя катэхізічныя тэксты, што выконвалі ролю дапаможнікаў па катэхізацыі язычнікаў [6—8]. Ёсць літургічныя (богаслужэбныя) творы: малітвы, вершы, песнапенні (рус. *стихири*). Ну і, канешне, манаграфічныя даследаванні, сярод якіх манаграфія царкоўнага гісторыка XIX стагоддзя А. І. Алмазава («Гісторыя чынапаследаванняў: хрышчэння і мірапамазаня» [9]); прафесара ўніверсітэта святога Фамы (штат Мінесота, ЗША) П. Л. Гаўрылюка («Гісторыя катэхізацыі ў старажытнай царкве» [10]); члена Французскай акадэміі, тэолага і гісторыка Жана Даніэлу («Катэхізацыя ў першыя стагоддзі» [11]) ды інш.

Гістарыяграфічны аналіз названых манаграфічных прац зроблены намі раней. А самі працы названых вучоных пакладзены ў аснову праведзенага ў гэтым артыкуле даследавання.

Агляд манаграфіі Жана Даніэлу аўтар апублікаваў асобным артыкулам [12], а гістарыяграфічны матэрыял па кнігах А. І. Алмазава і П. Л. Гаўрылюка ўключаны ў даклад, агучаны на канферэнцыі, што адбылася 26—27 кастрычніка 2023 года ў ГДУ імя Ф. Скарыны (Пілецкі, В. А. Пра гістарыяграфію XIX—XXI стст. абраду абвяшчэння ў гісторыі хрысціянства // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX—XXI стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы (матэрыял знаходзіцца ў друку)).

Крыніцамі для вывучэння заяўленай тэматыкі паслужылі шматлікія апавядальныя (наратыўныя) і царкоўна-дакументальныя крыніцы. Гэта найперш працы айцоў царквы, катэхізічныя і дыдактычныя тэксты, апалагетыка, ерэтычныя творы, хрысціянскія дактрынальныя, богаслужэбныя матэрыялы. Некаторыя з іх выкарыстоўваліся і як крыніца, і як гістарыяграфічны аб'ект.

Пры распрацоўцы праблемы і напісанні артыкула акрамя спецыяльна-гістарычных (гісторыка-генетычны, гісторыка-параўнальны, гісторыка-тыпалагічны, гісторыка-сістэмны) аўтар выкарыстоўваў агульнанавуковыя метады даследавання.

Мэтай артыкула з'яўляецца высвятленне пытання, чаму старажытны абрад, які існаваў у дзейнасці царквы на працягу стагоддзяў, меў спецыяльна распрацаваныя формы правядзення, быў шырока прадстаўлены ў літаратуры розных эпох, у цяперашні час называецца «практыкай падрыхтоўкі да хрышчэння», якая займае даволі абмежаваны перыяд па часе правядзення і прымянення, у тых ці іншых сітуацыях, даволі сімвалічна (і схематычна); раскрыццё зместу праграмы катэхізацыі, паказ значэння тэрмінаў «абвяшчэнне» і «катэхізацыя», а таксама іх падабенства і адрозненні.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Пачнём з пытання, сфармуляванага намі адным з апошніх: якімі былі задачы і змест катэхізацыі? Адказ на яго будзе наступны. Галоўная задача — змяніць свядомасць, вобраз жыццядзейнасці, комплекс маральных, культурных і светапоглядных арыенціраў чалавека, які знаходзіўся ў палоне язычніцкага светаўспрымання, паставіць яго на шлях хрысціянізацыі. Што да зместу катэхізацыйнай падрыхтоўкі ў поўным (ідэальным) выглядзе, то яна ўключала найперш базавыя (элементарныя) веды, якія знаёмы любому хрысціянину, валоданне якімі (а таксама выкананне патрабаванняў і правіл, заключаных у іх) і з'яўляецца сведчаннем наяўнасці сапраўднага хрысціяніна.

Па-першае, вучылі асновам веры (завучваліся на памяць), якія сфармуляваны ў так званым «Сімвале веры» (задакументаваным пераліку асноватворных дагматаў хрысціянскага веравучэння). Акрамя гэтага, у якасці першаступеннага вучылі малітву «Ойча наш» і засвойвалі «Закон Божы» (Декалог) у выглядзе «Дзесяці біблейскіх заповедзяў».

«Символ веры» на русском языке:

- Верую в единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого.
- И в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца прежде всех веков: Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, одного существа с Отцом, Им же все сотворено.
- Ради нас людей и ради нашего спасения сшедшего с небес, и принявшего плоть от Духа Святого и Марии Девы, и ставшего человеком.
- Распятого же за нас при Понтийском Пилате, и страдавшего, и погребенного.
- И воскресшего в третий день согласно Писаниям.
- И восшедшего на небеса, и сидящего по правую сторону Отца.
- И снова грядущего со славою, чтобы судить живых и мертвых, Его же Царству не будет конца.
- И в Духа Святого, Господа, дающего жизнь, от Отца исходящего, с Отцом и Сыном сопокланяемого и прославляемого, говорившего через пророков.
- В единую святую, соборную и апостольскую Церковь.
- Признаю одно крещение для прощения грехов.
- Ожидаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь [13].

Десять заповедей Закона Божиего:

- 1) Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.
- 2) Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им.
- 3) Не произноси имени Господа, Бога твоего напрасно.
- 4) Помни день субботный, чтобы святить его; Шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему.
- 5) Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле.
- 6) Не убивай.
- 7) Не прелюбодействуй.
- 8) Не кради.
- 9) Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.
- 10) Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего [14].

Другім змястоўным накірункам пры навучанні вернікаў перад хрышчэннем з'яўляюцца абавязкі хрысціяніна ў адносінах да Бога, да бліжніх яму людзей і, адпаведна, да сябе. Сярод іх найпершае — гэта «адносіны з Госпадам». Яны падзяляюцца на два канцэнтры: «унутранае» і «вонкавае» богапачытанне.

Внутреннее богопочитание:

- Веровать в Бога и иметь правильный образ мыслей о Боге и предметах божественных.
- Осознавать Его всеприсутствие и действовать по жизни во всем с этим осознанием.
- Иметь страх Божий.
- Надеяться на Бога.
- Любить Бога.

- Повиноваться Богу.
- Поклоняться Богу.
- Прославлять Бога как всеовершенного.
- Благодарить Бога как Творца, Промыслителя и Спасителя.
- Призывать Бога во всяком добром начинании.

Внешнее богопочитание:

- Участвовать в общественном богослужении (в том числе в таинствах Церкви), установленном от Бога и учреждённом Церковью.
- Исполнять Божественные и церковные установления, святые каноны (заповеди).
- К особым видам внешнего богопочитания относятся: публичное исповедание веры в Бога (несмотря на угрозы насилием), клятва (присяга) и обет [15].

Адносіны хрысціянiна да блiжнiх яму людзей i да самога сябе прадстаўлялі сабой трэці сэнсава канцэнтр, які павiнны былі засвоiць будучыя вернікі.

Обязанности христианина по отношению к ближним

К ближним вообще

- Любить и почитать ближних, особенно наших близких, начиная с родителей.
- Не вредить жизни ближних, а наоборот, насколько возможно, оберегать их жизнь и благосостояние.
- Не вредить чистоте их нравов.
- Не присваивать себе чужую собственность, а наоборот, благотворить.
- Не вредить им словом.
- Даже не желать вредить им.

Примечание. Перечисленные обязанности по отношению к ближним, можно назвать самыми общими. Более частное их применение описывается в Священном Писании и разбирается в разделе нравственного богословия.

По отношению к ближним-христианам, перешедшим в мир иной, христианин должен также проявлять любовь и почтение.

К прославленным святым

- Почитать их.
- Прибегать к их ходатайству.
- Узнавать их жизнь и труды, стараясь всеми силами подражать им в чувствах и делах.
- Искать и стремиться к духовному соединению с ними.

К остальным усопшим

- Способствовать похоронить, если есть нужда.
- Приносить за них молитвы, жертвы и милостыни.
- Никак не злословить и не осуждать.
- Исполнять их последнюю добрую волю.
- С благодарностью вспоминать об их добре и стараться подражать их назидательным обычаям и поддерживать их [15].

Што тычыць адносін хрысціянiна да самога сябе, то яны ў значнай ступені выцякаюць з адносін да Госпада i да блiжнiх яму людзей. У заповедзях сказана, што блiжнiх патрэбна любiць, як самога сябе. Гэта значыць, што хрысціянiн павiнен любiць самога сябе. А з другога боку, нельга не звярнуць увагу i на тое, што той, хто правiльна i законна паважае i любiць сябе, той будзе праўдзiва любiць i паважаць блiзкіх. Хто адчувае неабходнасць ласкі i прабачэння самому сабе, той будзе паблажлiвей адносіцца i да блiзкіх людзей.

Среди общих обязанностей христианина к самому себе можно назвать:

- Самопознание.
- Самоуважение, соединенное с глубочайшим смирением.
- Любовь к самому себе и разумное стремление к возвышению своей жизни и своего достоинства.

Примечание. Частное проявление здоровой любви к себе выражается, помимо прочего, в попечении о своей душе (приготовлении ее к вечной жизни), образовании ума, воспитании воли, попечении о совести, воспитании эстетического чувства и заботе о собственном теле [15].

Важнай часткай падрыхтоўкі, канешне, было «вучэнне» пра грахоўнасць чалавека ў хрысціянстве. Тут тлумачылася найперш паняцце пра «першародны грэх» [16]. Даваліся

веды пра грахоўнасць у жыцці хрысціянна ўвогуле, якія карэліраваліся з паняццем «страх Божы». І, канешне, называліся вядомыя сем смяротных грахоў. У праваслаўі яны наступныя: ганарлівасць (рус. *гордость*), гнеў (рус. *гнев*), зайздасць (рус. *зависть*), гультайства (рус. *праздность*), сквапнасць (рус. *алчность*), чэраваўгоддзе (рус. *чревоугодие*), сладастраснасць (рус. *сладоустрастие*).

Апошняя частка праграмы навучання, якую выкладалі падчас катэхізацыі, — знаёмства з сутнасцю сакрамэнтаў. Ім паведамлялі сэнс гэтых святых дзеянняў, праз якія (як сказана ў Святым Пісанні) таемна, нябачным чынам чалавеку перадаецца ласка Святога Духа, выратавальная сіла Госпада і адбываецца сутнаснае яднанне з Богам. Усяго ў Праваслаўнай царкве маецца сем сакрамэнтаў: хрышчэнне, памазанне, пакаянне, прычашчэнне, шлюб, святарства і ялеасвячэнне.

Пералічанымі вышэй накірункамі зместу навучання падчас катэхізацыі ўся праца катэхізатара, канешне, не вычэрпвалася. Акрамя паведамлення гэтых ведаў абвешчанаму прадстаўніку царквы ў старажытнасці павінны былі сабраць звесткі пра жыццё і дзейнасць чалавека, што заявіў пра сваё рашэнне прыняць хрост. Важнай задачай было высвятленне сапраўднасці намераў і шчырасці жадання хрысціянства.

Да рэалізацыі гэтай задачы, акрамя звестак, што чэрпаліся ў сацыяльным акружэнні абвешчанага, давалася і размова з кожным канкрэтным кандыдатам, прычым у ёй удзельнічалі не толькі радавыя святары, але і сам епіскап.

Гэта была не простая размова. Хутчэй яна нагадвала паўнаважасны іспыт, па выніках якога прымалася рашэнне аб магчымасці хрышчэння абвешчанага. Там задаваліся канкрэtnыя пытанні на высвятленне валодання вывучанымі ведамі адпаведна зместу катэхізацыі, пра жыццё і дзейнасць чалавека з намерам даведацца пра тое, як ён выконваў (падчас перыяду катэхізацыі) прадпісаныя царквой малітоўныя дзеянні, ці не забываў пасціцца, ці выходзіў у сабе якасці пакаяння і пакорлівасці, і інш.

Такім чынам, змест дзейнасці абвешчанага падчас перыяду катэхізацыі ўключаў у сябе важныя (сутнасныя) змены ў свядомасці кандыдата ў хрысціяне, а таксама ў характары яго паўсядзённага існавання. У яго жыцці акрамя новых ведаў па дактрынальных пытаннях і хрысціянскай этыцы з'яўляюцца: малітоўная дзейнасць, неабходнасць пасціцца, а таксама праца па самавыхаванні ў сабе «страху Божага», «пакорлівасці», здольнасці «пакаяння» ды іншых хрысціянскіх якасцей. Заканчвалася ўсё гэта іспытам, падчас якога, у залежнасці ад шчырасці выканання задач паўсядзённага хрысціянскага жыцця (малітва, пакаянне, пакорлівасць, пост), а таксама ад падрыхтаванасці абвешчанага ў царкоўна-хрысціянскай тэматыцы, прымалася рашэнне аб магчымасці яго ўдзелу ў сакрамэнце хрышчэння.

Сказанае вышэй адлюстроўвае так званы «поўны варыянт» зместу катэхізацыі, выкананай як бы «ў ідэале». У жыцці, на практыцы, асабліва ў старажытнасці колькасць ведаў была ў разы меншая. Ёсць нават меркаванне аб тым, што ў старажытнай царкве абвешчаным паведамлялі далёка не ўсе веды пра хрысціянства («каб не заганарыўся сваім усезнайствам»). А тое, што і паведамлялася, часцей падавалася катэхізатарамі ў якасці «сакрэтных ведаў». Для гэтага была практычная прычына, аб чым пераканаўча сведчыць прафесар А. І. Алмазаў, абапіраючыся на раннехрысціянскага пісьменніка Тэртуліяна (каля 160 — каля 220). Ва ўмовах супрацьстаяння з паганствам змест сакрамэнтаў (як і рознае іншае) быў сакрэтным, каб ён не стаў прадметам высмейвання язычнікамі, далёкімі ад разумення сапраўднай святасці: *«...пастыри... нередко видели примеры, когда непосвященные, узнавши совершение таинства, злостно осмеивали эти христианские священнодействия, даже на публичных зрелищах»* [9, с. 42].

Самае першае, чаго дабіваліся ад новаабвешчанага, — адрачэння ад антыхрыста і ад свайго мінулага грахоўнага жыцця. Ён раскайваўся ў сваіх былых грахах і памылковых поглядах, даказваў сваю вернасць Хрысту. Катэхізацыя разглядалася найперш як пакаянне, пакор-

лівасць, старанная малітва і строгі пост. Важным было і адкрытае публічнае следаванне хрысціянству (адкрытае спалучэнне з Хрыстом), і, канешне ж, дэманстрацыя сваёй любові да Бога.

Каб зразумець праграму зместу катэхізацыі з прывязкай да гістарычнага часу, звернемся да кнігі царкоўнага гісторыка, які грунтуецца на арыгінальным тэксце аднаго з хрысціянскіх дзеячаў IV стагоддзя, епіскапа з Іерусаліма Кірылы. Абвяшчальнае настаўленне будучым хрысціянам у перыяд жыцця Кірылы Іерусалімскага (315—386), па сведчанні прафесара А. І. Алмазава, складалася з дзвюх частак: 1) тэорыі пра пакаянне і некаторых дагматычных ісцін; 2) выкладаліся маральныя ісціны, якія Кірыл Іерусалімскі сфармуляваў у кароткіх фразях.

Працитуем гісторыка, каб больш дасканала паглыбіцца ў сутнасць тэксту яго працы (цытата дадзена ў сучаснай філалагічнай транскрыпцыі — В. П.): «...огласительное наставление ...прежде всего состояло из учения о покаянии, затем ...учение о некоторых догматических истинах, как-то: о Боге едином и его свойствах, о том что Иисус Христос есть Сын Божий, и что он родился от Девы Марии, пострадал, претерпел крестную смерть, восприял погребение, воскрес, вознесся на небо и опять придет судить живых и мёртвых, потом о св. Духе, о бессмертии человеческой души, о теле человеческом и о Божественном Писании. Вместе с этим, далее, преподаваемы были и нравственные истины, которые у Кирилла Иерусалимского выражены кратко в следующих словах: “...избегай всякого действия диавольского; не внимай же учению звездочётов, ни птицегаданию, ни предзнаменованиям, ни баснословным эллинским прорицаниям; даже не слушай о чародеяниях, и волшебных наговорах и беззаконнейших делах совершаемых при вызывании мёртвых. Презирай всякого рода невоздержания, не угождай чреву, не люби удовольствий. Будь выше страсти сребролюбия и лихоимства. Не входи в языческие собрания на зрелища, и в болезнях никогда не употребляй волшебных наговоров. Совершенно отверщайся корчемников, не уклоняйся ни к самаританству ни к жидовству..., а особенно гнушайся всяким собранием законопреступных еретиков, всемерно укрепляй душу твою сохранением постов, подаванием милостыни и чтением Божественного Писания”» [9, с. 37—38].

Далей коратка спынімся на сутнасным напаўненні тэрміна «абвешчаны». «Абвешчанымі» (рус. *оглашенными*) у Праваслаўнай царкве, як адзначыў протаіерэй А. Ефанаў, адзін з аўтараў праваслаўнага журнала «Фама» (рус. «*Фома*»), адобранага Сінадальным інфармацыйным аддзелам Рускай праваслаўнай царквы, называюць тых, хто рыхтуецца да прыняцця «...таинства крещения и получающие познание веры через устное научение (провозглашение)...». Раней, заўважае аўтар, працэс «абвяшчэння» цягнуўся доўга, перад яго пачаткам абвешчаным чыталіся спецыяльныя малітвы. «Теперь оглашение называется катехизацией, она представляет собой несколько бесед с катехизатором, изучение основ Православия, а молитвы “о еже сотворити оглашенного” прочитываются непосредственно перед самим крещением...» [17].

Прававы статус у абвешчаных (падкрэсліў аўтар) заўсёды быў ніжэйшы за вернікаў. Ён прыраўноўваўся да тых, хто раней за ўчыненыя грахі быў адлучаны ад сакрамэнту прычасця. У царкоўнай практыцы існуе такое паняцце, як «літургія вернікаў» (рус. *литургия верных*), калі падчас літургічнага набажэнства (відаць, у самым пачатку ажыццяўлення сакрамэнту) дыякан патрабуе: «абвешчаныя выходзьце» (рус. *оглашении изыдите*), і яны павінны разам з адлучанымі выйсці з храма да завяршэння літургіі.

Гэта рабілася ў тым ліку і для таго, каб яны зразумелі сваю непаўнавартаснасць, успомнілі свае грахоўныя ўчынкі і зразумелі, што яны (як і «мы», падкрэслівае аўтар, «кожны з нас сённяшніх людзей» у пэўных абставінах) не заўсёды вартыя Боскай літургіі — той «...величайшей милости, которая дарована Богом для нашего спасения...». Каб яны («мы») шчыра раскайваліся і прыносілі годныя плады свайго пакаяння ў выглядзе выпраўлення ад грахоўнасці [17].

З цікавым і павучальным матэрыялам, датычным прадмета нашага даследавання, прыведзеным шаноўным святаром (протаіерэем А. Ефанавым), можна пагадзіцца цалкам.

Адзінае, што да трактоўкі тэрміна «абвешчаны» (рус. *оглашенный*), на наш погляд, неабходна, улічваючы яго архаічнасць, дадаваць таксама і спасылку на элемент грамадскага «абвяшчэння» аб намеры чалавека, які раней знаходзіўся пад уплывам язычніцкай веры. Паважаны святар, на наш погляд, даволі вузка тлумачыць тэрмін «абвешчаны» (рус. *оглашенный*): «...получающие познание веры через устное научение (провозглашение)...».

Як вынікае з тэксту яго артыкула, ён ставіць знак роўнасці паміж словамі «навучанне» (рус. *обучение*) і абвяшчэнне (рус. *оглашение*, прычым чамусьці нават *провозглашение*), што, на наш погляд, не зусім карэктна. Навучанне, як вядома, гэта «...адзінства выкладання, як дзейнасці тых хто навучае, і вучэння, як дзейнасці навучэнцаў пры перадачы ім сацыяльнага досведу...» [18]. А вытворным для слова «абвяшчэнне» (рус. *оглашение*) з'яўляецца дзеяслоў «абвясціць» — «зрабіць галосным», гэта значыць даступным грамадскасці (напр.: «*Оглашенные (от огласить, сделать гласным), в христианской церкви лица, готовящиеся к принятию крещения и наставляемые в вере*» [19]).

Пераход насельніцтва да хрысціянства ў тую далёкую эпоху, падчас яго пачатковага, складанага (абцяжаранага жорсткай барацьбой з язычніцтвам), але «трыумфальнага» шэсця па еўрапейскім кантыненте быў сапраўднай грамадскай падзеяй, якая шырока даводзілася (абвяшчалася) грамадству найперш з мэтай пашырэння колькасці прыхільнікаў хрысціянскай царквы.

Абвешчаныя былі асобнай катэгорыяй насельніцтва, людзьмі, якія схіліліся на бок новага веравучэння, знайшлі ў сабе сілы публічна заявіць пра сваё жаданне стаць хрысціянамі. І, канешне ж, царква рэагавала на гэта вельмі актыўна, але самае галоўнае — публічна. У яе дзеяннях, накіраваных на прылучэнне новых членаў, шырокая грамадская агалоска факта абвяшчэння была выключна важнай. Яна стварала своеасаблівы «трамплін» для новага прытоку вернікаў, а значыць, яшчэ адзін пераможны рывок у барацьбе са старым, некалі магутным язычніцкім светапоглядам (і грамадска-палітычным уплывам).

Гэтая, дарэчы, думка даволі красамоўна пацвярджаецца ў сучасным электронным часопісе расійскіх старавераў «Русская вера». Яго аўтары, у сваю чаргу, спасылаюцца на сведчанне вельмі паважанага царквой блажэннага Аўрэлія Аўгустына (354—430), які, будучы выключна знакавым дзеячам у хрысціянскім асяроддзі пачатковага перыяду, на 5-м Усяленскім царкоўным саборы (Канстанцінопаль, 553 год) быў названы ў ліку дванаццаці найбольш аўтарытэтных настаўнікаў (айцоў) царквы [20].

У тэксце часопіса старавераў сказана: «...*Чин оглашения... в Иерусалимской и Константинопольской Церкви, совершался с большой торжественностью. В IV—V веках утвердился обычай исповедовать веру приступающих ко крещению “в словах точных и определенных, по установленной форме, при этом громко, во всеуслышание, с места возвышенного, в присутствии верующих”.* О таком обычае, существовавшем в Риме, говорит блаженный Августин...» [21].

Карацей кажучы, па сведчанні сучасніка тых падзей, блажэннага Аўрэлія Аўгустына, на якога спасылаюцца аўтары часопіса, факт галоснасці падчас далучэння новых грамадзян да ліку абвешчаных адыгрываў даволі значную ролю «...с места возвышенного...», «...во всеуслышание...» [22, с. 187].

І рабілася гэта, на наш погляд, не проста так. Жыхары сярэднявечных гарадоў (і сельскіх мясцовасцей) жылі даволі скучана яшчэ з першабытных часоў, калі грамадства жыло «абшчынным» спосабам ва ўмовах «суседскай абшчыны». Усё грамадскае жыццё асобнага паселішча было бачна суседзям. Людзі кантактавалі паміж сабой, абменьваліся вопытам, уступалі ў вытворчыя зносіны, разам змагаліся са стыхійнымі бедствамі (пажарамі, хваробамі, якія нярэдка дасягалі памераў эпідэміі) і г. д. Хрысціянская царква, што прэтэндавала на лідэрства ў ідэалогіі грамадства, імкнулася любымі шляхамі заявіць пра сябе. У гэтых умовах факт абвяшчэння быў, безумоўна, грамадскай падзеяй, да якой мелі адносіны не толькі выключна вернікі, але і ўсе жыхары таго ці іншага рэгіёна.

І гэта, безумоўна, не магло не ўплываць на цікавасць да царкоўна-хрысціянскіх падзей жыхароў, што знаходзіліся яшчэ пад уплывам паганства: што гэта за абрад такі? Што дае чалавеку вера ў адзінага Бога Ісуса Хрыста? Як гэтыя людзі жывуць, калі знаходзяцца «пад абаронай» хрысціянскіх заветаў? Усё гэта спрыяла пашырэнню сферы ўплыву новага веравучэння і забяспечвала прыток новых вернікаў.

Нельга не заўважыць і тое, што слова «катэхізацыя», як адзначыў П. Л. Гаўрылюк, аўтар кнігі «Гісторыя катэхізацыі ў старажытнай царкве»: «...происходит от греческого глагола “κ α τ η χ έ ω” основным значением которого в доновозаветном греческом было “оглашать”, или “сообщать широкой аудитории”... Другим, более редким в античности значением “κ α τ η χ έ ω”, получившим впоследствии широкое хождение в христианской практике, было “учить”, или “наставлять”» [10].

Усё гэта сведчыць, што абрад абвяшчэння, акрамя непасрэдна катэхізацыі (у сэнсе навучання азам хрысціянскага веравучэння) меў найперш прадстаўніча-завывальны характар, накіраваны на пазіцыянаванне хрысціянства ў шырокіх колах насельніцтва. А таму і найстаражытнейшы тэрмін, якім быў абазначаны названы працэс, указвае найперш на практыку абвяшчэння шырокай грамадскасці аб факце пераходу ў лона хрысціянскай царквы тых ці іншых былых язычнікаў.

Канешне, з цягам часу, калі ўсе (ці большасць) дарослых грамадзян (язычнікаў) аказаліся хрысціянізаванымі і царква пачала пераходзіць да хрышчэння дзяцей, неабходнасць у «завывальным» характары абрада абвяшчэння паступова адпала. На першае месца у падрыхтоўцы да хрышчэння выйшла другое значэнне дзеяслова «абвяшчаць» (κ α τ η χ έ ω). Цяпер яго найперш пачалі звязваць з навучаннем (настаўленнем) азам хрысціянства пры падрыхтоўцы да хрышчэння.

Вось з гэтых часоў і адбылося паступовае зніжэнне статусу абрада абвяшчэння (рус. *оглашения*). Большасць дзяцей хрысцілі ў малалетнім узросце. Навучанне пачатковым элементам хрысціянскай веры пры гэтым таксама перастала быць асобным працэсам (да дасягнення дзецьмі падлеткавага ўзросту яно ўвогуле было непатрэбна). У малалетстве дзеці навучаліся царкоўнай абраднасці («страху Божаю», малітоўнай практыцы і інш.) найперш падчас хатняга выхавання бацькамі-хрысціянамі (а пазней і ўвогуле з'явіліся царкоўныя школы, якія пачалі больш прафесійна і шырока ажыццяўляць падрыхтоўку).

Такім чынам, адпала неабходнасць спецыяльнай дзейнасці свяшчэннаслужыцеляў у названым накірунку. Перыяд катэхізацыі, калі да хрышчэння выпадкова прыходзіў чалавек у падлеткавым альбо сталым узросце, скарачаўся. Такіх выпадкаў «позняя хрышчэння» станавілася ўсё менш. Так, абрад абвяшчэння (рус. *оглашения*) паступова ператварыўся ў «практыку падрыхтоўкі да хрышчэння» і ў такім выглядзе дайшоў да нашых дзён.

Яшчэ адзін аспект, дзе цяжка пагадзіцца з аўтарам артыкула ў часопісе «Фама» (протаіерэем А. Ефанавым), заключаецца ў тым, што раней (як ён сцвярджае) «абвяшчэнне» (рус. *оглашение*) лічылася «абвяшчэннем» (рус. *оглашением*), а цяпер яно называецца катэхізацыяй (рус. *катехизацией*). «Раньше это оглашение длилось продолжительное время, перед его началом над оглашенными читывались специальные молитвы. Теперь оглашение называется катехизацией...» [17].

Справа ў тым, што катэхізацыяй перыяд абвяшчэння называўся заўсёды, з самага пачатку (з часоў старажытнай царквы). І не таму, што ён працягваўся «доўга» ці «коратка» па працягласці. Катэхізацыяй ён называўся з-за таго, што грэчаскі дзеяслоў κ α τ η χ έ ω меў другое (пасля «абвяшчаць») значэнне — навучаць («настаўляць»). І, канешне, аднакарэннасць (ці, дакладней, падобнасць па форме) з грэчаскай першаасновай прывяла да ўтварэння (у нашай традыцыі) лексемы «катэхізаваць», якая пазней заняла раўназначнае становішча ў славянскіх мовах разам з дзеясловам «абвяшчаць» (рус. *оглашать*).

Катэхізацыяй ён называўся тады, як, дарэчы, і цяпер, таму што галоўная сутнасць «абвяшчэння» (рус. *оглашения*) у сэнсе «навучання» (рус. *наставления*) — гэта знаёмства

будучага верніка са зместам элементарных асноваў хрысціянскай дактрыны (і царкоўнай абраднасці), якая з даўніх часоў выкладалася па спецыяльнай, зразумелай для малапісьменнага (а часцей і зусім непісьменнага) насельніцтва методыцы: у форме кароткіх пытанняў і адказаў.

Менавіта форма пытанняў і адказаў, згодна з якой будаваліся дапаможнікі па хрысціянізацыі насельніцтва, і называлася «катэхізічнай». Інакш, катэхізіс — гэта ўстойлівая, гістарычна ўзнікшая форма дапаможніка для выкладання хрысціянскага веравучэння, якая была пакладзена ў аснову хрысціянізацыі з самых часоў пачатковай (старажытнай) царквы. Яна пазней распаўсюдзілася па ўсёй Еўропе (у Беларусі ў тым ліку) і дайшла да нашых дзён [23]. Таму працэс навучання новадалучаных да хрысціянства вернікаў на стадыі іх абвяшчэння называўся катэхізацыяй.

Іншым чынам (акрамя кароткіх пытанняў і адказаў) непісьменнаму прадстаўніку насельніцтва ранняга сярэднявечча растлумачыць сутнасць хрысціянскай дактрыны было нельга. Толькі пытанне і адказ. Потым, відаць, гэтыя шаблоны былі запісаныя і атрымалі ўсеагульнае распаўсюджанне.

Цікава, дарэчы, і тое, што самая старажытная надрукаваная на тэрыторыі Беларусі (на старабеларускай літаратурнай мове) кніга — таксама «Катэхізіс». Ён быў выдадзены ў Нясвіжы ў 1562 годзе асветнікам беларускай зямлі, адным з дзеячаў эпохі Адраджэння, працы якога былі шырока вядомыя ў розных краінах тагачаснай Еўропы, нашым слынным земляком — Сымонам Будным (каля 1530—1593) [24].

Сымон Будны, дарэчы, ведаючы, што галоўнае адрозненне такой навучальнай кнігі, як катэхізіс, — яе выкладанне ў форме пытанняў і адказаў, падкрэсліў гэтую асаблівасць нават у назве кнігі: «Катихисисъ, то есть наука стародавняя хрiстiанская от Светого Писма для простыхъ людей языка руского въ пытаниахъ и отказехъ събрана» (падкрэслена аўтарам — В. П.).

Заклучэнне. Адзін са старажытных абрадаў у дзейнасці царквы (чын абвяшчэння), які ўзнік у перыяд станаўлення хрысціянскай рэлігіі ды існаваў на працягу многіх стагоддзяў, у цяперашні час перажывае моцнае зніжэнне статусу (аж да страты самога тэрміна «абрад»). Цяпер гэта называецца «практыка падрыхтоўкі да хрышчэння», якая займае дастаткова абмежаваны перыяд часу і прымяняецца ў пэўных сітуацыях даволі сімвалічна.

Галоўнай задачай абраду абвяшчэння (катэхізацыі), пачынаючы з часоў яго ўзнікнення, была перыарыентацыя чалавека, які знаходзіўся ў палоне язычніцкага светаўспрымання, на шлях хрысціянізацыі.

Уся праца прадстаўнікоў царквы (катэхізатараў) падчас даволі працяглага (у старажытнасці) перыяду абвяшчэння была накіравана на змяненне свядомасці, вобразу жыццядзейнасці, комплексу маральных, культурных і светапоглядных арыенціраў чалавека ў накірунку хрысціянскага вобразу мыслення, жыццядзейнасці і светаўспрымання.

Змест праграмы катэхізацыі (у яе поўным «ідэальным» выглядзе) заключаўся ў навучанні абвешчаных («Сімвал веры», малітва «Ойча наш», «Дзесяць біблейскіх запаведзяў», «адносіны з Госпадам», «унутранае і знешняе богапачытанне», адносіны да бліжніх і да самога сябе) базавым (элементарным) ведам, патрэбным любому хрысціяніну. А таксама прывучэнню чалавека да своеасаблівага вобразу жыцця, адпаведнага хрысціянскім традыцыям (уключаючы «пакорлівасць», «страх Божы», «пакаянне» і «пост»).

У змесце тэрміна «абвяшчэнне» (рус. *оглашение*), які спрадвеку ўжываўся для абазначэння перыяду катэхізацыі, неабходна ўлічваць (акрамя непасрэдна навучання кандыдата ў члены хрысціянскай супольнасці) сацыяльна-палітычную зацікаўленасць царкоўнага кіраўніцтва ў публічнай аб'яве (трансляцыі ў свядомасць шырокай грамадскай супольнасці) факта намеру чалавека, які раней знаходзіўся пад уплывам паганства, далучыцца да хрысціянскай царквы, ад чаго залежала павелічэнне колькасці ахвочых прыняць хрысціянства.

Больш інтэнсіўнае ўпамінанне ў сучаснай царкоўнай практыцы тэрміна «катэхізацыя» ў параўнанні з (амаль забытым цяпер) тэрмінам «абвяшчэнне», не звязана з працягласцю сучаснага перыяду перадхрышчэнскай падрыхтоўкі, як лічаць некаторыя.

Абодва тэрміны вытворныя ад грэчаскамоўнага дзеяслова $\kappa \alpha \tau \eta \chi \acute{\epsilon} \omega$. З іх «абвяшчэнне» быў больш распаўсюджаны на пачатковым этапе да той пары, пакуль царква (па прычыне наяўнасці вялікай колькасці нехрысціянізаванага насельніцтва) была зацікаўлена і выкарыстоўвала шырокую агалоску факта жадання язычніка перайсці ў шэрагі хрысціян: «...с места возвышенного...» і «...во всеуслышание...».

А тэрмін «катэхізацыя» замацаваўся ў славянскіх мовах з-за аднакарэннасці з грэчаскім дзеясловам і перакрыў па распаўсюджанасці тэрмін «абвяшчэнне» пасля таго, як дарослых язычнікаў амаль не засталася, публічная заява аб адрачэнні ад язычніцтва стала непатрэбнай (абсалютная большасць грамадзян ужо былі хрысціянамі), а засталася толькі «катэхізаваць» — «навучаць» азам хрысціянства малалетніх.

Неабходна акрамя сказанага звязваць дзеяслоў «катэхізаваць» з назоўнікам «катэхізіс». Катэхізіс — гэта дапаможнік у практыцы навучання хрысціян-неафітаў. Яго спецыфіка — у спецыяльнай форме выкладання матэрыялу, якая будзеца ў выглядзе пытанняў і адказаў. Катэхізаваць — навучаць з дапамогай пытанняў і адказаў, прычым названая форма не выдуманая адвольна. Яна была прадывавана ўмовам і станаўлення хрысціянскага светаўспрымання.

Царква працавала, асабліва на пачатковым этапе (у старажытнасці) галоўным чынам з непісьменным язычніцкім насельніцтвам, навучыць якое, акрамя як у форме пытанняў і адказаў, было немагчыма.

Тытульнае пытанне нашага даследавання: чаму старажытны царкоўны абрад абвяшчэння да сённяшніх дзён зазнаў моцнае зніжэнне свайго статусу, страціў нават прыналежнасць да пераліку абрадаў і ператварыўся ў «практыку падрыхтоўкі да хрышчэння»?

Зніжэнне статусу адбылося ў выніку завяршэння хрысціянізацыі абсалютнай большасці дарослага насельніцтва. Дзяцей пачалі хрысціць у малалетнім узросце. Навучанне асновам веры ў ранейшым выглядзе стала непатрэбным. У малалетстве дзеці навучаліся царкоўнай абраднасці (малітоўнай практыцы, «страху Божаю» і інш.) найперш падчас хатняга выхавання бацькамі-хрысціянамі. А пазней і ўвогуле з'явіліся царкоўныя школы. Неабходнасць у спецыяльнай катэхізацыйнай дзейнасці свяшчэннікаў практычна адпала. Абрад абвяшчэння (рус. *оглашения*) паступова ператварыўся ў «практыку падрыхтоўкі да хрышчэння», якая існуе ў сучаснай царкве.

Спіс цытаваных крыніц

1. Августин Иппонийский (гг. ж.: 354—430) «О символе веры к катехуменам» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ekzeget.ru/bible/2oe-poslanie-k-timofeu-ap-pavla/glava-2/stih-13/> . — Дата доступа: 11.09.2023.
2. Василий Великий (гг. ж.: ок.: 330—379) «О крещении» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://svyatye.com/Sviatitel-Vasilii-Velikii/O-kreshchenii/> . — Дата доступа: 24.07.2023.
3. Диодор Фотикийский (гг. ж.: ок. 400—474) «Катехизис» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Diadorh_Fotiki/katehizis/ . — Дата доступа: 19.06.2023.
4. Иоанн Златоуст (гг. ж.: ок. 347—407) «Слова огласительные» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/oglasit/ . — Дата доступа: 23.05.2023.
5. Оглашение [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://azbyka.ru/oglashenie> . — Дата доступа: 29.08.2023.
6. Иреней Лионский. Доказательство апостольской проповеди [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Irinej_Lionskij/apostolic_preaching/ . — Дата доступа: 03.09.2023.
7. Большое огласительное слово святителя Григория Нисского [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/bolshoe-oglasitelnoe-slovo/ . — Дата доступа: 08.09.2023.
8. Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Ierusalimskij/oglasit/ . — Дата доступа: 03.09.2023.

9. Алмазов, А. И. История чинопоследований: крещения и миропомазания / А. И. Алмазов. — Казань : Тип. Императорского Ун-та, 1884. — 782 с.
10. Гаврилюк, П. Л. История катехизации в древней церкви / П. Л. Гаврилюк / под ред. свящ. Георгия Кочеткова. — М. : Свято-Филарет. моск. высш. православно-христиан. школа, 2001. — 320 с.
11. Daniélou, J. La catéchèse aux premiers siècles / J. Daniélou // Rédigé par Régine du Charlat ; Collection *Ecole de la foi*. — Paris : Fayard — Mame, 1968. — 267 p.
12. Пілецькі, В. А. Пра замежную гістарыяграфію абраду «абвяшчэння» / В. А. Пілецькі // Інтернаўка. — № 37 (307), ч. 3. — М. : Інтернаўка, 2023. — С. 44—48.
13. Молитва «Символ веры» на русском языке [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.krestim-detok.ru/blogs/blog/simvol-very-etu-molitvu-nado-vyuchit>. — Дата доступа: 29.08.2023.
14. Десять заповедей Закона Божьего [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/104777.html>. — Дата доступа: 09.09.2023.
15. Обязанности христианина по отношению к Богу [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://azbyka.ru/obyazannosti-xristianina>. — Дата доступа: 29.08.2023.
16. Упершыню тэрмін «першародны грэх» быў уведзены ў шырокі ўжытак у працы: Блаженный Аврелий Августин. О различных вопросах к Симплициану [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-razlichnykh-voprosakh/1_2_6. — Дата доступа: 25.03.2023.
17. Ефанов, А. Кто такие оглашенные? [Электронный ресурс] / А. Ефанов. — Режим доступа: <https://foma.ru/kto-takie-oglashennyye.html>. — Дата доступа: 01.08.2023.
18. Обучение [Электронный ресурс] // Рос. пед. энцикл. — Режим доступа: <https://www.klex.ru/8me>. — Дата доступа: 25.08.2023.
19. Оглашенные [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://1598.slovaronline.com/>. — Дата доступа: 24.08.2023.
20. Блаженный Аврелий Августин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/. — Дата доступа: 12.07.2023.
21. Чин оглашения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ruvera.ru/oglasheniye>. — Дата доступа: 01.05.2023.
22. Исповедь блаженного Августина, Епископа Иппонийского : в 13 книгах ; новый пер. — М. : Тип. т-ва Рябушинских, 1914. — 442 с.
23. Клімаў, І. П. Беларускія і ўкраінскія катэхізісы XVI—XVIII ст.: крытэры адбору помнікаў (некаторыя метадалагічныя заўвагі) / І. П. Клімаў // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX—XXI ст. у Беларусі : зб. навук. арт., прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2007.
24. Катэхізіс: помнік беларускай Рэфармацыі XVI ст. адаптаваны тэкст, пер. са старажыт. беларус. мовы Н. Кабелка / рэдкал.: Н. Кабелка (навуковы рэд.) [і інш.]. — 2-е выд. — Мінск : Юніпак, 2005.— 312 с.

Паступіў у рэдакцыю 13.10.2023.

УДК 33.011

С. В. Гордейчик

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (33) 698 58 83, snezhana-kcherga@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ЭПОХУ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

В статье проанализированы теоретические аспекты экономической категории «человеческий капитал» с точки зрения различных авторов, систематизированы основные подходы к его определению. Проведен анализ системообразующих показателей человеческого капитала. Выявлено, что реализация принципов устойчивого развития национальной экономики требует полного учета человеческого капитала в национальном богатстве страны. Понимание сущности и значения структурных элементов человеческого капитала является важным для устойчивого развития государства в эпоху информатизации экономики.

Ключевые слова: человеческий капитал; капитал здоровья; человеческий потенциал; человеческие ресурсы; капитал образования; цифровизация.

Библиогр.: 12 назв.

S. V. Gordeychik

Institution of Education “Baranavichy State University”,
21 Voikova Str., 225404 Baranavichy, the Republic of Belarus, +375 (33) 698 58 83, snezhana-kcherga@mail.ru

FORMATION OF HUMAN CAPITAL IN THE AGE OF INFORMATIZATION OF THE ECONOMY

The article analyzes various theoretical aspects of the economic category “human capital” from the point of view of various authors, systematizes the main approaches to its definition. The analysis of system-forming indicators of human capital was carried out. It has been revealed that the realization of the principles of sustainable development of the national economy requires full consideration of human capital in the national wealth of the country. Understanding of the essence and significance of structural elements of human capital is important for sustainable development of the state in the era of informatization of the economy.

Key words: human capital; health capital; human potential; human resources; education capital; digitalization.

Ref.: 12 titles.

Введение. Развитые страны в настоящее время идут по пути создания новой экономики — экономики, построенной на знаниях, инновациях и новых технологиях с высококвалифицированными носителями. Для современного общества характерно значительное увеличение роли цифровых навыков и умений для успешного взаимодействия индивида с цифровой средой. Знания являются ресурсом, который используют как элемент инфраструктуры в виде системы образования и научных институтов в целом, и самым мощным потенциалом страны, который может обеспечить устойчивое развитие, повышение уровня качества жизни населения. В центре находится человек и непосредственно его капитал, как один из главных факторов устойчивого социально-экономического развития страны.

Новый тип экономики требует масштабных изменений, совершенствования производства, переобучения кадров всех уровней, внедрения новых методов управления, а также развития цифровой грамотности индивида. Для становления информационного общества необходимы грамотные и высокооплачиваемые специалисты, обладающие способностью вкладывать в свой человеческий капитал и развивать его, своевременно реагировать на изменения возможностей, возникающих за счет совершенствования информационно-коммуникационных технологий в сфере развития и реализации человеческого капитала. Главными факторами развития человеческого капитала являются инвестиции, инновации и конкуренция.

Материалы и методы исследования. Исследование основано на анализе статистических данных, характеризующих развитие человеческого капитала по параметрам развития отдельных его структурных элементов. Теоретико-методологическую основу составляют исследования в области человеческого капитала, влияния процессов цифровизации на трансформацию системы образования, здравоохранения. Общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения позволили выявить отдельные особенности развития человеческого капитала в современной среде, а также проблемы, сопровождающие данный процесс.

Результаты исследования и их обсуждение. Формирование структуры человеческого капитала проходило ряд преобразований. В XX веке в трудах К. Маркса была определена роль рабочей силы, от которой исходила идея человеческого капитала.

Первыми исследователями человеческого капитала принято считать Т. Шульца (1979) и Г. Беккера (1964). Т. Шульц в своих трудах исследовал человеческий капитал наравне с вещественным капиталом, так как тот и другой капитал способен приносить доход его собственнику. Общество, инвестируя в человеческий капитал, способно добиться не только роста продукта, но и равномерного его распределения [1].

Г. Беккер в своих исследованиях человеческого капитала сделал упор на выделении составных его элементов. Из них он отметил знания, производственные навыки и мотивацию индивидуума. Инвестировать в данные элементы, по его мнению, необходимо через совершенствование образования, накопление профессионального опыта, охрану здоровья, географическую мобильность и поиск информации [2].

Исследования нобелевских лауреатов стали теоретической основой для развития и применения методов определения рамок трудовой деятельности. Они указали на важность инвестирования не в материальное производство, а в развитие и совершенствование человека.

А. В. Бондарь трактует понятие человеческого капитала следующим образом: способность к труду и предпринимательской деятельности, которая приносит доход своему носителю [3].

Развитие человека, повышение его знаний, навыков и возможностей является приоритетным направлением политики Республики Беларусь. Считается, что человеческий капитал — важнейший элемент социально-экономической системы. Он испытывает влияние глобальных тенденций, развиваясь в соответствии с динамикой требований, предъявляемых к нему. Фундаментальными факторами, которые вызывают изменения человеческого капитала, являются цифровизация и усиление влияния цифровых технологий на различные аспекты жизнедеятельности общества. Цифровизация во многом воздействует на человеческий капитал. С расширением возможностей развития возникают новые проблемы, что усиливает сложность данного феномена. Важной составной частью человеческого капитала в эпоху информатизации становится цифровая грамотность. Если говорить о влиянии цифровизации на человеческий капитал, то можно выделить изменения не только содержания структурных элементов, но и процессов его накопления и использования [4].

На стадии постиндустриального развития общества производительные силы человека находят отражение в форме человеческого капитала, именно человек является носителем человеческого потенциала наряду с вещественными средствами накопления, хранения

и обработки информации. Человек, обладающий высоким уровнем общеобразовательной, научной и специальной подготовки, формирует капитал. В силу этого в современных условиях неизмеримо возрастает роль высокообразованной человеческой личности, способной не только воспринимать ранее накопленное научное знание, но и обобщать, анализировать, создавать новое. В информационном обществе человек является главным фактором и информационным ресурсом. Интеллектуализация экономической среды, формирование новых научных знаний, информатизация общества и его уровень овладения информационными ресурсами свидетельствуют об осуществлении высокоэффективной и конкурентоспособной рыночной экономики. С развитием общества требования к человеку возрастают. В современном информационном обществе человек должен развиваться на протяжении всей своей жизни. А для этого, соответственно, необходима система непрерывного образования, которая быстро адаптируется под изменения информационной среды общества. Данная система должна быть ориентирована на использование различных гибких форм обучения и переподготовки. С развитием интернет-сетей и различных коммуникационных средств человеку стало возможным изучать и использовать большую часть накопленных научных знаний, исследованных в мире.

Образовательный капитал, который накапливается в человеке в виде знаний и практического опыта, со временем приобретает для его носителя весомое значение. В отличие от техники, оборудования, материальных ресурсов капитал образования не изнашивается и не приходит в негодность. Для формирования и накопления человеческого капитала необходимо непрерывно инвестировать в него. Например, государственные расходы на образование (в процентах к ВВП) в 2020 году составили 4,7 %, что меньше, чем в 2017-м (4,8 %). Среди стран СНГ по уровню расходов на образование в 2020 году мы заняли 7-е место в процентном соотношении к ВВП. Республика Беларусь занимает 2-е место по обеспеченности детей постоянными учреждениями дошкольного образования. В 2020 году этот показатель составил 86,1 % к численности населения соответствующего возраста. В 2022/2023 учебном году в учреждениях общего среднего образования обучалось 1 085,6 тыс. человек, что на 9,6 тыс. больше, чем в 2021/2022 учебном году. Число учреждений высшего образования в 2022/2023 учебном году составило 50 единиц (включая научные организации), а количество обучающихся в них — 238,45 тыс. человек (в том числе магистранты) [5; 11].

Научный потенциал Республики Беларусь можно оценить по доле исследователей в общей доле населения государства. Основными формами подготовки научных работников высшей квалификации являются аспирантура и докторантура. В 2022 году в республике численность обучающихся аспирантов составила 4,4 тыс. человек. Аспирантуру окончили 796 человек. В докторантуре обучались 703 человека, окончили докторантуру 112 человек. Докторами наук стали 48 человек, кандидатами наук — 308. В 2022 году 25,2 тыс. человек в 448 организациях занимались научными исследованиями и разработками. Структура персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в последние годы практически неизменна: исследователи — 65,1 %, техники — 7,6 %, вспомогательный персонал — 27,3 %. Пятая часть всех исследователей имеет ученую степень: доктора наук — 523 человека, кандидата наук — 2 564. Молодые люди в возрасте до 29 лет (включительно) составили 21,8 % от общего числа исследователей. В профессиональной структуре научных кадров преобладают специалисты в области технических и естественных наук [6].

Вполне справедлива мысль о том, что в информационном обществе наука превращается не просто в непосредственную производительную силу, но и в своеобразный генератор капитала образования, а посредством него и человеческого капитала [7].

Цифровизация образования реформирует способы обучения и образовательную среду. Она расширяет горизонты традиционных методов, обогащая обучение новыми формами интерактивности и мультимедийностью. Прежние границы учебных кабинетов стираются, обеспечивая возможность обучаться в режиме онлайн, что особенно актуально в условиях дистанционного обучения, которое мы сумели применить в условиях пандемии. Важно

отметить, что успешная цифровизация образования требует баланса между техническими инновациями и педагогической экспертизой. Внедрение новых технологий должно сочетаться с разработкой адекватных образовательных подходов, чтобы обеспечить оптимальный образовательный опыт [8].

При непрерывном мониторинге потребностей рынка в специалистах и количестве рабочих мест появится реальная картина происходящего на рынке труда. Также важно учитывать сложившуюся ситуацию на рынке и возможные перспективы его развития в целях эффективного использования человеческого капитала [9].

Еще одним не менее важным структурным элементом человеческого капитала является здоровье. Экономическое восприятие капитала здоровья рассматривается исследователями как расходы на здравоохранение (процесс потребления), так и инвестиции в человеческий капитал. Для развития высококвалифицированных кадров, которые будут своей профессиональной деятельностью приносить обществу пользу, человеку необходимо обладать выносливостью, работоспособностью, физической силой и устойчивостью к различным заболеваниям. Данный капитал формируется в течение всей жизни индивида. Основа жизнедеятельности индивида — здоровье. Поддерживая его на высоком уровне, человек увеличивает свою трудоспособность, повышает производительность труда и эффективность производства в целом.

В любой сфере профессиональной деятельности человеку необходимы физическая сила, выносливость, работоспособность, хорошее здоровье. Устойчивого роста экономики сложно достичь в условиях высокой смертности и потери здоровья общества.

Сокращение (снижение) капитала здоровья сказывается на демографической ситуации, которую в настоящее время можно оценить как достаточно сложную. Капитал здоровья является неотъемлемой частью человеческого капитала, инвестиции в который выражаются в сохранении работоспособности за счет уменьшения заболеваемости и увеличения продуктивного периода жизни. Уровень здоровья во многом зависит от качества услуг здравоохранения, которое сопровождает человека с самого рождения до его пенсионного возраста. Инвестиции в здоровье обеспечивают нормальный оборот рабочей силы в производстве.

Задачей медицины, в том числе медицинской практики, является познание процессов, происходящих в организме человека, в целях сохранения и укрепления его здоровья, а также разработки и практического применения методик диагностики, предупреждения и лечения болезней. Несмотря на весь прогресс, которого достигла медицина, заболеваемость населения, преждевременная смерть, хронические недуги все еще довольно распространены и даже возрастают. По данным медицинской статистики, в Республике Беларусь больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, в 2010 году зарегистрировано 8 299, 2020-м — 8 648, 2022-м — 9 395; выявлена тенденция роста заболеваемости по отдельным видам болезней. Например, в Национальном статистическом комитете Республики Беларусь отметили, что от новообразований в 2022 году умерли 153 тыс. человек. Растет заболеваемость тяжелыми и трудноизлечимыми болезнями. Численность больных с болезнями органов дыхания выросла с 4 349 тыс. человек в 2010 году до 5 554 тыс. человек в 2021-м. Почти 102 тыс. человек страдают психологическими расстройствами и состоят на учете. Очень высока заболеваемость детей; в 2022 году показаны следующие данные: общее количество по стране — 3 336 детей в возрасте до 17 лет, в том числе 4,3 % — с инфекционными и паразитарными болезнями, 2 539 человек — с болезнями органов дыхания и т. д. Заболеваемость и недолжное отношение к уровню здоровья становятся основной причиной смертности даже в трудоспособном возрасте. Серьезной проблемой для общества стали социально обусловленные болезни — алкоголизм, наркомания, туберкулез, ВИЧ-инфекция, заболевания, передающиеся половым путем, и осложнения, вызванные COVID-19 [10].

Программа развития ООН (ПРООН) в Беларуси поддерживает достижение Целей устойчивого развития 3 «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» на национальном уровне. В ответ на актуальные эпидемиоло-

гические вызовы (пандемия COVID-19, распространение ВИЧ и туберкулеза) в последние годы деятельность ПРООН была направлена на оказание поддержки устойчивости системы здравоохранения на национальном и региональном уровнях. Межсекторальными усилиями в Республику Беларусь привлекаются современные и эффективные лекарственные препараты, высокотехнологичное диагностическое оборудование, расходные материалы и средства профилактики в соответствии с последними рекомендациями Всемирной организации здравоохранения. Согласно Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021—2025 годы, ПРООН продолжает поддерживать разработку и развитие мер профилактики неинфекционных и инфекционных заболеваний, распространения навыков здорового образа жизни и самосохранительного поведения, содействия психологическому благополучию. Такая деятельность станет основой для обеспечения общества и отдельных его групп новыми инструментами, знаниями и условиями для укрепления своего потенциала здоровья. Данные меры будут эффективны при наличии мотивации каждого человека и общества в целом в укреплении своего личного и самого главного ресурса — здоровья [12].

Высокий уровень образования и науки позволяет повысить интеллектуальный потенциал, качественное здравоохранение дает возможность поддерживать здоровье и реализовать интеллектуальный и трудовой потенциал. Высокий уровень жизни нужен потому, что он стимулирует к изобретению новейших технологий, аппаратуры, востребованность которых даже не принимается в расчет при низком уровне комфорта. Кроме того, высокий уровень жизни и социальных гарантий позволяет работать, не отвлекаясь на решение бытовых проблем, а также привлечь подготовленных специалистов из других стран. Образование следует рассматривать сегодня как технологию построения будущего нашей страны, как технологию, которая обеспечивает и закладывает здоровье наших детей, формирует культуру здоровья. Одна из причин пассивного отношения человека к своему здоровью — недостаточный уровень объективной системы знаний о здоровье.

Заключение. Правильный и системный подход в формировании человеческого капитала в эпоху становления информационного общества приведет к значительным сдвигам в экономическом росте государств. Влияние цифровизации на функционирование и развитие человеческого капитала позволяет выявить отдельные особенности этого процесса, одним из результатов которого является усиление значимости цифровых знаний и навыков в структуре капитала. Человеческий капитал имеет сложную структуру, поскольку она охватывает различные измерения человеческого бытия экономического характера, каждое измерение раскрывает человеческий потенциал, поэтому все вышеупомянутые элементы человеческого капитала имеют ценность. Инвестирование в развитие образования является перспективным и с каждым годом становится все более значимым и для индивида, и для общества в целом. Только при условии того, что и человек, и общество заинтересованы в высоком уровне образования, можно надеяться на увеличение устойчивого экономического роста страны. Целесообразным считается превращение образования в сферу выгодного инвестирования. Капитал здоровья в Республике Беларусь выступает значимым элементом человеческого капитала, так как от его уровня непосредственно зависит, насколько качественно и полноценно человек сможет трудиться, принося доход себе, своей семье, работодателю и государству. Следовательно, расходы на здравоохранение являются выгодными инвестициями с долгосрочной и постоянно возрастающей отдачей. Важно то, что все эти элементы имеют большую аддитивную силу, несмотря на кажущуюся несогласованность и несравнимость, влияние каждого элемента человеческого капитала следует рассматривать отдельно, но с учетом синергизма компонентов и эффектов взаимодействия.

Список цитированных источников

1. *Schultz, T.* Investment in Human Capital / T. Schultz. — N. Y., 1971.
2. *Becker, G. S.* Investment in Human Capital: a Theoretical Analysis / G. S. Becker // *Journal of Political Economy*. — 1962. — Vol. 70, № 5. — P. 9—49.
3. *Бондарь, А. В.* Человеческий капитал: структурно-содержательная характеристика / А. В. Бондарь, Ю. В. Кузьмич, А. П. Ярошик // Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т; [редкол.: А. В. Егоров (гл. ред.) и др.]. — Минск : БГЭУ, 2022. — Вып. 15. — С. 60—66.
4. *Ишмуратова, Д.* Человеческий капитал в контексте цифровизации: особенности развития / Д. Ишмуратова // *Экономика и упр.* — 2021. — № 6. — С. 203—207.
5. Система образования Республики Беларусь в цифрах / В. В. Соломонова [и др.]. — Минск : Гл. информ.-аналит. центр М-ва образования Респ. Беларусь, 2022. — 62 с.
6. Кадры науки в 2022 году [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/godovye-dannye/kadry-nauki/>. — Дата доступа: 25.09.2023.
7. *Гладышева, А. В.* Образовательная компонента как один из важнейших факторов конкурентоспособности государства в условиях информационного общества / А. В. Гладышева, О. Н. Горбунова, Л. Ф. Голубева // *Экон. явления и процессы*. — 2013. — № 9. — С. 22—26.
8. *Казакова, А. А.* Цифровизация образования: вызовы и возможности / А. А. Казакова // *Инновационные результаты социально-гуманитарных и экономико-правовых исследований* : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 28 авг. 2023 г. — Белгород : АПНИ, 2023. — С. 23—32.
9. *Петрова, Е. А.* Особенности формирования и использования человеческого капитала в процессе информатизации / Е. А. Петрова // *Фундамент. исслед.* — 2006. — № 11. — С. 42—44.
10. Статистический ежегодник. 2023 год : стат. сб. — Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. — 322 с.
11. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь, 2023 : стат. сб. — Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. — 220 с.
12. Здоровье — важная инвестиция в человеческий капитал [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.undp.org/ru/belarus/press-releases/zdorove-vazhnaya-investiciya-v-chelovecheskiy-kapital>. — Дата доступа: 25.09.2023.

Поступила в редакцию 04.10.2023.

УДК 338:001.895:004

В. А. Жук

Коммунальное ремонтно-эксплуатационное унитарное предприятие «ГОРРЕМЛИВНЕСТОК»,
220004 Минск, ул. К. Цеткин, 49, Республика Беларусь, +375 (25) 977 97 52, vktoriazhuk99@gmail.com

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье показана роль процессов информатизации и цифровизации как фактора высокой динамики экономики знаний. Дан анализ перехода к данной экономике в становящемся постиндустриальном обществе, в контексте широкого использования информационно-коммуникационных технологий и повсеместного распространения Интернета. Рассмотрены некоторые страновые особенности цифровой трансформации экономики знаний как комплексного явления, и определено, что в результате этого мировой рынок насыщается новыми, знаниеемкими услугами и товарами. Выявлено, что цифровизация и информатизация экономики знаний в сфере домохозяйств увеличивают занятость, способствуют приросту человеческого интеллектуального капитала и удовлетворению потребительского спроса; в сфере бизнеса они обеспечивают проникновение компаний на мировой рынок, стимулируют рост производительности труда, позволяют распространять инновационную продукцию и расширять конкурентные преимущества субъектов хозяйствования; в сфере госуправления оптимизируют деятельность электронного правительства и облегчают процесс управления агрегированными переменными.

Ключевые слова: экономика знаний; цифровизация; информатизация; постиндустриальное общество; новые технологии; технологические уклады; нематериальные активы.

Библиогр.: 13 назв.

V. A. Zhuk

Municipal repair and maintenance unitary enterprise "GORREMLIVNESTOK",
49 K. Zetkin Str., 220004 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (25) 977 97 52, vktoriazhuk99@gmail.com

THE KNOWLEDGE ECONOMY IN THE CONTEXT OF ITS INFORMATIZATION AND DIGITALIZATION

The article shows the role of informatization and digitalization processes as a factor in the high dynamics of the knowledge economy. An analysis of the transition to this economy in an emerging post-industrial society in the context of the widespread use of information and communication technologies and the widespread of the Internet is given. Some country-specific features of the digital transformation of the knowledge economy as a complex phenomenon are considered and it is determined that as a result of this, the world market is saturated with new, knowledge-based services and goods. It has been revealed that digitalization and informatization of the knowledge economy in the household sector increase employment, contribute to the growth of human intellectual capital and meet consumer demand; in the field of business, they ensure the penetration of companies into the world market, stimulate the growth of labor productivity, allow the distribution of innovative products and expand the competitive advantages of business entities, in the field of public administration, they optimize the activities of e-government and facilitate the process of managing aggregated variables.

Key words: knowledge economy; digitalization; informatization; post-industrial society; new technologies; technological structures; intangible assets.

Ref.: 13 titles.

Введение. Формирование современного типа общественных отношений как с присущими им законами и принципами функционирования, так и с возникающими рисками и угрозами характеризуется широким распространением знаний и информации в рамках развивающегося постиндустриального общества. Такое общественное устройство обладает высоким научно-технологическим потенциалом во всех сферах хозяйственной деятельности и обеспечивает ее развитие и совершенствование.

Переход от индустриальной парадигмы общественной динамики к постиндустриальной предполагает повышение роли интеллекта, знаний, идей в процессе приспособления предметов и сил природы для человеческих нужд и способствует созданию системы общественных отношений, базирующихся на знаниях. Движение любой страны от индустриального этапа развития к постиндустриальному стимулируется информатизацией и цифровизацией становящейся экономики знаний.

Материалы и методы исследования. В отечественной и зарубежной теории и практике наблюдаются различные подходы к определению роли процессов цифровизации и информатизации в становлении и разворачивании экономики знаний в системе постиндустриальных общественных отношений. В трудах белорусских и зарубежных ученых Я. Басинковой, А. В. Бондаря, Л. М. Гохберга, К. И. Жуковой, А. Е. Зубарева, А. В. Кузнецова, Г. Б. Клейнера, М. М. Ковалева, А. А. Локалова, Н. Г. Маханькова экономика знаний рассматривается как закономерный этап формирования постиндустриального общества, дается анализ ее содержания, факторов развития и места в системе экономических отношений, выявляются некоторые особенности ее цифровой трансформации и информатизации. Вместе с тем остаются до конца не решенными проблемы соотнесенности категорий «цифровизация экономики» и «цифровая экономика», влияние процессов цифровизации и информатизации экономики знаний на формирование 5-го и 6-го технологических укладов и на увеличение занятости, прирост человеческого интеллектуального капитала и удовлетворение потребительского спроса в сфере домохозяйств; на проникновение отечественных компаний на мировые рынки, рост производительности труда, расширение конкурентных преимуществ и выпуск инновационной продукции в сфере бизнеса; на оптимизацию деятельности электронного правительства и управления агрегированными переменными в сфере госуправления.

В данной статье используются общенаучные и конкретно экономические методы исследования. Информационной базой послужили научные труды современных отечественных и зарубежных ученых, правительственные программные документы и данные международных организаций.

Результаты исследования и их обсуждение. Деятельность человека в экономике знаний нуждается в информационном обслуживании, связанном с обработкой больших массивов информации. Универсальным техническим средством обработки информации является компьютер с соответствующим программным обеспечением и другие информационно-коммуникационные средства, необходимые для связи и передачи информации. Я. Басинкова справедливо отмечает, что информатизация общества является одной из закономерностей современного социального прогресса [1, с. 61—62]. При этом следует заметить, что информация представляет собой закодированное знание, нарастание потоков которого характерно для экономики знаний.

В постиндустриальном обществе знания и информация, которая является превращенной формой знаний, становятся стратегическим ресурсом развития. Поэтому, как верно замечает А. В. Кузнецова, информационные технологии все глубже проникают во все сферы общественной жизни и не только оказывают влияние на действия индивидов, но и определяют в целом жизненный стиль общества, характер отношений и взаимодействий, а также тенденции в области развития экономики, политики, образования, культуры и т. д. [2]. Представляется, что данные технологии являются важнейшим инструментом совершенствования и оптимизации производственных отношений в экономике знаний. Ведь эти технологии являются инструментом генерирования знаний и передачи информации. В этой связи нельзя не согласиться с К. И. Жуковой, что построение постиндустриального общества тесно связано с повышением роли теоретического знания, появлением высокотехнологичных отраслей, расширением сферы услуг, внедрением информационных сетевых технологий. Она спра-

ведливо замечает, что знания оказывают влияние на все виды экономической деятельности, повышая качественные характеристики результатов производства, воплощаясь в новых, высоких, информационных, сетевых технологиях [3, с. 4]. В целом знания воплощаются во всей системе технологий, которые, в свою очередь, выступают двигателями дальнейшего нарастания объема знаний.

В экономической литературе термин «экономика знаний» используется для определения типа экономики, в которой знания играют решающую роль в экономическом росте и развитии. Ученые обоснованно считают, что экономика знаний является элементом постиндустриальной системы общественных отношений [4, с. 85]. Формирующаяся экономика знаний, отмечают А. В. Бондарь и М. А. Бондарь, выступает феноменом современного экономического развития, который не рассматривается лишь со стороны информационных технологий и Интернета. И хотя Интернету в становлении данного этапа развития мировой экономики по праву принадлежит приоритетная роль, сведение к нему ее сущности представляется неправомерным. Во-первых, потому, что само содержание информационных технологий шире содержания интернет-технологий, а во-вторых, ввиду того, что хотя информационные ресурсы в широком смысле слова и стали доминировать в создании общественного богатства, создать их, распространить и использовать без новых знаний невозможно [5, с. 3]. В приведенных положениях верно отражены такие аспекты экономики знаний, как ее принадлежность к постиндустриальному этапу общественного развития и приоритетность всей системы знаний по отношению к информационным технологиям и Интернету.

От экономики индустриального типа экономика знаний в постиндустриальном обществе отличается тем, что накопление богатства связывается уже не с материальными активами, а со знаниями. Это особенно заметно проявляется на примерах рыночной капитализации обладающих высокоразвитым интеллектуальным человеческим капиталом компаний, которая может буквально в разы превосходить их балансовую стоимость как раз за счет такого нематериального актива, как данный капитал.

Ввиду широты охвата экономических отношений и глубины социально-экономической сущности экономики знаний, а также большого интереса к ее особенностям со стороны научной общественности существует значительное разнообразие ее трактовок. Так, Л. М. Гохберг пишет, что «экономика знаний — это экономика, основанная на интенсивном и эффективном использовании знаний» [6, с. 27]. Г. Клейнер дает такое ее определение: «Экономикой знаний мы называем такое состояние экономики страны, при котором, во-первых, знания становятся полноценным товаром; во-вторых, любой товар несет в себе уникальные знания; в-третьих, знание становится одним из основных факторов производства» [7, с. 32]. Данные определения, хотя и без раскрытия всевозможных нюансов, но вполне обоснованно современную экономику связывают со знаниями. Вместе с тем здесь следовало бы обратить внимание не только на потребление знаний, но и на их производство, распределение и обмен. Это позволило бы более комплексно осветить роль знаний на всех фазах общественного воспроизводства.

Если экономика знаний — это закономерная форма проявления экономических отношений в постиндустриальном обществе, то цифровизация экономики — это одна из эволюционных характеристик развития экономики знаний. Следовательно, цифровизация экономики соответствует не только набору признаков экономики постиндустриального периода, но и содержит ряд отличительных сторон, характеризующих качественную определенность соответствующего этапа экономики знаний.

Цифровизация экономики тесно связана с ее информатизацией и наоборот. В Окинавской хартии глобального информационного общества подчеркивается, что информационно-коммуникационные технологии выступают одним из основных факторов формирования и развития общества в XXI веке [8]. Цифровые технологии определяют образ жизни людей, уровень их образования и квалификации, а также взаимодействие правительства и гражданс-

кого общества, становятся имманентным звеном развития мирового хозяйства. Цифровизация обеспечивает конкурентные преимущества для хозяйствующих субъектов, способствует расширению производства и динамике экономического развития, рационализации занятости, имеет значительные экономические перспективы. При посредстве цифровых технологий информация значительно увеличивает скорость своего распространения и производительного использования в различных секторах народнохозяйственных комплексов, проводящих цифровизацию стран, а информационно-коммуникационные технологии выступают своеобразным каналом, обеспечивающим углубление знаниеемкости их экономики.

Идеи цифровой трансформации экономики как комплексного явления постепенно вошли в политическую повестку правительств, которые стали разрабатывать и осуществлять национальные цифровые стратегии, и международных организаций, занимающихся координацией усилий по цифровизации. Так, в 2015 году в Анталии лидеры G20 приняли итоговый документ «Программа по развитию и сотрудничеству в сфере цифровой экономики», в 2016 году в Канкуне страны Организации экономического сотрудничества и развития на министерской встрече зафиксировали свои общие цели в области цифровой экономики, а в 2017-м в Гамбурге уже обсудили единые подходы к ее регулированию [9, с. 13]. Очевидно, что продвижение стран по пути развертывания экономики знаний приобрело такой мощный движитель, как цифровые технологии, которые позволяют экономике знаний полнее и динамичнее реализовывать свои императивы.

Исследователи отмечают, что цифровая экономика — это не новый элемент общественного развития, а система социально-экономических отношений, трансформирующаяся с учетом развития цифровых технологий. Происходит системный и постепенный перевод форм экономических отношений, взаимодействий бизнеса, государства и населения в цифровой вид [10, с. 22]. Тем самым, не исключая возможности употребления термина «цифровая экономика», авторы фактически соглашаются, что в современных условиях более целесообразно использовать термин «цифровизация экономики», нежели «цифровая экономика».

В обзоре Всемирного банка отмечается, что при цифровой трансформации экономики происходят качественные изменения, заключающиеся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но и в изменении экономической структуры [11, с. 7—8]. Вместе с тем наблюдается смена экономических укладов, изменение традиционных рынков и социальных отношений, совершенствование государственного управления. Все это связано с проникновением цифровых технологий во все сферы экономических отношений. К примеру, в российских программных документах говорится, что цифровая трансформация влечет за собой принципиальное изменение основного источника добавленной стоимости и структуры экономики за счет формирования более эффективных экономических процессов, обеспеченных цифровой инфраструктурой [12]. Очевидно, что цифровая инфраструктура дает более совершенные инструменты осуществления социально-экономических отношений. Цифровизация порождает изменения в общественных отношениях в условиях широкого распространения цифровых технологий, но не заменяет собой новые высокие технологии, а позволяет им нарождаться и полнее, эффективнее раскрываться и совершенствоваться. Это способствует кардинальной реструктуризации объектов цифровой экономики, но не нивелирует ее как таковую. Перспективность и актуальность цифровизации в мировой экономике подтверждает и то, что многие международные организации и экономические союзы в предлагаемых ими трактовках нового типа экономики подчеркивают важнейшую роль ее цифровизации.

Так, Евразийская экономическая комиссия определила цифровое пространство союза как пространство, интегрирующее цифровые процессы, средства цифрового взаимодействия, информационные ресурсы, а также совокупность цифровых инфраструктур на основе норм регулирования, механизмов организации, управления и использования. Цифровая трансформация экономики рассматривается ею как проявление качественных, по сути, революционных изменений, состоящих не только в некоторых цифровых преобразованиях, но и в изме-

нении структуры экономики, в перетоке центров формирования добавленной стоимости в сферу использования цифровых ресурсов и реализации сквозных процессов цифровых технологий [11, с. 7—8]. Цифровые технологии становятся все более значимыми инструментами осуществления и совершенствования экономических отношений.

В цифровизируемой экономике знаний наблюдается изменение значения материально-вещественных факторов общественного производства в направлении его уменьшения. Одной из ведущих тенденций цифровизируемой экономики знаний правомерно считать замену вещественных составляющих производства на не вещественные. Возрастает роль информационно-цифровой компоненты в затратах на производство. В совокупной стоимости продукции растет доля информации, цифровых технологий, интернет-услуг и сервисов, программных продуктов, а доля материальной составляющей падает.

Верно отмечает А. Е. Зубарев, что ценность компаний и фирм, их конкурентоспособность все в большей мере определяются не только материальным имуществом, а скорее нематериальным: знаниями людей, человеческим капиталом, идеями, искусственным интеллектом и стратегической совокупностью ключевой интеллектуальной собственности (обладание идеями, инновационными цифровыми технологиями), обеспечивающими стратегическое превосходство фирмы над конкурентами [13, с. 181]. При этом следует добавить, что в основе трансформационных процессов в экономике лежат знания, которые воплощаются во все новые высокие технологии, в том числе и информационные, цифровые.

Возможности цифровой трансформации экономики знаний наиболее полно реализуются тогда, когда она охватывает все сферы жизни общества, становится все более интегрированной с уже используемыми технологиями и комплексно с ними работает. На этом пути возникают различные барьеры, связанные с социальными и техническими факторами. К примеру, проблемы безопасности данных могут замедлить или даже приостановить цифровую трансформацию экономики знаний. При этом применение новых цифровых технологий не всегда имеет предсказуемый результат. В этой связи знания следует нацеливать не только на разработку и внедрение новых цифровых технологий, но и на поиск путей определения и преодоления создаваемых ими барьеров на пути научно-технологического прогресса, нивелирования создаваемых ими отрицательных внешних эффектов. Значительным подспорьем в этом процессе могут быть и сами цифровые технологии.

В конечном итоге положительное влияние цифровизации и информатизации сказывается на всей экономике знаний. В сфере домохозяйств информационно-коммуникационные технологии увеличивают занятость, способствуют приросту человеческого капитала и удовлетворению потребительского спроса; в сфере бизнеса они обеспечивают проникновение компаний на мировой рынок, распространяют знания по стимулированию роста производительности труда и расширению конкурентных преимуществ, позволяют шире распространять инновационную продукцию; в сфере госуправления открывают доступ населению к государственным услугам в рамках деятельности электронного правительства и облегчают процесс управления агрегированными переменными.

Заключение. Проведенный анализ становления, функционирования и развития экономики знаний в условиях ее цифровой трансформации и информатизации позволил определить данную экономику как имманентный этап развертывания постиндустриального общества, в котором знания обеспечивают высокие темпы технико-технологической и социально-экономической динамики, а цифровые технологии выступают универсальным инструментом реализации производственных отношений. Данные технологии способствуют быстрому и беспрепятственному распространению информации, являющейся превращенной формой знаний, охватывающих практически все сферы экономики и обеспечивающих созидание и внедрение в общественное производство инноваций и распространение в нем 5-го и 6-го технологических укладов. Проникновение цифровых технологий во все сферы экономических

отношений инспирирует прогрессивную смену экономических укладов, рациональное изменение традиционных рыночных взаимодействий и совершенствование государственного управления. При этом возникают и определенные киберугрозы, предполагающие настоятельную необходимость их нивелирования на основе применения технологий и способов безопасной передачи информации, а также разработки и внедрения соответствующего законодательства. В целом постепенный перевод разнообразных форм экономических отношений в цифровой формат обеспечивает экономику знаний наиболее совершенными инструментами ее функционирования, создает широкие и беспрепятственные информационные каналы, ускоряет создание, распространение и внедрение новых высоких технологий, способствуя устойчивости и высокой конкурентоспособности национальной экономики. При этом знания остаются решающим, базовым фактором экономического роста и развития. Соответственно, интенсификация их расширенного воспроизводства на базе национальных систем образования и науки требует широкого и перманентного инвестирования не только из госбюджетных, но и частных источников.

Список цитированных источников

1. *Басинкова, Я.* Система отношений государства и общества в сфере государственных услуг в условиях цифровой экономики : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Я. Басинкова. — М., 2017. — 396 л.
2. *Кузнецова, А. В.* Искусственный интеллект и информационная безопасность общества : монография / А. В. Кузнецова, С. И. Самыгин, М. В. Родионов ; под ред. П. С. Самыгина. — М. : РУСАИНС, 2016. — 118 с.
3. *Жукова, К. И.* Знания как ресурс сферы услуг постиндустриального общества : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / К. И. Жукова. — Минск, 2014. — 161 л.
4. *Иванов, С. В.* Теоретические основы формирования экономики знаний / С. В. Иванов // Соц.-экон. явления и процессы. — 2011. — № 8 (030). — С. 85—91.
5. *Бондарь, А. В.* Экономика знаний: ретроспективно-перспективный анализ / А. В. Бондарь, М. А. Бондарь // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экономические и юридические науки. — 2011. — № 5. — С. 2—8.
6. *Гохберг, Л. М.* Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» // Вопр. экономики. — 2003. — № 3. — С. 26—45.
7. *Клейнер, Г. Б.* Микроэкономика знаний и мифы современной теории // Высш. образование России. — 2006. — № 9. — С. 32—37.
8. Окинавская хартия глобального информационного общества (Окинава, 22 июня 2000 года) // Дипломат. вестн. — 2000. — № 8. — С. 51—56.
9. *Ковалев, М. М.* Цифровая экономика — шанс для Беларуси : монография / М. М. Ковалев, Г. Г. Головенчик. — Минск : Издат. центр БГУ, 2018. — 327 с.
10. *Бондарь, А. В.* Цифровизация экономики и интеллектуальный капитал / А. В. Бондарь, Ю. В. Гуц // Новая экономика. — 2020. — № 1 (75). — С. 21—26.
11. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации / Группа Всемирного банка. — 2016. — 29 с.
12. Развитие цифровой экономики в России. Программа до 2035 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf>. — Дата доступа: 02.03.2021.
13. *Зубарев, А. Е.* Цифровая экономика как форма проявления закономерностей развития новой экономики / А. Е. Зубарев // Вестн. ТОГУ. — 2017. — № 4 (67). — С. 177—184.

Поступила в редакцию 26.10.2023.

УДК 628.4.04

А. Н. Короб, кандидат экономических наук, доцент

Государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 787 37 49, nemodakar@mail.ru

ПЕРЕКРЕСТНОЕ СУБСИДИРОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Экономисты рассматривают перекрестное субсидирование как ценовую дискриминацию, когда цена для одних стейкхолдеров устанавливается ниже предельных издержек за счет того, что для других субъектов цена устанавливается выше предельных издержек. На основе исследования государственного регулирования в белорусской институциональной системе нами установлены и другие формы экономической дискриминации, которые государственные институты используют для решения первоочередных экономических и социальных проблем:

– финансовое перекрестное субсидирование — установление дифференцированных процентных ставок на кредитные ресурсы в зависимости от категории получателя кредита;

– капитальное перекрестное субсидирование — присоединение убыточных субъектов хозяйствования к прибыльным;

– производственное перекрестное субсидирование — использование механизмов поставки продукции по фиксированным ценам для выполнения государственного заказа.

Перекрестное субсидирование не стало самоподдерживающимся институтом, а всего лишь является инструментом решения глобальных задач, отложенных на далекую перспективу ввиду значительных издержек институциональной трансформации, к которым не готово большинство стейкхолдеров.

Ключевые слова: перекрестное субсидирование; институциональные преобразования; стейкхолдеры; государственное регулирование; экономическая дискриминация.

Библиогр.: 8 назв.

A. N. Korob, PhD, Associate Professor

State Scientific Institution “Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus”, 1 Surganova Str., bldg. 2, 220072 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 787 37 49, nemodakar@mail.ru

CROSS-SUBSIDIZATION AS AN ELEMENT OF GOVERNMENT REGULATION OF THE ECONOMY

Economists explore cross-subsidization as price discrimination, when the price for some stakeholders is set below marginal costs due to the fact that for the other entities the price is set above marginal costs. Based on a study of government regulation in the Belarusian institutional system, we have identified other forms of economic discrimination that government institutions use to solve priority economic and social problems:

– financial cross-subsidization — establishing differentiated interest rates on credit resources depending on the category of the loan recipient;

– capital cross-subsidization — joining unprofitable business entities to profitable ones;

– production cross-subsidization — the use of mechanisms for the supply of products at fixed prices to fulfill a state order.

Cross-subsidization has not become a self-sustaining institution, but is just a tool for solving global problems that have been postponed for the long term due to the significant costs of institutional transformation, for which most stakeholders are not ready.

Key words: cross-subsidization; institutional transformation; stakeholders; government regulation; economic discrimination.

Ref.: 8 titles.

Введение. Государственное регулирование экономики используется для нивелирования или смягчения действия рыночных институтов и направлено зачастую на решение социальных задач. Одним из часто используемых инструментов государственного регулирования

является перекрестное субсидирование, которое в экономической науке трактуется как ценовая дискриминация, когда цена для одних потребителей устанавливается ниже предельных издержек за счет того, что для других субъектов цена устанавливается выше предельных издержек. Под предельными издержками понимаются затраты на производство каждой дополнительной единицы продукции. При такой системе ценообразования в идеальной ситуации происходит сбалансирование цен и покрытие ими полной себестоимости продукции. В мировой практике чаще всего данный инструмент используется в сферах функционирования естественных монополий и направлен на улучшение финансового положения отдельных стейкхолдеров. В белорусской институциональной практике перекрестное субсидирование нашло очень широкое применение и подразумевает не только ценовую дискриминацию, но и финансовую, производственную и капитальную.

Объектом нашего исследования являются различные формы перекрестного субсидирования в экономике. Предметом исследования является применение перекрестного субсидирования в белорусской институциональной системе. Цель исследования — проанализировать отношения перекрестного субсидирования в белорусской институциональной системе для повышения эффективности государственного регулирования экономики.

Материалы и методы исследования. В научной среде имеется несколько точек зрения на перекрестное субсидирование, наиболее доминантными из которых являются:

- 1) перекрестное субсидирование — трактуется как результат неэффективной деятельности естественных монополий;
- 2) перекрестное субсидирование — рассматривается как негативный результат государственного регулирования ввиду искажения ценовых индикаторов рынка;
- 3) в теории государственного регулирования экономики, основоположником которой стал представитель чикагской школы Дж. Стиглер, перекрестное субсидирование даже рассматривается как процесс перераспределения доходов между видами деятельности регулирующим государственным органом «в целях максимизации оказываемой политической поддержки» [1, с. 27—28].

По нашему мнению, перекрестное субсидирование рассматривается как инструмент снижения экономической эффективности для достижения поставленных государством целей, в том числе для обеспечения социальной эффективности. В основе перекрестного субсидирования лежит ценовая дискриминация одних субъектов за счет других, которая обеспечивает сбалансирование доходов и расходов производителя. Также отличительной особенностью рассматриваемого инструмента является директивное установление цен, определение субъектов и границ осуществления со стороны государства, так как в либеральной рыночной экономике само предприятие устанавливает цены для различных категорий покупателей и регионов.

В отечественной и мировой практике государственного регулирования экономики по критерию направления перераспределения доходов можно выделить два вида перекрестного субсидирования как ценовой дискриминации.

1. Межобъектное перекрестное субсидирование предполагает перераспределение выручки между структурными составляющими товарной продукции. Примером такой практики является установление предельных отпускных цен на отдельный ассортиментный товарный перечень — для производителя перекрестное субсидирование реализуется либо в виде продажи других товаров по завышенным ценам, либо в виде компенсации понесенных убытков. Классическим межобъектным перекрестным субсидированием в белорусской институциональной системе является установление единых цен на нефтепродукты. Цены на топливо существенным образом влияют на себестоимость выпускаемой продукции и индекс потребительских цен в любой стране, поэтому в отечественной практике применяется принцип единых цен на данную продукцию для всех потребителей. Для нефтеперерабатывающих заводов обеспечение финансовой стабильности может осуществляться за счет низких цен на

сырую нефть, реализации нефтепродуктов по более высоким ценам на зарубежных рынках или получения дотаций и субсидий из бюджетных источников. Такая практика обеспечивает низкую волатильность цен на нефтепродукты вне зависимости от котировок сырой нефти и обеспечивает реализацию социальной политики.

2. Межсубъектное перекрестное субсидирование реализуется в случае, когда за один и тот же товар разные потребители платят дифференцированную цену. В данном случае примером выступают отдельные жилищно-коммунальные услуги, которые реализуются домохозяйствам и субъектам хозяйствования по дифференцированным тарифам. Например, тепло-снабжение и подогрев воды население оплачивает по более низким социально значимым тарифам, а юридические лица компенсируют полную себестоимость данной услуги. Однако на данный момент в главе 3 Концепции совершенствования и развития жилищно-коммунального хозяйства до 2025 года предполагается сокращение перекрестного субсидирования при оплате отдельных жилищно-коммунальных услуг [2].

Для белорусской институциональной практики перекрестное субсидирование как форма ценовой дискриминации преследует цели социальной эффективности и обеспечивает доступность социально значимых товаров и услуг для широких категорий населения, в то время как субъекты хозяйствования могут оплачивать аналогичные товары и услуги по ценам с высокой долей маржинальности. Что касается жилищно-коммунального хозяйства, то такая практика в отдельных случаях приводит к искажению целей государственного регулирования. В Беларуси перекрестное субсидирование при оплате жилищно-коммунальных услуг регрессивно в абсолютном выражении. Дело в том, что тарифы на жилищно-коммунальные услуги одинаковы как для богатых, так и для бедных домашних хозяйств. Но поскольку более высокий доход обычно подразумевает жилье большей площади и потребность в большей энергии для отопления, домохозяйства с более высоким доходом сталкиваются с большими коммунальными расходами и, соответственно, получают более высокую выгоду от перекрестного субсидирования, что и повышает для них доступность оплаты жилищно-коммунальных услуг. В то же время, если рассмотреть субсидии на оплату жилищно-коммунальных услуг в относительном выражении, они являются прогрессивными: более бедные домохозяйства получают более высокую долю своего дохода в виде сниженных тарифов. Данное обстоятельство можно интерпретировать как сравнительно более высокую помощь беднейшим домохозяйствам по оплате жилищно-коммунальных услуг, что в реальности не является верным.

В процессе перекрестного субсидирования регулирующим элементом является государство в лице различных государственных органов. Неотъемлемым атрибутом является наличие «доноров» — стейкхолдеров, вносящих большую плату и подвергающихся ценовой дискриминации, а также «реципиентов» — стейкхолдеров, находящихся в привилегированном положении и получающих скрытый доход от более низких цен.

Результаты исследования и их обсуждение. Проводя аналогию с ценовой дискриминацией, в институциональной практике можно выделить и иные формы перекрестного субсидирования, которые уже успели стать традиционными:

– финансовое перекрестное субсидирование — установление дифференцированных процентных ставок на кредитные ресурсы в зависимости от получателя кредита, предполагается наличие «льготных» категорий стейкхолдеров;

– капитальное перекрестное субсидирование — присоединение убыточных субъектов хозяйствования к прибыльным;

– производственное перекрестное субсидирование — использование механизмов поставки продукции по фиксированным ценам для выполнения государственного заказа, широко применяется в агропромышленном комплексе в виде закупок сельскохозяйственного сырья по ценам ниже рыночных для поставок на перерабатывающие предприятия, тем самым обеспечивается смещение центра получения прибыли.

На финансовых рынках процентные ставки на кредитные ресурсы устанавливаются под воздействием многих факторов: ключевой ставки процента, нормы резервирования, уровня инфляции, конъюнктуры и пр. Отличительной особенностью финансового перекрестного субсидирования является вмешательство государства как института в функционирование финансового рынка и директивное установление сниженных процентных ставок для определенных категорий населения или субъектов хозяйствования. Например, в мировой практике «льготные» процентные ставки характерны для представителей малого и среднего бизнеса, молодых семей и др.

Финансовое перекрестное субсидирование характерно для многих стран и предполагает различные процентные ставки по кредитам в зависимости от цели кредита, срока и кредитополучателя. Такой механизм финансовой дискриминации широко применяется в белорусской институциональной практике. Для физических лиц условия льготного кредитования в сфере недвижимости установлены Указом Президента Республики Беларусь № 13 от 6 января 2012 года «О некоторых вопросах предоставления гражданам государственной поддержки при строительстве (реконструкции) или приобретении жилых помещений» [3]. Для юридических лиц есть различные партнерские программы кредитования, государственные целевые программы с бюджетными источниками финансирования.

На финансовом рынке процентная ставка является ценой за пользование кредитными деньгами, которая должна учитывать «стоимость» денег для самого банка и его маржинальный доход. Например, финансовое учреждение, привлекая денежные средства от населения, процентную ставку по депозитам устанавливает на определенное количество пунктов ниже, чем по кредитам. То же происходит, если денежные средства коммерческий банк привлекает от регулятора (Национального банка). Для целей социальной и экономической политики государственные институты могут устанавливать сниженные процентные ставки для определенных категорий населения или субъектов хозяйствования. В этом случае для коммерческого банка, работающего с такими клиентами, возможны следующие варианты балансирования финансовой устойчивости:

- повышение процентных ставок для остальных категорий кредитополучателей, которые выступают «донором» для снижения стоимости кредитных ресурсов;
- снижение уровня общей рентабельности финансовой деятельности банка за счет «льготного» кредитования, тогда «донором» выступает непосредственно обслуживающий банк;
- получение от регулятора финансовых ресурсов под конкретные цели по процентной ставке, обеспечивающей, по крайней мере, нулевую рентабельность «льготного» кредитования. Такие финансовые ресурсы могут быть получены в результате денежной эмиссии, переданы регулятору финансового рынка из бюджетных источников или же размещены из резервов самого Национального банка.

Обязательным атрибутом перекрестного субсидирования в финансовой сфере являются директивные указания государства как института. В таком случае возникает конфликт интересов государственных органов по поводу такого регулирования. Дело в том, что снижение процентных ставок для определенных категорий субъектов и под конкретные цели является частью государственной социальной и экономической политики, за которую отвечает Правительство Республики Беларусь (Совет Министров Республики Беларусь), а регулирование «стоимости» денег относится к денежно-кредитной политике, что является основной функцией Национального банка. Хотя Национальный банк Республики Беларусь не подчиняется Совету Министров и является независимым, однако в ст. 37 Банковского кодекса Республики Беларусь содержится утверждение о проведении единой денежно-кредитной политики двумя государственными органами [4]. Данный факт является косвенным подтверждением существования финансового перекрестного субсидирования в белорусской институциональной практике. Для разрешения описанного нами институционального конфликта интересов предлагается использование механизма гармонизации экономических интересов стейкхолдеров, предложенного нами ранее на примере жилищно-коммунального хозяйства [5; 6].

Капитальное перекрестное субсидирование в отечественной институциональной системе является инструментом решения вопроса убыточности отдельных предприятий. Государственные институты, применяя данный инструмент, исходят из необходимости сохранить производство социально значимых товаров, обеспечить занятость населения и продовольственную безопасность страны. Реализация перекрестного субсидирования в форме капитальной дискриминации осуществляется в виде присоединения стабильно убыточного субъекта хозяйствования к прибыльному предприятию этой отрасли или иной. Как правило, широкое распространение данный инструмент получил в сельскохозяйственном производстве. Присоединение убыточного предприятия к рентабельному приводит к тому, что сумма накопленного убытка уменьшает размер нераспределенной прибыли эффективного субъекта хозяйствования, тем самым снижает доходность его капитала. Помимо снижения доходности капитала к данному предприятию переходит задолженность убыточного предприятия, которая может быть гораздо больше суммы присоединенных активов. Также новому собственнику необходимо решать вопросы с выплатой заработной платы работникам присоединенного субъекта, сохранением производства и повышением его эффективности на основе инвестиций. Зачастую выполнение всех перечисленных условий приводит к убыточности всего объединенного комплекса.

При капитальном перекрестном субсидировании «донором» является прибыльное предприятие, которое сталкивается с уменьшением нераспределенной прибыли, рентабельности. «Реципиентом» в результате такого присоединения является персонал убыточного субъекта, который рассчитывает на выплату долгов по заработной плате, стабильность функционирования производства и повышение своих доходов. Бюрократический государственный аппарат также заинтересован в таком инструменте: по статистике на одно проблемное предприятие станет меньше.

Капитальное перекрестное субсидирование осуществляется государственными институтами, как правило, в отношении подчиненных предприятий государственной формы собственности. При принятии такого рода решений очень сложно учесть, какие риски принесет подобное слияние — приоритет отдается статистическим показателям и снижению количества убыточных субъектов, что может свидетельствовать о приоритетах именно социальной эффективности в административно регулируемой экономике, а государственные институты принимают решения исходя из экономических интересов работников.

Производственное перекрестное субсидирование является объективным последствием государственного регулирования экономики и возникло в белорусской институциональной системе в соответствии с существованием институтов закупок для государственных нужд и фиксированных цен. Данный инструмент нашел применение в агропромышленном комплексе и предполагает взаимодействие двух контрагентов — сельскохозяйственного предприятия (поставщика) и перерабатывающей компании (заготовителя). Государство в лице Министерства сельского хозяйства и продовольствия в рамках обеспечения процесса закупки сельскохозяйственной продукции для государственных нужд устанавливает на нее ежегодно фиксированные цены [7]. Данные цены устанавливаются в соответствии с Инструкцией о методике установления цен на сельскохозяйственную продукцию, закупаемую для государственных нужд [8]. Цены должны учитывать затраты на производство сельскохозяйственной продукции и минимальную рентабельность, а также могут индексироваться в связи с ростом инфляции. Зачастую производство такой продукции для государственных закупок является нерентабельным для сельхозпроизводителей. Перерабатывающее предприятие (заготовитель), которое получает продукцию в рамках контракта поставки для государственных нужд, в большинстве случаев также оказывается ограниченным в ценообразовании на свою товарную продукцию. Однако для компании-переработчика имеется возможность поставлять свой товар на зарубежные рынки, тем самым компенсируя свои низкорентабельные продажи на внутреннем рынке.

Для стабильного функционирования сельскохозяйственных производителей ввиду имеющихся ограничений в ценообразовании государственные институты активно используют инструменты «льготного» кредитования и «спонсорской» помощи от прибыльных компаний, тем самым осуществляя механизмы финансового и капитального перекрестного субсидирования.

Заключение. В ходе исследования отношений перекрестного субсидирования в белорусской институциональной системе было установлено, что помимо ценовой дискриминации можно выделить финансовую, производственную и капитальную формы. Отличительные признаки, которые характерны для ценового перекрестного субсидирования, могут быть присущи и для других форм:

- неэффективность деятельности государственной монопольной деятельности, а зачастую и ее сокращение;
- негативный результат государственного регулирования ввиду искажения ценовых индикаторов рынка;
- обеспечение процесса перераспределения доходов одних стейкхолдеров за счет других, т. е. наличие стейкхолдеров-«доноров» и стейкхолдеров-«реципиентов»;
- государственные институты инициируют директивные указания по поводу организации перекрестного субсидирования и выступают его инициатором.

По нашему мнению, рассмотренные формы перекрестного субсидирования можно разделить на две непропорциональные группы:

- ценовая, финансовая, производственная — первоначально обеспечивается дискриминация «доноров» в процессе государственного регулирования отдельных сфер хозяйственной деятельности;
- капитальная — государственное регулирование обеспечивает нивелирование негативных последствий других форм перекрестного субсидирования.

Очевидно, что решение вопросов, связанных с нивелированием перекрестного субсидирования, лежит в плоскости всеобщих институциональных преобразований, а не решается только в одной какой-либо сфере деятельности. Наиболее негативной формой перекрестного субсидирования является капитальная форма. По нашему мнению, для недопущения ее применения необходимо обеспечить действенные и своевременные механизмы государственной поддержки «доноров».

Безусловно, все рассмотренные формы перекрестного субсидирования выполняют социальные функции, на данный момент весьма затруднительно предложить альтернативные механизмы решения озвученных проблем. Перекрестное субсидирование в государственном регулировании используется для краткосрочного решения накопившихся экономических и социальных проблем, но не решает их в долгосрочной перспективе. Очевидно, что оно не стало самоподдерживающимся институтом, а всего лишь является инструментом решения глобальных задач, отложенных на отдаленную перспективу ввиду значительных издержек институциональной трансформации, к которым не готовы отечественные стейкхолдеры.

Список цитированных источников

1. Суюнчев, М. М. Исследование тарифных последствий перекрестного субсидирования в электроэнергетике / М. М. Суюнчев, О. В. Темная, Д. В. Агафонов. — М. : Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 2020. — 51 с. (Препринт / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации).
2. О Концепции совершенствования и развития жилищно-коммунального хозяйства до 2025 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 дек. 2017 г., № 1037 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21701037&p1=1>. — Дата доступа: 22.07.2023.

3. О некоторых вопросах предоставления гражданам государственной поддержки при строительстве (реконструкции) или приобретении жилых помещений [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 6 янв. 2012 г., № 13 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: [https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2012-6/2012-6\(008-032\).pdf&oldDocPage=1](https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2012-6/2012-6(008-032).pdf&oldDocPage=1). — Дата доступа: 22.07.2023.

4. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 25 окт. 2000 г., № 441-3 : принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

5. *Короб, А. Н.* Алгоритм управления экономическими интересами стейкхолдеров в жилищно-коммунальном хозяйстве / А. Н. Короб // Вестн. БарГУ. Сер. «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2023. — № 1 (13). — С. 53—62.

6. *Короб, А. Н.* Траектория институциональных преобразований в жилищно-коммунальном хозяйстве / А. Н. Короб // Новая экономика. — 2023. — № 2 (81). — С. 196—204.

7. Об установлении фиксированных цен на сельскохозяйственную продукцию (растениеводства) урожая 2023 года, закупаемую для государственных нужд [Электронный ресурс]: постановление М-ва сел. хоз-ва и продовольствия Респ. Беларусь, 14 марта 2023 г., № 33 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22339690>. — Дата доступа: 30.08.2023.

8. Инструкция о методике установления цен на сельскохозяйственную продукцию, закупаемую для государственных нужд [Электронный ресурс]: приказ М-ва сел. хоз-ва и продовольствия Респ. Беларусь, 20 июня 2019 г., № 166 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

Поступила в редакцию 14.09.2023.

УДК 366.14

Е. А. КостюкевичУчреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 829 62 01, kost.elena80@mail.ru**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «ПОВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

В исследовании рассмотрено понятие «поведение потребителей», или «потребительское поведение». Выделены основные теории, применяемые при изучении потребительского поведения. Приводятся различные теоретические объяснения поведения потребителей. Поведение человека как потребителя рассматривается не только как социальное поведение в сфере экономики, но и как экономическое поведение в качестве субъекта социально-экономических отношений. Проводится анализ научных теорий в области потребительского поведения. Отмечаются различные классификации факторов влияния на потребительское поведение.

На основе проведенного исследования указывается особое значение использования факторов влияния на потребительское поведение при разработке маркетинговых стратегий бизнес-структурами.

Ключевые слова: поведение потребителей; потребительское поведение; покупательское поведение; экономическое поведение; факторы поведения.

Табл. 1. Библиогр.: 15 назв.

E. A. KostyukevichEducational institution "Baranavichy State University", 21 Voikova Str.,
225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (29) 829 62 01, kost.elena80@mail.ru**THEORETICAL ASPECTS OF INTERPRETATION OF THE CONCEPT "CONSUMER BEHAVIOR" IN ECONOMIC LITERATURE**

The study examines the concepts of consumer behavior or consumer buying behavior. The main theories used in the study of consumer behavior are highlighted. Various theoretical explanations of consumer behavior are provided. Human behavior as a consumer is considered not only as social behavior in the economic sphere, but also as economic behavior as a subject of socio-economic relations. An analysis of scientific theories in the field of consumer behavior is carried out. Various classifications of factors influencing consumer behavior are noted.

Based on the conducted research, the author points out the special importance of using factors influencing consumer behavior when developing marketing strategies by business structures.

Key words: consumer behavior; consumer buying behavior; purchasing behavior; economic behavior; behavioral factors.

Table 1. Ref.: 15 titles.

Введение. Роль сферы потребления в современной рыночной экономике возрастает относительно более раннего периода, когда основную роль играло непосредственно производство.

Человек сегодня действует на рынке как потребитель и частных, и общественных благ, поэтому потребительское поведение исследуется как аккумулятор информации о рынке, целевой аудитории организаций, месте организации и перспективах ее развития.

В экономической теории понятие «поведение потребителя» рассматривается как симбиоз понятий «стоимость товара», «затраты на приобретение товара», «выгода от приобретения и использования товара», «благо» и др.

В маркетинге понятие «поведение потребителя» рассматривается относительно влияния на него различных, в целом управляемых факторов, как внутренних, так и внешних в целях понимания потребностей населения и формирования в целом эффективной политики организации.

Материалы и методы исследования. На протяжении всей истории исследования потребительского поведения потребительский выбор и принятие решений всегда были в центре внимания исследований потребительского поведения, а самый главный вопрос состоял в том, как потребители принимают решения.

Поведение потребителей относится к изучению процессов, при которых отдельные лица или группы выбирают, покупают, используют товары и услуги, удовлетворяющие определенные потребности и ожидания. Исследование поведения потребителей развилось из первоначального исследования мотивации принятия потребительских решений.

Вопросы, связанные с изучением потребительского поведения и важности исследования факторов, на него влияющих, исследовались отечественными и зарубежными учеными, в частности, такими авторами, как Дж. Энджел, Р. Блэкуэлл, П. Миниард, Г. Беккер, В. И. Верховин, Л. И. Ростовцева, Б. И. Темирбулатов, Е. Ю. Депутатова, О. С. Медведева, А. Н. Саевец и др. Данное исследование было проведено на основе анализа трудов данных авторов.

Для изучения потребительского поведения необходим синергизм знаний в областях экономики, маркетинга, психологии и социологии.

Результаты исследования и их обсуждение. Научный подход к изучению потребительского поведения включает в себя различные методы и теории, направленные на анализ и понимание факторов, влияющих на принятие решений о покупке товаров и услуг. Одной из основных теорий, используемых для изучения поведения потребителей, является теория ожиданий, которая предполагает, что потребители принимают решение о покупке на основе своих ожиданий относительно цены, качества и других характеристик товаров и услуг. Другой важной теорией является теория социального влияния. Она предполагает, что потребители могут принимать решения о покупке под влиянием мнения других людей (влиятелей, референтных групп).

Теория потребительского поведения начинала изучаться как один из разделов экономической теории. Однако в настоящее время изучение данной категории перешло в сферу прикладных наук в направлениях маркетинга.

В своих исследованиях Дж. Энджел, Р. Блэкуэлл, П. Миниард делали акцент на том, что поведение потребителей — это в большей степени нахождение причин покупок людей в целях облегчения понимания продавцов, как именно необходимо разрабатывать стратегии влияния на потребителей, предпочитающих определенные товары или торговые марки [1].

В то же время Г. Беккер выделял экономический подход к человеческому (потребительскому) поведению и определял, что человеку свойственно делать приобретения в целях повышения своего благосостояния со своей индивидуальной точки зрения [2].

Исследователь В. И. Верховин рассматривал поведение потребителей как синтез воспроизводственного и маркетингового подходов. При этом он определил, что поведение потребителя включает не только поведение в момент покупки, но и особенности пред-покупочного и послепокупочного поведения [3].

Российские ученые Л. И. Ростовцева [4], Б. И. Темирбулатов [5] подходили к понятию «поведение потребителя» в большей степени через призму личности потребителя и эмпирического маркетинга. Выделяется важнейшее влияние мотивов поведения потребителей, их рациональности в планировании собственного бюджета и принятии решений о покупках на деятельность потребителей на рынке, потребностей бизнеса в целом. Можно отметить, что исследование потребителей прошло длительный путь, начиная от классических взглядов в рамках микроэкономики и придя к главенствующей роли именно потребителя, его чувств, эмоций и переживаний, т. е. к маркетинговому подходу.

В продолжение позиции Е. Ю. Депутатова выделила три группы маркетинговых подходов к формированию поведения потребителей: «классический — научно обоснованный классиками маркетинга; традиционный — имеющий широкое распространение в практике торговых предприятий; неоклассический — воздействующий на решение покупателей эмпирическими аспектами коммуникаций» [6].

В свою очередь О. С. Медведева рассматривает потребительское поведение как «обобщающее понятие для факторов и процессов, определяющих экономические действия потребителя в контексте приобретения и потребления товара» [7].

Для более глубокого понимания содержания понятия «поведение потребителя» необходимо привести определения данной категории учеными, глубоко изучавшими это направление (таблица 1).

Таблица 1. — Определение содержания понятия «поведение потребителя» зарубежными и отечественными авторами

Автор	Содержание понятия
Дж. Энджел, Р. Блэкуэлл, П. Миниард	Сфера исследований, в центре внимания которой находятся действия потребителей; действия, предпринимаемые людьми при приобретении, потреблении товаров и услуг и избавлении от них
Ф. Котлер	Процесс выбора, приобретения, использования и ликвидации товаров, услуг, идей или впечатлений отдельными покупателями, группами и организациями для удовлетворения своих нужд и желаний
М. Д. Красильникова	Совокупность признаков и показателей, характеризующих действия потребителей, включая их потребительские предпочтения, спрос на товары и услуги, структуру потребления, способы использования доходов
Е. А. Лысова	Действия потребителя на рынке конкретного товара или услуги, которые заключаются в принятии решения на совершение покупки на основе экономических выгод, под влиянием личного опыта и мнений его социального окружения, а также с учетом его психологических особенностей

Примечание — Источник: собственная разработка на основе [1; 8—10].

В Республике Беларусь исследованием этой проблематики начали заниматься относительно позже зарубежных коллег, только в начале 2000-х годов, Т. Н. Байбардина, П. В. Ястремская, А. Н. Саевец, Е. Г. Крылова, Н. С. Медведева, П. Б. Любецкий.

Т. Н. Байбардина в своих многочисленных изданиях рассматривает поведение потребителя с точки зрения психологии потребителя. Она подробно рассматривает влияние эмоциональной сферы на принятие решений потребителями, психологические основы мотивации потребителей, особенности психологии потребителей в зависимости от гендера. Также ею было отмечено бесспорное влияние внутреннего состояния человека, бессознательных процессов на поведение данного индивида как потребителя.

С точки зрения П. В. Ястремской, поведение потребителей — это деятельность, направленная на получение товаров, потребление и распоряжение ими, включая процессы принятия решений, которые предшествуют этим действиям и следуют за ними. Исследователь изучает внутренние и внешние факторы влияния на поведение потребителей, а также этические вопросы взаимоотношений потребителей и организаций, государства, общества [11].

В свою очередь А. Н. Саевец рассматривал влияние факторов, «которые можно количественно выразить интегрированным показателем качества жизни». Автором была разработана логическая модель, характеризующая «взаимозависимость качества жизни, удовлетворенности и лояльности», которая объясняет механизм осуществления повторных покупок [12].

Белорусский исследователь Е. Г. Крылова рассматривает понятие потребительской рациональности и систематизирует основные ее предпосылки [13]. Совместно с Н. С. Медведевой Е. Г. Крылова рассматривает основные тенденции в потребительском поведении в современных условиях: растущий оптимизм и рост потребления, рационализация потребления и смарт-шопинг, ускорение темпов жизни и скорости принятия решений, креативность, предприимчивость и эмоциональная вовлеченность потребителей и др. [14].

Ученые, занимающиеся разработкой проблематики поведения потребителей в Республике Беларусь, в большей мере обращают внимание на прикладной характер данной категории.

В целом можно определить потребительское поведение как комплексный процесс, в рамках которого потребители принимают решения о покупке товаров и услуг, основываясь на собственных потребностях, желаниях, убеждениях, предпочтениях, а также под непосредственным воздействием социальной и культурной среды. Понимание потребительского поведения является ключевым элементом успешной маркетинговой стратегии и позволяет бизнес-структурам привлекать и удерживать потребителей, удовлетворяя их потребности и желания.

В исследованиях зарубежных и отечественных ученых прослеживаются различные подходы к категории «поведение потребителей», что указывает на сложную структуру потребительского поведения, глубину проблемы и необходимость рассматривать факторы влияния на поведение потребителей с различных точек зрения.

В целом все факторы влияния на потребительское поведение можно классифицировать на две группы: экономические и неэкономические (включающие широкий спектр разноплановых факторов, начиная от культуры и заканчивая политическим строем).

По мнению А. С. Мельниковой, в качестве основных элементов структуры потребительского поведения выступают человек, социум и природа, на их основе можно выделить группы факторов потребления, состоящие из биологических, факторов демографического поведения, культурно-этических, политико-правовых, экономических, социальных, географическо-климатических и экологических факторов [15].

В свою очередь О. С. Медведева выделяет четыре группы факторов, оказывающих основное влияние на поведение потребителей: личные пристрастия, вкусы; личная заинтересованность в приобретении товара; полезность продукта; цена [7].

В своем исследовании Б. И. Темирбулатов [5] разработал модель поведения потребителя, отражающую основные факторы покупательского поведения. Разработанная концептуальная модель разграничивает факторы поведения индивидуального потребителя на факторы внешнего влияния (физическое окружение, социальное окружение, культурное окружение) и внутренние факторы (восприятие, обучение и память, мотивация, личность и эмоции, персональные ценности, жизненный стиль, ресурсы потребителя).

Следует отметить, что потребительское поведение — это сложный и многогранный процесс, который включает в себя ряд факторов, влияющих на принятие решений о покупке. Эти факторы могут быть как внутренними, так и внешними.

Внутренние факторы включают в себя потребности (физиологические и психологические), желания (связанные со статусом, модой, личными предпочтениями), убеждения (связанные с религией, культурой) и предпочтения (образ жизни) потребителя.

Внешние факторы включают в себя социальную и культурную среду, маркетинговые стратегии бизнес-структур, цены, качество товаров, отзывы других потребителей. Социальная и культурная среда может влиять на потребительское поведение через нормы и ценности общества, референтные группы (семью, друзей, коллег). Маркетинговые стратегии бизнес-структур оказывают влияние на потребительское поведение через рекламу, структуру продвижения товаров и услуг, упаковку и дизайн продуктов. Цены зачастую являются решающим фактором потребительского выбора. Отзывы потребителей влияют на формирование образа товара, товарной марки, восприятие товара потребителем.

Также важным аспектом научного подхода к изучению потребительского поведения является анализ данных с помощью статистических методов, позволяющих выявить определенные закономерности и тенденции в потребительском поведении.

Знание особенностей потребительского поведения и факторов, на него влияющих, позволяет бизнес-структурам создавать продукты и услуги, которые соответствуют потребностям и желаниям потребителей, а также разрабатывать эффективные маркетинговые стратегии, увеличивая свою прибыль и укрепляя свои позиции на рынке.

Заключение. Исследование сущности и содержания категории «поведение потребителей», факторов влияния продемонстрировало его синергетический характер, объединяющий области экономики, социологии, психологии и маркетинга.

В настоящее время для лучшего изучения поведения потребителей в реальности используется поведенческая экономика, которая рассматривает поведение потребителей как частную форму экономического поведения.

В широком смысле слова под экономическим поведением человека понимается его поведение (совокупность последовательных поступков) в сфере экономики, внешне наблюдаемая форма деятельности в хозяйственной жизни.

Таким образом, содержание категории «поведение потребителей» объективно демонстрирует междисциплинарные взаимосвязи факторов, влияющих на данную категорию. Поэтому поведение потребителей оказывает существенное воздействие на все социальные и экономические процессы, происходящие в обществе, определяет результаты деятельности хозяйствующих субъектов и становится актуальной областью для проведения глубоких и всесторонних исследований.

Список цитированных источников

1. *Энджел, Дж.* Поведение потребителей ; пер. с англ. / Дж. Энджел, Р. Блэкуэлл, П. Миниард. — Изд. 10-е — СПб. : Питер, 2007. — 944 с.
2. *Беккер, Г.* Человеческое поведение: экономический подход / Г. Беккер. — М. : Финансы. 1999. — 336 с.
3. *Верховин, В. И.* Экономическая социология : учеб. пособие для вузов / В. И. Верховин ; под. ред. В. И. Верховина — М. : Академ. Проект. 2020. — 736 с.
4. *Ростовцева, Л. И.* Потребительская культура как регулятор поведения потребителей : автореф. дис. ... д-ра соц. наук : 22.00.03 / Л. И. Ростовцева ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М., 2004. — 52 с.
5. *Темирбулатов, Б. И.* Оценка поведения потребителей и ее использование при формировании стратегии организации : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Б. И. Темирбулатов. — Ставрополь : Ставроп. гос. ун-т, 2009. — 21 с.
6. *Депутатова, Е. Ю.* Организационно-методические аспекты управления покупательским поведением на основе эмпирического маркетинга : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Е. Ю. Депутатова. — М. : Рос. гос. торг.-экон. ун-т, 2012. — 25 с.
7. *Медведева, О. С.* Основные модели потребительского поведения в современных условиях / О. С. Медведева // Вестн. Алт. акад. экономики и права. — 2019. — № 5, ч. 3. — С. 88—93.
8. *Котлер, Ф.* Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К. Л. Келлер. — 15-е изд. — СПб. : Питер, 2018. — 848 с.
9. *Красильникова, М. Д.* Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России / М. Д. Красильникова // Проблемы прогнозирования. — 2003. — № 2. — С. 124—135.
10. *Лысова, Е. А.* Поведение потребителей: содержание понятия, социально-экономическая сущность / Е. А. Лысова // Вестн. ВГУ. Сер. «Экономика и управление». — 2019. — № 4. — С. 21—27.
11. *Ястремская, П. В.* Поведение потребителей : тексты лекций для студентов / П. В. Ястремская. — Минск : БГТУ, 2011. — 133 с.
12. *Саевец, А. Н.* Поведение потребителей и механизм повторных покупок / А. Н. Саевец // Потреб. кооперация. — 2010. — № 4(31). — С. 36—41.
13. *Крылова, Е. Г.* Обеспечение рациональности поведения потребителей / Е. Г. Крылова // Менеджмент и маркетинг: опыт и проблемы : сб. науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т ; под общ. ред. И. Л. Акулича. — Минск : Рэйплац, 2009. — С. 230—234.
14. *Крылова, Е. Г.* Новые тенденции потребительского поведения и маркетинг / Е. Г. Крылова, Н. С. Медведева // Менеджмент и маркетинг: опыт и проблемы : сб. науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т ; под общ. ред. В. С. Голика. — Минск : А. Н. Вараксин, 2021. — С. 141—145.
15. *Мельникова, А. С.* Методические подходы к формированию моделей потребительского поведения домохозяйств в зависимости от уровня доходов населения региона / А. С. Мельникова // Тр. Кар. науч. центра РАН. — 2015. — № 3. — С. 93—102.

Поступила в редакцию 14.09.2023.

УДК 347.472

О. А. Абрамович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 223 94 45, olg855@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ДАРЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ИМУЩЕСТВА

Одним из основных объектов гражданских прав являются вещи, которые по общему правилу могут быть объектом любых сделок, а также свободно переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица), за исключением отдельных вещей, которые ограничены в обороте либо изъяты из оборота. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей дарения таких видов имущества, как гражданское оружие, драгоценные металлы и камни, историко-культурные ценности. В ходе проведенного анализа норм отечественного законодательства, а также доктринальных подходов выявлены проблемы в сфере правового регулирования дарения гражданского оружия, драгоценных металлов и камней, историко-культурных ценностей, а также сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой области.

Ключевые слова: дарение; драгоценный металл; историко-культурная ценность; оружие; ювелирное изделие.

Библиогр.: 21 назв.

O. A. Abramovich

Institution of Education “Baranavichy State University”,
21 Voikova Str., 225404 Baranavichy, the Republic of Belarus, +375 (29) 223 94 45, olg855@yandex.ru

FEATURES OF DONATION OF CERTAIN TYPES OF PROPERTY

One of the main objects of civil rights are things that, as a general rule, can be the object of any transactions, as well as freely pass from one person to another in the order of universal succession (inheritance, reorganization of a legal entity), with the exception of certain things that are limited in circulation or withdrawn from circulation. This article is devoted to the consideration of the features of donation of such types of property as civilian weapons, precious metals and stones, historical and cultural values. In the course of the analysis of the norms of domestic legislation, as well as doctrinal approaches, problems in the field of legal regulation of the donation of civil weapons, precious metals and stones, historical and cultural values were identified, and proposals to improve legislation in the field under study were formulated.

Key words: donation; precious metal; historical and cultural value; weapons; jewelry.

Ref.: 21 titles.

Введение. Правовую основу договорных отношений в сфере дарения составляют в первую очередь нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь) [1]. Однако особенности правового режима отдельных видов имущества, связанные с необходимостью обеспечения государственной и общественной безопасности, охраны социальных, экономических интересов государства, защиты жизни и здоровья граждан, обусловили целесообразность принятия целого ряда соответствующих нормативных правовых актов, устанавливающих определенные требования, в том числе к их дарению (Закон Республики Беларусь от 13 ноября 2001 года № 61-З «Об оружии» (далее — Закон об

оружии) [2]; Указ Президента Республики Беларусь от 30 августа 2002 года № 473 «О мерах по совершенствованию регулирования оборота боевого, служебного, гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь», которым утверждено Положение об обороте служебного и гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь (далее — Положение об обороте оружия) [3]; Закон Республики Беларусь от 21 июня 2002 года № 110-З «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (Закон о драгоценных металлах и драгоценных камнях) [4]).

Дифференцированный подход на законодательном уровне к регулированию дарения отдельных видов имущества детерминирует необходимость соответствующей научной проработки данного вопроса.

Вместе с тем комплексного исследования, посвященного особенностям дарения перечисленных выше объектов гражданских правоотношений, в Республике Беларусь не проводилось.

Материалы и методы исследования. Некоторые аспекты гражданско-правового регулирования оборота оружия среди российских авторов рассматривались в трудах А. М. Старцева [5], С. В. Мирошника [6], А. В. Щепотьева [7].

На диссертационном уровне особенности дарения отдельных вещей исследовались в работе П. Л. Рыхлетского «Дарение в системе безвозмездных сделок» [8], в которой автор рассмотрел порядок дарения оружия, памятников истории и культуры и сформулировал ряд предложений по совершенствованию российского законодательства.

Среди белорусских ученых, чьи работы касались некоторых аспектов правового регулирования совершения сделок с драгоценными металлами и камнями, историко-культурными ценностями, следует отметить Я. Функа [9], П. Рагойшу [10], И. Э. Мартыненко [11].

Таким образом, целью данного исследования является рассмотрение теоретических и практических проблем в сфере правового регулирования дарения отдельных видов имущества, а также выработка предложений по совершенствованию законодательства в исследуемой области.

Автор статьи при ее написании использовал общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Термин «оружие» является широким понятием и в зависимости от основных характеристик, определяющих в последующем особенности правового регулирования его оборота, включает следующие разновидности: боевое, служебное, гражданское.

В соответствии со ст. 22 Закона об оружии объектом договора дарения может быть только гражданское оружие, зарегистрированное в органах внутренних дел. В свою очередь, дарение и наследование боевого и служебного оружия не допускаются.

Оружие не может выполнять свои функции без боеприпасов, которые непосредственно предназначены для поражения цели, выполнения задач, способствующих ее поражению, и содержат разрывной, пиротехнический или метательный заряды либо их сочетание. Боеприпасы необходимы для использования оружия в соответствии с его целевым назначением. Таким образом, оружие и боеприпасы с позиции классификации вещей выступают как главная вещь и принадлежность. В соответствии со ст. 135 ГК Республики Беларусь «вещь, предназначенная для обслуживания другой (главной) вещи и связанная с ней общим назначением (принадлежностью), следует судьбе главной вещи, если договором не предусмотрено иное».

Исходя из буквального толкования ст. 22 Закона об оружии, допускается дарение только гражданского оружия. В свою очередь, Положение об обороте оружия предусматривает в качестве объекта исследуемого договора не только гражданское оружие, но и боеприпасы. Таким образом, полагаем, что ст. 22 Закона об оружии нуждается в уточнении. В целях устранения расхождения норм Закона об оружии и Положения об обороте оружия, а также обеспечения единообразного применения законодательства предлагаем внести соот-

ветствующие дополнения в ст. 22 Закона об оружии, закрепив в качестве объекта договора дарения не только гражданское оружие, но и боеприпасы к нему.

В связи с тем, что оружие конструктивно предназначено для поражения живой или иной цели и может причинить вред жизни и здоровью граждан, на законодательном уровне к сторонам договора дарения гражданского оружия установлены дополнительные требования — наличие у одаряемого разрешения на приобретение соответствующего оружия.

На наш взгляд, данное правило является логичным, поскольку в целях обеспечения общественной безопасности выдача органами внутренних дел Республики Беларусь разрешения на приобретение гражданского оружия гражданам Республики Беларусь, иностранным гражданам и лицам без гражданства, постоянно проживающим в Республике Беларусь, позволяет исключить возможность приобретения гражданского оружия лицом, способным причинить вред окружающим.

Полагаем, что с точки зрения гражданского права выдача государственными органами разрешения на приобретение гражданского оружия является одним из условий законности совершения дарения, на момент заключения договора такое разрешение уже должно быть получено лицом, которое приобретает гражданское оружие в качестве дара.

Так как разрешение на приобретение гражданского оружия выдается сроком на шесть месяцев, договор дарения должен быть заключен в данный временной период. Истечение срока действия такого разрешения требует повторного обращения заявителя за его получением.

Необходимость получения разрешения на приобретение оружия существует не только у одаряемого при заключении договора дарения, но и у дарителя при его отмене, поскольку одаряемый утрачивает право собственности на подаренную вещь и обязан вернуть ее дарителю, если она сохранилась в натуре к моменту отмены дарения.

Даритель вправе отказаться от исполнения договора дарения гражданского оружия (ст. 548 ГК Республики Беларусь), а одаряемый отказаться от принятия дара (ст. 544 ГК Республики Беларусь). При этом возникает вопрос о судьбе разрешения, которое выдается одаряемому на приобретение оружия. Считаем, что в данной ситуации оно может быть аннулировано в соответствии со ст. 27 Закона об оружии в случае добровольного отказа от него. Если одаряемый не откажется от данного разрешения, оно прекращает свое действие по истечении шести месяцев (Указ Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 года № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан») [12].

На основании документов, подтверждающих законность дарения, органами внутренних дел производится регистрация (перерегистрация) оружия, полученного в дар (п. 27 Положения об обороте оружия). На наш взгляд, документом, подтверждающим законность дарения, должен выступать заключенный в письменной форме договор.

Однако, по общему правилу, письменная форма договора дарения установлена в случаях, когда: 1) дарителем является юридическое лицо и стоимость дара превышает более чем в пять раз установленный законодательством размер базовой величины; 2) договор содержит обещание дарения в будущем (п. 2 ст. 545 ГК Республики Беларусь).

Полагаем, что закрытый перечень оснований для заключения договора дарения в письменной форме, предусмотренный ст. 545 ГК Республики Беларусь, не соответствует современным реалиям и не учитывает требования законодательства в отношении дарения отдельных видов имущества. В этой связи считаем целесообразным внести соответствующие изменения и дополнения в п. 2 ст. 545 ГК Республики Беларусь.

Закрепление на законодательном уровне обязательной регистрации оружия, полученного в дар, требует, в свою очередь, решения вопроса о том, с какого момента возникает право собственности у одаряемого на объект договора.

В соответствии со ст. 224 ГК Республики Беларусь «право собственности у приобретателя вещи по договору возникает с момента ее передачи, если иное не предусмотрено

законодательством или договором. Если договор об отчуждении имущества подлежит государственной регистрации, право собственности у приобретателя возникает с момента его регистрации, если иное не установлено законодательством».

В соответствии с Положением об обороте оружия регистрации подлежит не сам договор дарения, а гражданское оружие как объект учета. Вместе с тем полагаем, что право собственности может возникнуть только при наличии ряда юридических фактов (юридического состава), предусмотренных п. 27 Положения об обороте оружия: предоставление в органы внутренних дел по месту учета оружия заявления по форме, устанавливаемой Министерством внутренних дел; наличие разрешения на приобретение соответствующего оружия; предоставление договора дарения.

Регистрация гражданского оружия при совершении с ним сделок имеет, во-первых, легитимационное значение, поскольку придает оружию статус самостоятельного объекта гражданских прав. Дарение и наследование гражданского оружия возможно только, если оно зарегистрировано в органах внутренних дел Республики Беларусь. Во-вторых, регистрация подтверждает принадлежность (правовую связь) гражданского оружия определенному субъекту (дарителю, одаряемому).

Полагаем, что договор дарения гражданского оружия, не зарегистрированного в установленном законом порядке, должен быть признан ничтожным в соответствии со ст. 170 ГК Республики Беларусь.

От договора дарения гражданского оружия следует отличать понятие «награждение оружием».

По мнению ученых, награда представляет собой правовой стимул, «публично установленное материальное или духовное благо, имеющее определенную ценность для конкретного человека конкретной исторической эпохи» [6, с. 26].

В качестве одной из разновидностей наград принято выделять государственные награды [7, с. 59], которые представляют собой высшую форму поощрения, признания вклада в защиту и укрепление государства и демократического общества, единства народа, приумножение экономического, интеллектуального и духовного потенциала страны, а также заслуг и достижений в общественной, гуманитарной, благотворительной и иных видах деятельности перед государством и народом [13].

В систему государственных наград Республики Беларусь входят: звание «Герой Беларуси», ордена Республики Беларусь, медали Республики Беларусь, почетные звания Республики Беларусь [13]. Таким образом, наградное оружие в соответствии с Законом Республики Беларусь от 18 мая 2004 года № 288-З «О государственных наградах Республики Беларусь» не относится к государственным наградам.

Не вносит ясности в правовое положение наградного оружия отсутствие четко закрепленного на законодательном уровне перечня критериев для награждения им граждан. Как отмечают российские ученые, «наградное оружие — олицетворение офицерской чести и доблести. Однако если изначально оно давалось в качестве награды только лицам, состоявшим на военной службе, а указы о вручении наградного оружия подписывал лично император и ценность его была велика, то с течением времени оружие стало вручаться не только за подвиги на поле боя, но и за выслугу лет, и за безупречную службу, и т. д.» [14, с. 121]. Например, постановление Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2005 года № 718 «О награждении оружием граждан Российской Федерации» предусматривает, что награждение оружием представляет собой одну из форм поощрения граждан Российской Федерации за заслуги перед государством, воинскую доблесть, достижения в области обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина [15].

Гражданам Республики Беларусь наградное оружие вручается на основании Указа Президента Республики Беларусь, наградных документов руководителей иностранных

государств. Таким образом, награждение оружием представляет собой способ государственного поощрения за определенные заслуги перед государством и обществом.

В соответствии со ст. 22 Закона об оружии запрещается реализовывать, передавать по наследству, дарить наградное боевое и служебное оружие.

В законодательстве Республики Беларусь также установлен ряд особенностей при совершении дарения таких объектов, как драгоценные металлы и драгоценные камни. Поскольку гражданский оборот данных объектов имеет важное значение для развития экономики любой страны и является одним из оснований обеспечения ее экономической безопасности, государство регулирует данные отношения с использованием в первую очередь административно-правовых методов воздействия на участников правоотношений. Так, в частности, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 14 октября 2022 года № 213-З «О лицензировании» деятельность, связанная с драгоценными металлами и драгоценными камнями, подлежит лицензированию и может осуществляться юридическими лицами Республики Беларусь и индивидуальными предпринимателями, зарегистрированными в Республике Беларусь, с учетом ограничений, установленных законодательными актами [16].

При этом законодатель исходит из того, что заключение сделок с драгоценными металлами и драгоценными камнями между гражданами, находящимися на территории Республики Беларусь, если они не связаны с предпринимательской деятельностью, не допускается. Исключение установлено только в отношении совершения дарения, в том числе пожертвования; завещания и приобретения их по праву наследования; купли-продажи и обмена в целях коллекционирования и тезаврации (накопления) монет из драгоценных металлов; купли-продажи ювелирных и других бытовых изделий, имеющих оттиск государственного пробирного клейма Республики Беларусь либо оттиск государственного пробирного клейма СССР (ст. 21 Закона о драгоценных металлах и драгоценных камнях).

Кроме драгоценных камней и драгоценных металлов самостоятельным объектом гражданского оборота могут выступать также ювелирные и другие бытовые изделия: «изделия, изготовленные из драгоценных металлов и их сплавов с использованием различных видов художественной обработки, со вставками из драгоценных камней и других материалов природного или искусственного происхождения или без них, применяемые в качестве различных украшений, предметов быта, предметов культа и (или) для декоративных целей, проведения ритуалов и обрядов, а также памятные, юбилейные и другие знаки и медали, кроме государственных наград и монет, прошедших эмиссию, в том числе изъятых из обращения» [4].

На практике также может возникнуть вопрос о необходимости получения согласия другого супруга в случае дарения драгоценных камней, драгоценных металлов. По общему правилу после заключения брака на имущество, приобретаемое супругами, распространяется законный режим, когда пределы владения, пользования, распоряжения имуществом, а также порядок и условия его раздела определяются конкретными нормами. В то же время Кодекс Республики Беларусь о браке и семье допускает заключение брачного договора, в котором возможно отступление от законного режима имущества супругов (ст. 13) [17].

Следует отметить, что до принятия Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 года № 160-3 «О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Беларусь» [18] в соответствии с гражданским законодательством распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности, осуществлялось по согласию всех собственников, которое предполагалось независимо от того, кем из собственников была совершена сделка по распоряжению имуществом. При этом каждый из собственников общей совместной собственности вправе был лично совершать сделки по распоряжению общим имуществом, если иное не вытекало из соглашения между собственниками.

Я. И. Функ отмечает, что ГК Республики Беларусь исходил (и в отношении большинства сделок исходит и после принятия Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 года № 160-3)

из того, что каждый из сособственников общей совместной собственности мог распоряжаться общим имуществом по своему усмотрению. Иными словами, по мнению автора, для совершения сделок по распоряжению общим имуществом не требовалось наличия письменного волеизъявления всех сособственников. Данное согласие, как следовало из норм гражданского законодательства, предполагалось. Если в действительности сособственник не согласен был с действиями другого сособственника, признать недействительной сделку достаточно тяжело, так как в этом случае необходимо каким-то образом было доказать, что вторая сторона в сделке знала или должна была знать об отсутствии согласия между сособственниками [9, с. 28].

По мнению Я. И. Функа, данный принцип является универсальным, т. е. не предусматривает никаких изъятий из него в отношении каких-либо видов имущества [9, с. 28].

П. Рагойша считает данное утверждение неверным. Ссылаясь на п. 4 ст. 256 ГК Республики Беларусь, автор отмечает, что правила названной статьи применяются, если для отдельных видов совместной собственности законодательством не установлено иное. «Тем самым законодатель, независимо от внесенной в п. 2 ст. 256 ГК новации, допускает установление законодательством иных правил распоряжения общей совместной собственностью супругов исходя из ее вида, в том числе ограничивающих свободу единоличного распоряжения одним из супругов указанной собственностью» [10, с. 22—25].

Законом Республики Беларусь от 20 июля 2006 года № 160-3 «О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Беларусь» п. 2 ст. 256 ГК Республики Беларусь дополнен положением о том, что правило о распоряжении имуществом, находящимся в совместной собственности, с предполагаемым согласием всех сособственников, независимо от того, кем из них совершена сделка по распоряжению имуществом, не распространяется на недвижимое имущество, для распоряжения которым необходимо письменное согласие всех участников совместной собственности.

Таким образом, в соответствии с действующим в настоящее время гражданским законодательством Республики Беларусь один из супругов самостоятельно не вправе распорядиться только общим недвижимым имуществом. Поскольку драгоценные металлы и драгоценные камни по своему правовому статусу не относятся к недвижимому имуществу, полагаем, что на отчуждение данного имущества письменное согласие всех участников совместной собственности не требуется.

Оружие, драгоценные металлы и драгоценные камни могут представлять историко-культурную ценность для Республики Беларусь. Например, в Список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, который является основным документом государственного учета историко-культурных ценностей Республики Беларусь, включена серебряная ваза, которая находится в Гродненском государственном историко-археологическом музее, монеты, находящиеся в историко-культурном музее-заповеднике «Несвиж», Кобринском военно-историческом музее имени А. В. Суворова и т. д. [19].

В соответствии со ст. 71 Кодекса Республики Беларусь о культуре культурные ценности могут находиться в собственности Республики Беларусь, административно-территориальных единиц Республики Беларусь, юридических лиц, граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей.

Кодекс Республики Беларусь о культуре не запрещает совершать сделки в отношении историко-культурных ценностей [20]. Следовательно, дарение данных объектов также возможно.

Вместе с тем главной задачей государства является сохранение и использование культурных ценностей, их распространение и популяризация на благо общества. В этой связи при переходе права собственности либо иного вещного права на материальную историко-культурную ценность не позднее пяти календарных дней со дня перехода права бывший собственник обязан передать паспорт материальной историко-культурной ценности новому собственнику (ст. 75 Кодекса Республики Беларусь о культуре) [20].

Новый собственник материальной историко-культурной ценности обязан в течение тридцати календарных дней со дня приобретения права собственности подписать охранное обязательство. Таким образом, одаряемый вправе пользоваться даром, в качестве которого выступает историко-культурная ценность, с учетом ограничений и запретов, предусмотренных ст. 74 и 75 Кодекса Республики Беларусь о культуре: не уничтожать историко-культурную ценность; не допускать причинения вреда, изменение историко-культурной ценности и т. д.

Особый правовой режим установлен в отношении оружия, представляющего культурную ценность [11]. На территории Республики Беларусь запрещается совершение дарения оружия, имеющего культурную ценность, включенного в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь или составляющего Музейный фонд Республики Беларусь [21].

Заключение. По итогам проведенного исследования предлагаем:

1. П. 2 ст. 545 ГК Республики Беларусь изложить в следующей редакции:

«2. Договор дарения движимого имущества должен быть совершен в письменной форме в случаях, когда:

1) дарителем является юридическое лицо и стоимость дара превышает более чем в пять раз установленный законодательством размер базовой величины;

2) договор содержит обещание дарения в будущем;

3) в иных случаях, предусмотренных законодательством.»;

2. Часть седьмую ст. 22 Закона об оружии изложить в следующей редакции: «Дарение и наследование гражданского оружия, зарегистрированного в органах внутренних дел, а также боеприпасов к нему, производятся в порядке, определяемом законодательством, при наличии у наследника или лица, в пользу которого осуществляется дарение, разрешения на приобретение оружия, если наличие такого разрешения необходимо. Договор дарения гражданского оружия должен быть совершен в письменной форме. В случае смерти собственника гражданского оружия до решения вопроса о наследовании имущества и получения разрешения на приобретение гражданского оружия, если наличие такого разрешения необходимо, указанное оружие незамедлительно изымается для ответственного хранения органом внутренних дел, его зарегистрировавшим.».

Список цитированных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.01.2023 г. № 239-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

2. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2001 г., № 61-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

3. О мерах по совершенствованию регулирования оборота боевого, служебного, гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 авг. 2002 г., № 473 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 19.09.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

4. О драгоценных металлах и драгоценных камнях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 июня 2002 г., № 110-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.12.2013 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

5. Старцев, А. М. Особенности гражданско-правового режима оружия как объекта правоотношений (на примере гражданского оружия) / А. М. Старцев // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2014. — № 2. — С. 98—101.

6. Мирошник, С. В. Наградное право как комплексный правовой институт / С. В. Мирошник // Общество: политика, экономика, право. — 2015. — № 4. — С. 26—28.

7. Щепотьев, А. В. Награды как особый объект гражданского оборота и предмет оценки / А. В. Щепотьев // Имуществ. отношения в Рос. Федерации. — 2017. — № 10. — С. 57—68.

8. Рыхлетский, П. Л. Дарение в системе безвозмездных сделок : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / П. Л. Рыхлетский. — Ростов н/Д, 2005. — 181 л.
9. Функ, Я. Порядок распоряжения общей совместной собственностью супругов / Я. Функ // Гл. бухгалтер. — 2006. — № 42. — С. 28—30.
10. Рагойша, П. Новации в правовом регулировании режима общей совместной собственности супругов / П. Рагойша // Бюл. норматив.-правовой информ. Юрид. мир. — 2006. — № 12. — С. 22—25.
11. Мартыненко, И. Э. Оборот оружия, имеющего культурную ценность [Электронный ресурс] / И. Э. Мартыненко // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
12. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 апр. 2010 г., № 200 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 21.04.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
13. О государственных наградах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 мая 2004 г., № 288-3 : с изм. и доп. от 01.06.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
14. Клетнева, Е. Г. Наградное оружие как объект гражданско-правовых отношений / Е. Г. Клетнева // Вестн. Каз. юрид. ин-та МВД России. — 2010. — № 2. — С. 119—124.
15. О награждении оружием граждан Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 5 дек. 2005 г., № 718 : в ред. от 22.10.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2023.
16. О лицензировании [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 окт. 2022 г., № 213-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
17. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.05.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
18. О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2006 г., № 160-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
19. Список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nakarte.by/kulturnoe-nasledie?page=232> . — Дата доступа: 15.02.2023.
20. Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронный ресурс] : 20 ліп. 2016 г., № 413-3 : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобр. Саветам Рэсп. 30 чэрв. 2016 г. : у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 21.07.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
21. О некоторых вопросах оборота оружия на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 апр. 2003 г., № 134 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 03.06.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

Поступила в редакцию 14.06.2023.

УДК 316.36; 314.15.015; 347.61

М. В. Андрияшко, кандидат юридических наук, доцент
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (163) 64 34 78, andryiashkomv@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель работы состоит в компаративном анализе направлений государственной семейной политики в Республике Беларусь и Российской Федерации для выявления точек соприкосновения ввиду сближения законодательства двух стран и осмысления подходов к формированию отвечающей действующим реалиям стратегии управления государственной семейной политикой в Республике Беларусь. Результаты исследования получены на основе общенаучных методов познания, а также специальных юридических методов (сравнительно-правовой и формально-юридический). Полученные результаты содержат предложения, направленные на совершенствование законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: государственная семейная политика; субъекты и объекты государственной семейной политики; демографическая политика; стратегия; государственное управление.

Библиогр.: 23 назв.

M. V. Andryiashka, PhD in Law, Associate Professor
Institution of Education “Baranavichy State University”, 21 Voikova Str.,
225404 Baranavichy, the Republic of Belarus, +375 (163) 64 34 78, andryiashkomv@mail.ru

STATE FAMILY POLICY IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION

The purpose of the work is a comparative analysis of the directions of state family policy in the Republic of Belarus and in the Russian Federation in order to identify points of contact due to the convergence of the legislation of the two countries and to comprehend approaches to the formation of a strategy for managing state family policy in the Republic of Belarus that meets current realities. The results of the study were obtained on the basis of general scientific methods of cognition, as well as special legal methods (comparative legal and formal legal). The results obtained contain proposals aimed at improving the legislation of the Republic of Belarus.

Key words: state family policy; subjects and objects of state family policy; demographic policy; strategy; public administration.

Ref.: 23 titles.

Введение. В соответствии с частью первой ст. 32 Конституции Республики Беларусь (Конституция) браку, семье, материнству, отцовству и детству гарантирована защита государства [1]. В Конституции закреплены и другие нормы, отражающие императивы и приоритеты государственной семейной политики, положения Основного закона дополняются духовно-нравственными ценностями, закрепляются приоритеты молодежной политики государства [2, с. 470]. Проводятся современные исследования по изучению потенциально востребованных, существовавших и существующих семейно-правовых инструментов укрепления брака и сохранения семьи [3, с. 109].

Более четверти века назад в суверенной Республике Беларусь были утверждены Основные направления государственной семейной политики [4], обладающие настолько крепким потенциалом в долгосрочной перспективе, что не только не утратили своей актуальности по сей день, но и успешно служат фундаментом для других направлений социальной политики

государства, в частности, государственной молодежной политики, демографической политики и в целом социально-экономической политики страны.

Так, в Законе Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» упоминается о том, что одним из направлений государственной молодежной политики является государственная поддержка *молодых семей* (абз. 4 ч. 1 ст. 12), суть которой состоит в предпринимаемых государством мерах, направленных на укрепление семьи, создание семей с несколькими детьми и обоими родителями, состоящими в первом браке, сочетание родительства и трудовой деятельности, улучшение жилищных условий молодых семей, функционирование системы социального обслуживания и системы государственных пособий семьям, воспитывающим детей (ст. 15) [5]. Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» одной из демографических угроз называет деградацию *института семьи*, определяемую коэффициентами брачности и разводимости (ст. 3) [6]. В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021—2025 годы определен приоритет «*счастливая семья*», состоящий в «укреплении традиционных семейных ценностей, основанных на физическом и духовном благополучии человека, воспитании детей и молодежи, заботе о старшем поколении» [7].

С учетом указанного видим, что вопросы надлежащего функционирования *института семьи с детьми*, выстраивание политики государства в этом направлении, обеспечение роста благосостояния семей красной нитью проходят через содержание принимаемых в стране законодательных актов и важных программных документов.

Однако социальная ориентированность Республики Беларусь проявляется и в реализации более точечных мер, направленных на стимулирование у граждан ожидаемого матримонильного поведения. В частности, в настоящее время продолжается реализация мероприятий Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021—2025 годы [8], успешно реализованы мероприятия предыдущих программ в области демографической безопасности и семейной политики за предыдущие периоды [9] (следует упомянуть и достижения уже утративших силу программ: Национальные программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011—2015 годы и на 2007—2010 годы, а также Концепция государственной демографической политики и Основные направления реализации демографической политики с учетом устойчивого развития экономики в переходный период, 1998).

Наличие правовых норм и комплексов мероприятий, касающихся функционирования институтов брака и семьи, в разнообразных документах (от нормативных правовых актов до прогнозных и стратегических документов) демонстрирует две важные аксиомы: 1) значение для государства институтов брака и семьи является системообразующим; 2) разброс норм о государственной защите института семьи значительный, что усложняет восприятие государственной семейной политики как единого и целостного направления государственной политики.

Ввиду широкомасштабных процессов сближения законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках формирования правового поля Союзного государства особый интерес вызывают основы государственной семейной политики в Беларуси и России, попытке рассмотреть которые посвящена настоящая статья.

Методология и методы исследования. В исследовании проводился компаративный анализ стратегических документов в области государственной семейной политики Республики Беларусь и Российской Федерации.

Результаты исследования получены на основе общенаучных методов познания (системно-структурный) и проведения процедур анализа, синтеза, обобщения эмпирических данных; специальных юридических методов (сравнительно-правовой и формально-юридический).

Актуальность и корректность цитирования нормативных правовых актов Республики Беларусь проверялись автором посредством информационно-поисковой системы «ЭТАЛОН-ONLINE» на дату направления статьи в редакцию научно-практического журнала «Вестник БарГУ» Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки».

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно Основным направлениям государственной семейной политики Республики Беларусь (1998), под термином «государственная семейная политика» следует понимать «систему мер экономического, правового, социального, информационно-пропагандистского и организационного характера, направленных на улучшение жизнедеятельности семьи» [4]. Другими словами, *по существу* государственная семейная политика сводится к вопросам *организации жизнедеятельности семьи*.

Государственная семейная политика, согласно Основным направлениям государственной семейной политики Республики Беларусь (1998), является составной частью социальной политики государства [4]. Некоторые исследователи отмечают, что семейная политика представляет собой *относительно обособленную часть социальной политики*, воздействующую на два аспекта: «функционирование семьи как одного из общественных институтов и индивида как носителя семейных ролей, которые он выполняет наряду с другими социальными ролями» [10, с. 149]. Существуют подходы, согласно которым семейная политика является частью демографической политики, с этим мнением мы не в полной мере можем согласиться. Разделяя мнение профессора А. Г. Вишневецкого, отметим, что семейная политика и демографическая политика «...связаны между собой, но, конечно, не тождественны. ...она (демографическая политика — М. А.) выделена по иному, нежели семейная политика, основанию: по функции, а не по объекту» [11, с. 28]. Полагаем, эти два направления государственной политики следует рассматривать в качестве двух относительно самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимозависимых комплексов норм и мероприятий.

Приведем тезис, высказанный в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 года № 1618-р (далее — Концепция семейной политики России до 2025 года), согласно которому «...эффективность экономических мер невозможна без создания в обществе атмосферы приоритета семейно-нравственных ценностей, поддержки и всестороннего укрепления престижа семейного образа жизни» [12]. Равно как достижение ожидаемых результатов в рамках реализации мероприятий семейной политики непременно повлечет за собой положительную динамику в демографической сфере.

Вошедшее в современный рутинный обиход и уже привычное нам словосочетание «семейная политика» — относительно новый феномен в правовой действительности, лишь с 1970-х годов начинает встречаться в академическом дискурсе. В 1989 году при разработке проекта программы «Семейная политика СССР в 90-е годы» этот термин был использован в официальных документах [13]. Как справедливо отмечается исследователями, «между тем, семейная политика как явление развивается достаточно давно и прошло путь от усеченной поддержки материнства до научной разработки и комплексной поддержки института семьи в целом» [14, с. 6].

Суверенная семейная политика Республики Беларусь базируется на тексте Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь, в котором отмечается «непреодолимая ценность семьи для жизни и развития человека» [4]. Сама семья, а также государственные и общественные институты, оказывающие влияние на функционирование института семьи, названы *объектами* семейной политики [4].

В качестве *целей* государственной семейной политики выделены следующие:

1) улучшить социально-экономические условия для семьи и обеспечить выполнение семьей ряда функций (репродуктивную, экономическую, воспитательную);

2) укрепить нравственные основы семьи и повысить престиж института семьи в обществе (п. 2 Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь, 1998) [4].

Закреплены восемь *принципов* государственной семейной политики, в которых определены основные постулаты, определяющие исходные положения политики государства в отношении различных субъектов: детей в семье, мужчин и женщин в семье, членов семьи, государства и семьи (п. 3 Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь, 1998) [4].

Определены *меры* по разработке и реализации семейной политики, принимаемые государственными органами (п. 4 Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь, 1998) [4]:

- 1) условия для экономической самостоятельности и роста благосостояния семьи;
- 2) условия для сочетания родительства и трудовой деятельности;
- 3) охрана здоровья семьи, матери и ребенка;
- 4) система социального обслуживания семьи и консультационной помощи;
- 5) государственная система защиты прав несовершеннолетних, профилактики безнадзорности и правонарушений;
- 6) управление организационным и финансовым механизмом проведения государственной семейной политики;
- 7) комплексные научные исследования по проблемам семьи и семейного воспитания.

Видим, что затруднительно выбрать те меры, которые бы относились к собственно семейной сфере. Преимущественно перечисленные меры касаются социально-экономической и трудовой сфер, управленческой деятельности государства и его органов, правопорядка и иных. Такой контекст в целом не противоречит определению термина «государственная семейная политика», представленному в Основных направлениях государственной семейной политики Республики Беларусь (1998): *меры по обеспечению жизнедеятельности семьи*. Эти меры направлены вовне, носят внешний по отношению к семье характер.

Полагаем, по существу и содержанию из раздела «Меры по разработке и реализации семейной политики, принимаемые государственными органами» (п. 4 Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь, следовало бы выделить отдельный раздел «Механизм проведения государственной семейной политики». Во-первых, это относительно самостоятельный блок заданий, во-вторых, именно такая структура встречается в документах стратегического характера, определяющих направления семейной политики в сопредельных странах.

С учетом указанного предлагается п. 4.6 Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь (1998) выделить в самостоятельный пункт — п. 5, а его наименование изложить в следующей редакции: «Механизм проведения государственной семейной политики».

Ожидается достижение следующих *предполагаемых результатов* по мере реализации Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь (1998):

- 1) укрепить материальное положение, нравственное, физическое и духовное здоровье семьи, детей;
- 2) более полно реализовать репродуктивные функции семьи и улучшить на этой основе режим воспроизводства населения;
- 3) сократить в республике социальное сиротство, обеспечить воспитание детей сиротской категории в семейных условиях;
- 4) создать условия для воспитания в семье детей-инвалидов с последующей интеграцией их в общество;
- 5) уменьшить детскую безнадзорность и численность правонарушений несовершеннолетних.

Семейная политика может быть *прямого* (нацелена на достижение конкретных результатов в отношении отдельных лиц в семье или всей семьи, т. е. прямая финансовая поддержка семей может сопровождаться также и помощью в натуральном виде) и *косвенного* (меры социально-экономической политики, не связанные непосредственно с семьей, направленные на содержание и развитие социальной инфраструктуры) воздействия [15, с. 60].

В Республике Беларусь совмещается прямое и косвенное воздействие на семейную политику, а отдельные меры перемещаются между блоками социально-экономической политики, «например, отпуск по беременности и родам и отпуск по уходу за ребенком перемещается из политики регулирования занятости к семейной политике и наоборот» [15, с. 60]. Республика Беларусь не является исключением, такая практика совмещенного воздействия на семейную политику является скорее общим правилом.

Практика совмещения прямого и косвенного воздействия на семейную политику весьма распространена в странах Европейского союза, переживающих демографический кризис (отмечается, что «к 2030 году в большинстве стран Европейского союза доля работников в возрасте за 50 лет составит до 55 % от общей рабочей силы» [16]) и связанные с ним проблемы в сфере семейной политики. Неопределенные перспективы трудоустройства в этих странах, негибкость рынка труда и другие факторы приводят к «отложенному» рождению детей и меньшему количеству детей в семьях [16]. Исследователями установлено, что «среди основных факторов сокращения рождаемости выделяют процесс становления постиндустриального общества и изменение системы ценностей в нем (одной из важнейших становится опора на индивидуальный успех), рост благосостояния и уровня образования (в такой ситуации дети, в отличие от традиционных обществ, теряют категорию экономической полезности), наличие системы социальной защиты (в первую очередь пенсионной системы), удорожание процесса воспитания и образования детей, а также эволюцию модели семьи» [17, с. 3]. Среди причин падения рождаемости в странах Европейского союза выделяют: всеобъемлющую контрацепцию, рост числа семей без детей, расширение разнообразия форм семьи, рост незарегистрированных браков [17, с. 3].

Для сферы семейных отношений в Республике Беларусь также становится все более актуальной тенденция к увеличению числа *фактических брачных отношений*, популярность которых среди граждан настолько возрастает, что законодатель вынужден реагировать на эти тренды и отражать соответствующие изменения общественного сознания в правовых нормах. В частности, в ст. 76¹ Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (КоБС) [18], касающейся заключения Соглашения о детях, предусматривается возможность для родителей вне зависимости от того, зарегистрирован ли брак между ними, заключить такое соглашение. Конечная цель такого соглашения — обеспечение приоритета прав несовершеннолетних детей и их наилучших интересов в контексте содержания ст. 1 КоБС [18], ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка (1989) [19] и Замечаний общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов [20].

До 2020 года заключать подобное соглашение могли лишь разводящиеся супруги-родители. За рамкой правовой нормы оставались родители, не состоящие в браке; родители, не расторгающие брак; разведенные родители. С 1 июля 2020 года вступил в силу Закон Республики Беларусь от 18 декабря 2019 года № 277-З «Об изменении законов», в соответствии с которым были внесены изменения и дополнения в КоБС: ст. 38 (ранее предусматривавшая порядок заключения Соглашения о детях) исключена из текста, вместо нее появляется ст. 76¹, в которой упоминаются не только супруги-родители, но и родители без указания на их супружеский статус (семейное положение) как стороны Соглашения о детях. Тем самым субъектный состав Соглашения о детях существенно расширяется, возможность заключения такого соглашения появляется не только у разводящихся супругов-родителей, но и других категорий родителей, которые мы перечислили выше.

Семейная политика Российской Федерации строится на положениях Основных направлений государственной семейной политики, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 г. № 712 [21] (далее — Основные направления государственной семейной политики России), и разработанной на их основе Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [12].

Первая концепция, характеризующая стратегическое развитие семейной политики в России, была одобрена 12 мая 1993 года, и рассматривала «...государственную семейную политику как составную часть социальной политики России...» [22, с. 195]. С принятием Основных направлений государственной семейной политики России «...семейная политика впервые получила государственное определение» [22, с. 195]. В частности, согласно п. 2 Основных направлений государственной семейной политики России, «государственная семейная политика является составной частью социальной политики Российской Федерации и представляет собой целостную систему принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, научного, информационного, пропагандистского и кадрового характера, направленных на улучшение условий и повышение качества жизни семьи» [21]. Условием эффективной семейной политики называется включение семейной политики в социальную политику как ее органичного элемента (п. 5 Основных направлений государственной семейной политики России).

В качестве *объекта* государственной семейной политики России названа семья (п. 3 Основных направлений государственной семейной политики России).

В отличие от Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь, в Основных направлениях государственной семейной политики России определены *субъекты* государственной семейной политики, в качестве которых выступают:

- 1) органы законодательной и исполнительной власти всех уровней;
- 2) работодатели;
- 3) общественные объединения, политические партии, профессиональные союзы, религиозные конфессии, благотворительные фонды, зарубежные организации;
- 4) юридические и физические лица (п. 4 Основных направлений государственной семейной политики России) [21].

«Частные и благотворительные фонды» упоминаются и в абзаце шестом п. 4.6 Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь в качестве факультативных субъектов, возможность привлечения средств которых на цели семейной политики допускается государством [4].

С учетом современных условий, вызовов и угроз, безусловно, уточнения требует упоминание зарубежных организаций в качестве субъектов государственной семейной политики России. Полагаем, ЮНИСЕФ, Всемирная организация здравоохранения и подобные могут не вызывать дискуссий. В отношении иных зарубежных организаций позиция может быть диаметрально противоположной. Сложно судить о том, какой контекст закладывался в слова «зарубежные организации» при рассмотрении их в качестве субъектов семейной политики суверенного государства.

В п. 6 Основных направлений государственной семейной политики России отмечается прямая зависимость содержания государственной семейной политики от социально-экономической ситуации в стране и указывается на «ограниченность финансовых и ресурсных возможностей государства» [21] как на критерий возможной помощи государства семье. Тем самым обнаруживает себя преемственность общепризнанных принципов международного права. В частности, ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966) предусматривает, что критерием объема оказываемой помощи являются «максимальные пределы имеющихся в государстве ресурсов» для постепенного обеспечения полного осуществления гражданами прав [23].

Обеспечение государством условий для реализации семьей своих функций и повышение качества жизни семьи являются *целями* семейной политики России (п. 8 Основных направлений государственной семейной политики России).

Определены девять *принципов* государственной семейной политики, касающихся отношений детей и родителей, супругов между собой, семьи и государства, и иные (п. 9—17 Основных направлений государственной семейной политики России).

Предусмотрены *основные направления* государственной семейной политики:

1) обеспечение условий для преодоления негативных тенденций и стабилизации материального положения семей, уменьшение бедности и увеличение помощи малоимущим семьям;

2) обеспечение работникам, имеющим детей, благоприятных условий для сочетания трудовой деятельности с выполнением семейных обязанностей;

3) кардинальное улучшение охраны здоровья семьи;

4) усиление помощи семье в воспитании детей (п. 18—21 Основных направлений государственной семейной политики России).

Предусмотрен *механизм реализации* Основных направлений государственной семейной политики России, включающий ряд последовательных организационных действий (п. 22—33).

Концепция семейной политики России до 2025 года [12] направлена на развитие Основных направлений государственной семейной политики России [21] в новых социально-экономических и политических условиях. Структура Концепции семейной политики России до 2025 года состоит из: общих положений (I), характеристики современного положения российской семьи (II), целей, принципов, задач и приоритетных направлений государственной семейной политики (III), вопросов реализации государственной семейной политики на региональном уровне (IV), механизмов и ресурсов реализации Концепции семейной политики России до 2025 года (V), этапов ее реализации (VI), ожидаемых результатов ее реализации (VII).

Заключение. В ходе компаративного анализа стратегических документов в области государственной семейной политики Республики Беларусь и Российской Федерации сделаны следующие выводы и сформулирован ряд предложений.

1. Устойчивость Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 21 января 1998 года № 46, несомненно, — пример качества нормотворческой деятельности и прозрачности стратегического планирования.

Вместе с тем время движется вперед, происходят существенные изменения в общественной и социальной жизни, экономических условиях, появляются новые юридические приемы, методы и средства, направленные на помощь семье (например, институт семейной медиации; развиваются договорные институты в брачно-семейных отношениях, основанные на диспозитивных началах). В связи с указанным видится обоснованной идея незначительно модернизировать содержание Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь. С учетом текущих социально-экономических условий полагаем, целесообразно учесть положительный опыт Российской Федерации, где действуют Основные направления государственной семейной политики России и Концепция семейной политики России до 2025 года, и сформировать суверенную Концепцию государственной семейной политики в Республике Беларусь, базирующуюся на положениях Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь (1998).

2. Часть третью п. 1 Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь (1998) предлагается изложить в следующей редакции:

«Объектами семейной политики являются семья.».

3. Дополнить п. 1 Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь (1998) новой частью четвертой следующего содержания:

«Субъектами семейной политики являются:

Президент Республики Беларусь;
Национальное собрание Республики Беларусь;
Всебелорусское народное собрание;
Совет Министров Республики Беларусь;
республиканские органы государственного управления;
местные исполнительные и распорядительные органы;
органы местного самоуправления;
работодатели;
профессиональные союзы и общественные объединения;
иные субъекты, деятельность которых не противоречит законодательству Республики Беларусь.».

4. Предлагается п. 4.6 «совершенствование организационных и финансовых механизмов проведения государственной семейной политики» Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь (1998) выделить в самостоятельный п. 5, а его наименование изложить в следующей редакции: «Механизм проведения государственной семейной политики».

Статья выполнена в рамках проекта БРФФИ № Г23ИП-003 «Традиции и новации института семьи как основы государственной семейной политики и устойчивого развития Республики Беларусь».

Список цитированных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : Основной Закон Респ. Беларусь, 15 марта 1994 г., № 2875-ХП : в ред. принятой на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 04.03.2022. — 1/20213.
2. Андрияшко, М. В. Конституционно-правовые императивы обеспечения демографической безопасности Республики Беларусь / М. В. Андрияшко // Акт. проблемы государства и права. — 2019. — Т. 3, № 12. — С. 466—478.
3. Андрияшко, М. В. Меры государственной семейной политики по защите семьи в законодательстве Республики Беларусь / М. В. Андрияшко // Вестн. БарГУ. Сер. «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2023. — № 1 (13). — С. 108—114.
4. Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 янв. 1998 г., № 41 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 28.12.2007 № 676 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2008. — № 5. — 1/9268.
5. Об основах государственной молодежной политики [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 2009 г., № 65-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.10.2022 г. № 205-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 07.10.2022. — 2/2925.
6. О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2002 г., № 80-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г. № 91-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 18.01.2018. — 2/2529.
7. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021—2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 23.06.2023 г. № 180 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 28.06.2023. — 1/20899.
8. О Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021—2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 янв. 2021 г., № 28 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 28.12.2022 г. № 926 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 06.01.2023. — 5/51171.
9. Об утверждении Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016—2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 марта 2016 г., № 200 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 29.12.2020 г. № 768 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 13.01.2021. — 5/48677.
10. Адзиев, Х. Г. Семейная политика Российской Федерации / Х. Г. Адзиев // Соц.-гуманитар. знания. — 2011. — Вып. 4. — С. 149—164.
11. Эволюция семьи и семейной политики в СССР / отв. ред. А. Г. Вишневецкий. — М. : Наука, 1992. — 140 с.

12. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 25 авг. 2014 г., № 1618-р. — Режим доступа: <https://goo.su/Jz7MUSq> . — Дата доступа: 28.09.2023.
13. Семейная политика в СССР в 1990-е годы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://goo.su/ykNmbNj> . — Дата доступа: 28.09.2023.
14. *Саммель, Р. А.* Государственная семейная политика и ее реализация в Республике Саха (Якутия) : учеб.-метод. пособие / Р. А. Саммель, Т. Ю. Ковтун. — Киров : Изд-во МЦИТО, 2018. — 26 с.
15. *Боброва, А.* Семейная политика в Беларуси — приоритет социальной и демографической политики / А. Боброва, А. Живица // Беларус. думка. — 2021. — № 7. — С. 58—65.
16. Демографический кризис в ЕС [Электронный ресурс] : Euronews 2023. — Режим доступа: <https://goo.su/uqxСХАi> . — Дата доступа: 29.09.2023.
17. *Комиссарова, Ж. Н.* Современные демографические проблемы Европейского союза / Ж. Н. Комиссарова, Е. А. Сергеев // Мировое и нац. хоз-во. — 2020. — № 1 (50). — С. 1—19.
18. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 300-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 25.07.2023. — 2/3020.
19. Конвенции ООН о правах ребенка [Электронный ресурс] : Резолюция 44/25 Генер. Ассамблеи Орг. Объед. Наций, 20 нояб. 1989 г. // Офиц. сайт Орг. Объед. Наций. — Режим доступа: <https://goo.su/v1Zca> . — Дата доступа: 28.09.2023.
20. Замечания общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов [Электронный ресурс] // Ком. по правам ребенка, 29 мая 2013 г. — Режим доступа: <https://goo.su/SxBqFYE> . — Дата доступа: 28.09.2023.
21. Об основных направлениях государственной семейной политики : Указ Президента Рос. Федерации, 14 мая 1996 г., № 712 : в ред. Указа Президента Рос. Федерации от 05.10.2002 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 21. — Ст. 2460.
22. *Кузин, С. И.* О реализации государственной семейной политики в современной России / С. И. Кузин, О. В. Кучмаева // Вестн. ун-та. — 2017. — № 1. — С. 192—198.
23. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] : Резолюция 2200 А (XXI) Генер. Ассамблеи Орг. Объед. Наций, 16 дек. 1966 г. // Офиц. сайт Орг. Объед. Наций. — Режим доступа: <https://inlnk.ru/AK1MeD> . — Дата доступа: 28.09.2023.

Поступила в редакцию 04.10.2023.

УДК 347

О. С. БорисёнокАкадемия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007 Минск, Республика Беларусь, olga-dos@tut.by, +375 (44) 772 73 81

ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ОТ ПРАВОМОЧИЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАКРЕПЛЕННЫМ ЗА НИМИ ИМУЩЕСТВОМ

Расщепление правомочий «триады» права собственности позволяет государству реализовать свои правомочия собственника не на прямую, а через государственные юридические лица, делегируя им определенные элементы владения, пользования, а в ряде случаев и распоряжения государственным имуществом. Вместе с тем не всегда государственные юридические лица реализуют переданные им правомочия в полном объеме и используют закрепленное за ними имущество в соответствии с заданиями собственника, а в некоторых случаях государственное имущество и вовсе оказывается неиспользуемым в хозяйственной деятельности организации. В настоящей статье на примере государственного недвижимого имущества предлагается проанализировать правовые основания прекращения пользования объектами государственной собственности юридическим лицом, а также установить правовые последствия такого отказа.

Ключевые слова: государственное имущество; право собственности; пользование; право хозяйственного ведения; право оперативного управления; распоряжение; аренда; безвозмездное пользование.

Библиогр.: 8 назв.

O. S. BorisyonokAcademy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Str., 220007 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (44) 772 73 81, olga-dos@tut.by

REJECTION OF STATE LEGAL ENTITIES OF THE RIGHT TO USE THE PROPERTY ASSIGNED TO THEM

Splitting the powers of the “triad” of property rights allows the state to exercise its powers of an owner not directly, but through state legal entities, delegating to them certain elements of ownership, use, and in some cases, disposal of state property. At the same time, state legal entities do not always realize the powers transferred to them in full and use the property assigned to them in accordance with the owner’s instructions, and in some cases state property turns to be completely unused in the economic activities of the organization. This article, using the example of state immovable property, proposes to analyze the legal grounds for the termination of use of objects of state property by a legal entity, as well as to establish the legal consequences of such refusal.

Key words: state property; right of ownership; use; right of economic management; right of operational management; disposal; rent; gratuitous use.

Ref.: 8 titles.

Введение. Указ Президента Республики Беларусь от 19 сентября 2022 года № 330 «О распоряжении имуществом» (далее — Указ № 330) содержит понятие неиспользуемого имущества, под которым понимаются незавершенные законсервированные и незаконсервированные капитальные строения с превышением нормативного срока строительства более чем на один год, а также капитальные строения (здания, сооружения), изолированные помещения, историко-культурные ценности, не используемые в хозяйственном обороте и не планируемые к дальнейшему использованию.

По состоянию на 1 января 2023 года общая площадь зданий, сооружений, изолированных помещений, находящихся в государственной собственности, составила 126 330 409 м²,

из них в собственности Республики Беларусь находятся объекты недвижимости общей площадью 49 835 970 м², в коммунальной — 76 494 439 м².

Все объекты недвижимости закреплены на праве хозяйственного ведения или оперативного управления за республиканскими либо коммунальными юридическими лицами, которые в рамках переданных им производных вещных прав наделяются правомочиями по владению, пользованию и ограниченному распоряжению закрепленным за ними недвижимым имуществом и обязаны использовать его в соответствии с заданиями собственника. Вместе с тем не все недвижимое имущество используется согласно установленным целям, площадь неиспользуемых объектов недвижимости составляет 3 524 395 м² (2,8 %), из которых объекты площадью 333 954 м² (0,7 %) находятся в республиканской собственности, 3 190 441 (4,2 %) — в коммунальной.

Термин «неиспользуемое имущество» фактически говорит сам за себя: это объекты недвижимости, в отношении которых правообладатель не осуществляет правомочие пользования. Пользование является одним из правомочий, входящих в триаду права собственности, а также является неотъемлемым элементом права хозяйственного ведения и оперативного управления.

Доктор юридических наук В. А. Витушко, являясь сторонником концепции расщепления правомочий собственности, неоднократно указывал на то, что «триада» правомочий права собственности, в том числе и правомочие пользования, имеет сложное структурное строение и состоит не только из прав, но и обязанностей [1, с. 330]. Пользование профессор определял как возможность извлечения всех возможных для правомерных целей свойств вещи и их использование, разделяя данное правомочие на фактическое (извлечение натуральных свойств, функций вещи собственником) и юридическое (предоставление вещи в фактическое пользование другому лицу с получением собственником юридического результата) [1, с. 333]. Ученый также отмечал, что процесс использования вещи неотъемлемо связан с понятием «приращение», которое предусматривает возникновение и отделение от вещи плодов, продукции и доходов [2, с. 377].

В качестве составных элементов правомочия пользования А. В. Витушко выделял право бытового пользования, право и обязанность производственного потребления, право и обязанность получения прибыли и или осуществления предпринимательской деятельности юридическим лицом, право на удовлетворение имущественных и неимущественных интересов управомоченного лица, право на отказ от пользования [1, с. 333].

Представленный перечень включает в себя право на отказ от использования имущества, т. е. правообладатель может по собственному желанию отказаться от пользования принадлежащим ему имуществом. Что касается государственного недвижимого имущества, то право пользования такими объектами расщеплено между рядом управомоченных лиц: собственник имущества осуществляет свое правомочие в форме юридического пользования, а организационно-балансодержателю принадлежит право как фактического, так и юридического пользования закрепленным за ним на праве оперативного управления или хозяйственного ведения недвижимым имуществом. В связи с этим возникает вопрос, обладает ли государственная организация правом на отказ от правомочия пользования таким имуществом, а также возможен ли отказ от части правомочия в виде фактического пользования его правообладателем.

Материалы и методы исследования. Гражданское законодательство предусматривает возможность отказа правообладателя от принадлежащих ему гражданских прав. Право собственности, как и иные гражданские права, также имеет как основания приобретения, так и основания прекращения, одним из которых является отказ собственника от права собственности (п. 1 ст. 236 Гражданского кодекса (далее — ГК) Республики Беларусь). В отличие от отчуждения, предусматривающего переход права собственности на вещь к другому лицу, отказ от права собственности выражает волю собственника на прекращение своего права без определения правопреемника. Следует отметить, что ни в ГК БССР

1922 года, ни в ГК БССР 1964 года основание прекращения права собственности в форме отказа от права не было закреплено. Объяснение данному факту можно найти в работах Д. И. Мейера, указывающего на то, что юридическая судьба таких вещей уже была предопределена — они поступали в собственность государства как бесхозяйные [3, с. 96]. Действующая же редакция ГК Республики Беларусь автоматического перехода права собственности к государству в случае отказа от него правообладателем не допускает. Так, п. 2 ст. 8 ГК Республики Беларусь устанавливает, что отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав. Так и отказ от права собственности не влечет прекращения прав и обязанностей собственника в отношении принадлежащего ему имущества до момента приобретения права собственности на данное имущество другим лицом (п. 2 ст. 237 ГК Республики Беларусь). Данная норма направлена на предупреждение таких правовых последствий, как бесхозяйственность. В рассматриваемой же ситуации неиспользуемое недвижимое имущество находится в государственной собственности и в хозяйственном ведении или оперативном управлении государственных юридических лиц.

Право хозяйственного ведения и право оперативного управления также могут быть прекращены по основаниям, предусмотренным для прекращения права собственности (п. 2 ст. 280 ГК Республики Беларусь), среди которых и отказ от права. Следовательно, правообладатель (государственное юридическое лицо) имеет право отказаться от осуществления права хозяйственного ведения или оперативного управления в отношении принадлежащего ему объекта недвижимости, объявив об этом либо совершив другие действия, определенно свидетельствующие об его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество (п. 1 ст. 237 ГК Республики Беларусь). В то же время права хозяйственного ведения и оперативного управления не будут прекращены до момента их перехода на данное имущество к другому юридическому лицу. Приобретение же таких прав другим юридическим лицом возможно только по решению собственника имущества.

В юридической литературе по вопросу добровольного отказа юридических лиц от права оперативного управления и хозяйственного ведения сложились различные точки зрения, но в большинстве случаев ученые приходят к мнению, что такой отказ не возможен без согласия собственника имущества.

Такого мнения придерживается и Н. В. Шереметьева, утверждая, что отказ от права оперативного управления носит более административный характер, чем гражданско-правовой, поскольку государственные учреждения не могут отказываться от права оперативного управления на закрепленное за ними имущество без согласия собственника. В качестве негативных последствий, сопровождающих отказы юридических лиц от производных вещных прав, Н. В. Шереметьева выделила неоправданные расходы балансодержателя по содержанию неиспользуемого имущества, неиспользуемость государственного имущества и прихождение его в негодность, недополучение доходов в бюджет от использования такого имущества [4, с. 6].

И. Беренштейн и А. Завьялов допускают отказ юридического лица от осуществления принадлежащих им производных вещных прав только в случае отсутствия возможности эффективно использовать имущество самой организацией [5, с. 72].

Е. А. Терещенко полагает, что отказ юридических лиц от права оперативного управления и хозяйственного ведения может иметь место только при возврате имущества непосредственно собственнику [6, с. 148] (применительно к рассматриваемому случаю в казну), в иных случаях отказ от производных вещных прав в пользу неограниченного круга лиц является не чем иным, как распоряжением государственным имуществом, и совершается по решению собственника имущества.

В. А. Болдырев рассматривает отказ от права хозяйственного ведения как одностороннюю сделку, которая не может быть совершена без одобрения собственника [7, с. 15].

Исходя из мнений ученых-правоведов, процедуру отказа от права оперативного управления и хозяйственного ведения можно представить следующим образом: «Прекращение фактического использования имущества — информирование собственника — принятие собственником имущества решения о дальнейшей фактической и юридической судьбе вещи».

В основном имеющиеся в научной литературе труды посвящены тематике отказа от права оперативного управления и хозяйственного ведения. Научные исследования на предмет отказа от отдельных правомочий, являющихся неотъемлемыми элементами производных вещных прав, не проводились. В целях уяснения такой возможности предлагается рассмотреть существующую на практике модель прекращения пользования государственным недвижимым имуществом, закрепленным на праве оперативного управления или хозяйственного ведения за государственными органами, организациями и юридическими лицами.

Закрепив в Указе № 330 понятие неиспользуемого имущества, государство-собственник фактически предоставило государственным юридическим лицам право на отказ от использования закрепленных за ними объектов недвижимости. Вместе с тем государство не заинтересовано в том, чтобы его имущество не использовалось, в связи с чем постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 ноября 2019 года № 763 «О вовлечении в хозяйственный оборот неиспользуемого и неэффективно используемого имущества» и постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 22 октября 2019 года № 13 «О формировании перечня неиспользуемого и неэффективно используемого имущества» определен порядок определения дальнейшей юридической судьбы (вовлечения в хозяйственный оборот) неиспользуемых объектов недвижимости.

Неиспользуемое государственное имущество (объекты недвижимости, соответствующие определению, содержащемуся в Указе № 330) выявляется государственными органами и организациями, местными исполнительными комитетами, их территориальными органами и структурными подразделениями, а также подчиненными им (входящими в систему) государственными юридическими лицами (организации-балансодержатели, юридические лица), за которыми такие объекты закреплены на праве оперативного управления или хозяйственного ведения, в процессе ежегодно проводимых инвентаризаций. Информацию о выявленных неиспользуемых объектах недвижимости балансодержатели направляют для включения в Перечень неиспользуемого имущества (далее — Перечень) либо в Календарный график по вовлечению в хозяйственный оборот объектов недвижимого имущества (далее — Календарный график).

Несмотря на то, что и Перечень, и Календарные графики содержат информацию о неиспользуемых объектах недвижимости, данные документы имеют существенные отличия.

В Перечень включается информация о неиспользуемых объектах недвижимости, находящихся в республиканской собственности. Полномочиями на принятие решений по вовлечению их в хозяйственный оборот, согласно части первой п. 11 Указа № 330, наделены местные исполнительные комитеты, на территории которых они расположены. Вовлечение в оборот включенного в Перечень имущества возможно путем либо продажи, либо безвозмездной передачи в частную собственность. Сам же Перечень формируется областными и Минским городским исполнительными комитетами и утверждается Государственным комитетом по имуществу Республики Беларусь. В данной ситуации очевидно расщепление и перераспределение правомочия распоряжения неиспользуемым недвижимым имуществом, находящимся в республиканской собственности, между местными исполнительными и распорядительными органами, областными и Минским городским исполнительными комитетами и Государственным комитетом по имуществу Республики Беларусь.

Календарные графики формируются индивидуально каждым государственным органом и организацией, местным исполнительным комитетом на основании представленной их территориальными органами, структурными подразделениями, а также подчиненными государственными организациями информации об имеющихся у них в оперативном управлении или хозяйствен-

ном ведении неиспользуемых объектах недвижимости. Работы по вовлечению в хозяйственный оборот включенного в Календарные графики неиспользуемого имущества проводятся государственными органами и организациями, местными исполнительными комитетами самостоятельно.

При подаче сведений для включения неиспользуемого объекта недвижимости в Перечень или Календарный график балансодержатель не только уведомляет представителя собственника имущества (государственный орган или организацию, областной, Минский городской исполнительные комитеты, местные исполнительные комитеты) о прекращении его использования и необходимости принятия решения со стороны собственника о дальнейшей юридической судьбе таких объектов, но и вносит предложения о способе его вовлечения в хозяйственный оборот. Неиспользуемое государственное имущество может быть вовлечено в хозяйственный оборот следующими способами: сдача в аренду, передача в безвозмездное пользование, продажа, передача в частную собственность на безвозмездной основе, передача без перехода права собственности, передача из собственности Республики Беларусь в собственность административно-территориальных единиц и наоборот, передача из собственности одной административно-территориальной единицы в собственность другой административно-территориальной единицы, внесение в виде неденежного вклада в уставный фонд юридического лица.

Все перечисленные способы вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемого имущества можно подразделить на три вида.

1. Не влекущие ни прекращения права оперативного управления и хозяйственного ведения, ни выбытия имущества из государственной собственности. К таким способам относятся сдача недвижимого имущества в аренду и передача имущества в безвозмездное пользование. В данном случае речь идет об отказе юридического лица только от фактического пользования государственным недвижимым имуществом, при этом у государственного юридического лица сохраняется право юридического пользования таким объектом и иные правомочия, входящие в состав права оперативного управления или хозяйственного ведения.

2. Влекущие прекращение права оперативного управления или хозяйственного ведения, но не влекущие выбытия имущества из государственной собственности. В данной категории следует выделить две подгруппы: 1) способы, не влекущие изменения ни формы собственности, ни вида собственности; 2) способы, не влекущие изменения формы собственности, но изменяющие вид государственной собственности.

К первой подгруппе относится передача без перехода права собственности. Этот способ вовлечения не предполагает изменения субъекта права собственности и заключается в смене балансодержателя неиспользуемого недвижимого имущества, т. е. в передаче такого имущества из хозяйственного ведения или оперативного управления одного юридического лица в хозяйственное ведение или оперативное управление другому государственному юридическому лицу. В данной ситуации имеет место отказ от правомочия пользования в полном объеме, который влечет прекращение права хозяйственного ведения или оперативного управления.

Ко второй подгруппе относятся:

– передача недвижимого имущества из собственности Республики Беларусь в собственность административно-территориальных единиц и наоборот. Этот способ вовлечения в хозяйственный оборот влечет не только прекращение права оперативного управления или хозяйственного ведения, но и предусматривает изменение вида государственной собственности (республиканской на коммунальную и наоборот), изменяется субъект права государственной собственности;

– передача из собственности одной административно-территориальной единицы в собственность другой административно-территориальной единицы. Реализация данного способа вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемого государственного имущества влечет прекращение права хозяйственного ведения или оперативного управления, а также смену субъекта права коммунальной собственности (область, район), при этом вид (коммунальная) и форма (государственная) собственности остаются неизменными.

3. Связанные с прекращением права государственной собственности: продажа, передача в частную собственность на безвозмездной основе (в том числе для реализации инвестиционного проекта), внесение в виде неденежного вклада в уставный фонд юридического лица. В данном случае отказ от пользования имуществом влечет не только прекращение права оперативного управления или хозяйственного ведения юридического лица, но и прекращение права государственной собственности на это недвижимое имущество.

Таким образом, внесенные организацией-балансодержателем предложения по вовлечению в хозяйственный оборот неиспользуемого государственного имущества определяют тот объем правомочий, от которых желает отказаться правообладатель. Стоит обратить внимание, что включение объекта в Перечень или Календарный график не повлечет автоматического прекращения правомочия пользования в полном объеме или в части фактического пользования у организации-балансодержателя в отношении неиспользуемого имущества. С учетом требований п. 2 ст. 237 ГК Республики Беларусь для прекращения таких правомочий также требуется их передача третьему лицу. Право фактического пользования неиспользуемым имуществом может быть передано по договору аренды или безвозмездного пользования. Правомочие же пользования в полном объеме перейдет к иному правообладателю только при передаче такого имущества в оперативное управление или хозяйственное ведение другому юридическому лицу либо при смене собственника имущества. Те обстоятельства, что содержание правомочия пользования, владения и распоряжения государственным имуществом расщеплены между собственником и субъектом производных вещных прав [8, с. 105], являются причиной того, что отказ одного из правообладателей хотя бы от части принадлежащих ему правомочий влечет необходимость принятия собственником соответствующих решений, необходимых для обеспечения соблюдения собственных интересов.

Как неоднократно писал В. А. Витушко, любое право не может существовать само по себе, оно обязательно включает в себя и обязанности [1, с. 333]. Так и реализация права на отказ от правомочия пользования влечет возникновение сопряженных с ним обязанностей. Ч. 3 п. 16 Указа 330 на руководителей государственных органов и организаций, местных исполнительных комитетов, государственных юридических лиц возложена обязанность принимать меры по вовлечению в хозяйственный оборот неиспользуемого государственного имущества, а также установлена персональная ответственность за непринятие таких мер. Нарушение установленного порядка вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемого и неэффективно используемого государственного имущества влечет наложение штрафа в размере до 25 базовых величин в соответствии с ч. 3 ст. 24.17 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Таким образом, предоставив право государственным организациям отказаться от использования государственного недвижимого имущества, законодатель одновременно возложил на руководителей юридических лиц обязанность по уведомлению представителя собственника о прекращении использования такого имущества путем подачи заявления для включения объекта в Перечень либо Календарный график, а в последующем возложив обязанность по вовлечению его в хозяйственный оборот на руководителей государственных органов и организаций, а также государственных юридических лиц. В рассматриваемом случае реализация правообладателем одного элемента, входящего в состав правомочия пользования (права на отказ от пользования), повлекло возникновение обязанности по вовлечению неиспользуемого имущества в хозяйственный оборот, составные элементы которой также рассредоточились между рядом уполномоченных лиц. Возникновение таких обязанностей неотъемлемо связано с наделением обязанных лиц полномочиями на принятие решений о вовлечении в хозяйственный оборот (распоряжении) неиспользуемого государственного недвижимого имущества.

Следует отметить, что организация-балансодержатель до принятия решения представителя собственника о распоряжении неиспользуемым объектом может изменить свое ре-

шение и вернуть себе право пользования таким имуществом в любом объеме, что повлечет исключение его из Перечня или Календарного графика в целях дальнейшего использования в хозяйственной деятельности юридического лица.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает, что правомочия, входящие в состав права собственности, не только имеют сложное структурное строение, элементы которого распределяются между собственником и субъектами производных вещных прав, но и имеют тесную взаимосвязь. Расщепление правомочий и распределение их между различными субъектами позволяют их правообладателям не только отказаться от права в целом, но и предоставляют возможность реализовать свое право на отказ от отдельного правомочия, а также от отдельного его элемента.

Обзор законодательного регулирования в сфере вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемого государственного имущества продемонстрировал:

1) право организации отказаться как от правомочия пользования в целом, так и от его части — фактического использования государственного недвижимого имущества, закрепленного за ней на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, сохранив при этом иные правомочия, входящие в состав производных вещных прав, в том числе и право юридического пользования таким объектом;

2) отказ от реализации правомочия пользования государственным недвижимым имуществом либо отказ от реализации составных его элементов не приводит к моментальному прекращению существующих правоотношений, а порождает правовые последствия у круга лиц в виде обязанностей по вовлечению в хозяйственный оборот неиспользуемого государственного имущества, который заключается в поиске правопреемника. Иными словами, волеизъявление правообладателя об отказе от правомочия пользования либо от его части запускает правовой механизм, необходимый для приобретения правомочия пользования либо отдельного его элемента на объект недвижимости иным лицом. Учитывая тот факт, что правомочие пользования является составным элементом только права собственности и производных от него вещных прав, соответственно, перейти к другому лицу оно может только в рамках приобретения таких прав третьим лицом. Право же фактического пользования недвижимым имуществом может быть передано третьему лицу в рамках договорных обязательств и передачи вещных прав не требует.

Список цитированных источников

1. *Витушко, В. А.* Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. / В. А. Витушко. — Минск : Беларус. наука, 2007. — Ч. 1. — 566 с.
2. *Витушко, В. А.* О содержании права собственности / В. А. Витушко, Ю. М. Храмцова // Государство и право в XXI веке : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 95-летию юрид. фак. Беларус. гос. ун-та, 26—27 нояб. 2020 г. ; редкол.: Т. Н. Михалева [и др.]. — Минск : БГУ, 2021. — С. 376—380.
3. *Мейер, Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. / Д. И. Мейер. — М. : Статут, 2003. — 831 с.
4. *Шереметьева, Н. В.* Правовые аспекты отказа от права оперативного управления / Н. В. Шереметьева // Рос. судья. — 2021. — № 3. — С. 60—64.
5. *Беренштейн, И.* Формирование и учет имущества казны муниципальных образований / И. Беренштейн, А. Завьялов // Хоз-во и право. — 2007. — № 3. — С. 68—76.
6. *Терещенко, Е. А.* Момент возникновения и прекращения права оперативного управления / Е. А. Терещенко // Ленингр. юрид. журн. — 2013. — № 2 (32). — С. 143—151.
7. *Болдырев, В. А.* Возврат имущества унитарного предприятия собственнику и его оспаривание: проблемы материального и процессуального права / В. А. Болдырев // Рос. юстиция. — М. : Юрист, 2009. — № 12. — С. 14—17.
8. *Черепок, А. Р.* О вещных правах государственных предприятий на имущество и их соотношений с правом государственной собственности / А. Р. Черепок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2009. — № 1. — С. 103—107.

Поступила в редакцию 22.09.2023.

УДК 347.191.1

Р. В. Крутько

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (163) 66 94 81, rus_krut14@mail.ru

ПРОЕКТ НОВОЙ РЕДАКЦИИ ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ»: ОСНОВНЫЕ НОВАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье анализируются основные новации проекта новой редакции Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях», оцениваются перспективы и возможные проблемные вопросы при реализации новой редакции указанного закона.

Ключевые слова: религиозная организация; государственная регистрация; перерегистрация; миссионерская деятельность; проект закона; новация.

Библиогр.: 15 назв.

R. V. Krutsko

Institution of Education “Baranavichy State University”,
21 Voikova Str., 225404 Baranavichy, the Republic of Belarus, +375 (163) 66 94 81, rus_krut14@mail.ru

A NEW DRAFT OF THE LAW OF THE REPUBLIC OF BELARUS “ON FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGIOUS ORGANIZATIONS”: MAIN INNOVATIONS AND IMPLEMENTATION PROSPECTS

The article analyzes the main innovations of a new draft of the Law of the Republic of Belarus “On Freedom of Conscience and Religious Organizations”, assesses the prospects for implementation and possible problematic issues when implementing the new version of this law.

Key words: religious organization; state registration; re-registration; missionary activity; draft law; innovation.

Ref.: 15 titles.

Введение. Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь в первом чтении 11 октября 2023 года был принят проект Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам деятельности религиозных организаций» [1]. Данный проект предусматривает новую редакцию Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» и внесение изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь. Внесение проекта было инициировано Советом Министров Республики Беларусь.

Материалы и методы исследования. Как отмечается на официальном сайте Уполномоченного по делам религий и национальностей, законопроект предусматривает закрепление на законодательном уровне новых современных подходов во взаимоотношениях государства с религиозными организациями. Кроме того, акцентируется внимание на том, что он разрабатывался в тесном взаимодействии с религиозными организациями и прошел общественное обсуждение [2].

В статье произведен сравнительный анализ представленных изменений с учетом высказанных за последнее время предложений по совершенствованию законодательства, регулирующего деятельность религиозных организаций.

Сделан вывод, что в проекте закона нашел свое отражение ряд новаций, направленных на совершенствование законодательства в рассматриваемой сфере, однако некоторые ранее высказанные предложения законодателем не учтены.

Результаты исследования и их обсуждение. Закон Республики Беларусь № 2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях» был принят 17 декабря 1992 года. В момент принятия он назывался «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях». С 1992 года в закон шесть раз вносились изменения и дополнения. Законом Республики Беларусь от 31 октября 2002 года № 137-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О свободе вероисповеданий и религиозных организациях”» закон был изложен в новой редакции и стал именоваться «О свободе совести и религиозных организациях» (далее — действующий Закон) [3]. Последние изменения в действующий Закон вносились 22 декабря 2011 года.

В законопроекте новая редакция Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» (далее — проект Закона) [1] содержит 5 глав и 42 статьи. В действующем Законе насчитывается также 5 глав и всего 40 статей.

В преамбуле проекта Закона признание «определяющей роли Православной церкви» заменено на признание «особой роли Белорусской православной церкви».

Ранее мы отмечали, что в соответствии с ч. 2 п. 1 ст. 50 Гражданского кодекса Республики Беларусь включение в наименование юридического лица указаний на официальное полное или сокращенное название Республики Беларусь, слов «национальный» и «белорусский» допускается в порядке, определяемом Президентом Республики Беларусь [4]. Такой порядок установлен несколькими указами Президента Республики Беларусь [5—7], однако в этих указах не установлено, что религиозные организации обладают правом использовать в своем наименовании официальное полное или сокращенное название Республики Беларусь и слово «белорусский» [8, с. 161].

В автореферате диссертации «Конституционно-правовое регулирование обеспечения реализации свободы вероисповедания религиозными организациями в Республике Беларусь» А. С. Бакун предложила закрепить в действующем Законе понятие «миссионерская деятельность» [9, с. 15].

Данное предложение с небольшими корректировками было реализовано законодателем в ст. 3 проекта Закона, в которой появилось определение термина «миссионерская деятельность» [1].

В проекте Закона также появилась ст. 26 «Миссионерская деятельность». В данной статье определено, где религиозные организации вправе осуществлять миссионерскую деятельность, кто вправе от имени религиозной организации осуществлять миссионерскую деятельность, цели, на достижение которых не может быть направлена миссионерская деятельность.

Вероятно, вызовет резонанс и активное обсуждение появившийся в ст. 3 проекта Закона еще один новый термин: «детский дом при монастыре» — учреждение, созданное монастырем, которое принимает участие в реализации плана защиты прав и законных интересов и предназначено для проживания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Далее детский дом при монастыре упоминается в ст. 29 проекта Закона, регулирующей благотворительную и социальную деятельность религиозных организаций. Согласно ч. 4 указанной статьи при монастырях могут создаваться детские дома, в которых могут находиться дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, в возрасте от 3 до 18 лет.

В данной статье также отмечено, что на финансирование расходов детских домов при монастырях могут направляться средства республиканского или местных бюджетов. Порядок такого финансирования должен определяться Советом Министров Республики Беларусь.

Обратим внимание, что детские дома могут создаваться лишь при монастырях, исключая другие религиозные организации. На 1 января 2023 года в стране насчитывалось 45 монас-

тырей, из них 36 принадлежат Православной церкви, 9 — Римско-католической церкви [10]. У других конфессий монастырей нет.

В ст. 27 проекта Закона появился запрет на распространение религиозной литературы путем раздачи по многоквартирным жилым домам и общежитиям, многоквартирным и блокированным жилым домам, дачным домам, в общественном транспорте и на объектах его инфраструктуры.

Каким образом будут пресекаться действия, нарушающие этот запрет, пока неизвестно. Вероятно, будут внесены изменения в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП).

На основании ст. 4 проекта Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам деятельности религиозных организаций» ранее зарегистрированные религиозные организации будут обязаны привести свои уставы в соответствие с предъявляемыми требованиями и пройти перерегистрацию либо принять решение о ликвидации.

В действующем Законе существует ст. 12 «Государственный реестр религиозных организаций», которой не станет в новом законе.

В проекте Закона ч. 7 ст. 15 устанавливает, что запись о государственной регистрации религиозной организации будет вноситься в Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Вероятно, понадобится внесение изменений в Положение о Едином государственном реестре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 февраля 2009 года № 229 «О Едином государственном реестре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [11]. В частности, подп. 7.11 п. 7 данного Положения необходимо дополнить положением о том, что сведения об учредителях религиозных организаций не предоставляются.

Также в ст. 15 проекта Закона устанавливается прямой запрет религиозной деятельности на территории Республики Беларусь без создания и государственной регистрации религиозных организаций. Соблюдение такого запрета также потребует внесения изменений и в КоАП, и в Уголовный кодекс Республики Беларусь.

Уполномоченный по делам религий и национальностей, областные, Минский городской исполнительные комитеты будут обязаны до 1 января 2026 года обеспечить внесение сведений о религиозных организациях в Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

На 1 января 2023 года в Республике Беларусь насчитывалось 3 590 религиозных организаций [12]. Все эти организации после вступления новой редакции закона в силу в течение года будут обязаны пройти перерегистрацию либо принять решение о ликвидации.

Религиозные организации, которые не пройдут перерегистрацию и не примут решения о ликвидации, будут ликвидированы по решению областного (Минского городского) суда по месту нахождения религиозной организации по заявлению Уполномоченного по делам религий и национальностей, областного, Минского городского исполнительных комитетов.

Таким образом, планируется, что в течение года будет осуществляться перерегистрация, а затем (также в течение года) ликвидация религиозных организаций, которые не смогут пройти перерегистрацию.

При ликвидации возникнет необходимость решения задачи по определению судьбы имущества ликвидируемых религиозных организаций. В связи с этим обращает на себя внимание то обстоятельство, что в ст. 36 проекта Закона, которая именуется как и ст. 33 действующего Закона — «Распоряжение имуществом ликвидированных религиозных организаций», не будет упоминания о том, что на имущество культового назначения, которое находится в собственности религиозных организаций, не может быть наложено взыскание по претензиям кредиторов.

Еще одним проблемным вопросом, требующим разрешения, остается вопрос наименования религиозных организаций. В проекте Закона указано, что при обращении за государственной регистрацией религиозной организации предоставляется заявление, подписанное всеми учредителями. К заявлению прилагаются список учредителей, устав религиозной организации, протокол учредительного собрания, документ, подтверждающий право размещения религиозной организации по месту нахождения.

В ст. 19 проекта Закона указывается, что в уставе религиозной организации указывается полное и сокращенное наименования религиозной организации на государственных языках Республики Беларусь. В наименовании религиозной организации указываются организационно-правовая форма, вид религиозной организации и ее конфессиональная принадлежность. Отметим, что в ст. 19 проекта Закона появилось требование указывать и сокращенное наименование религиозной организации, чего раньше не было. Согласование наименования религиозной организации в проекте Закона не предусмотрено.

В то же время учредители (участники) создаваемой коммерческой или некоммерческой организации до обращения в регистрирующий орган за государственной регистрацией создаваемой организации должны в том числе согласовать наименование организации. Данное требование содержится в Положении о государственной регистрации субъектов хозяйствования [13].

В Положении о порядке согласования наименования коммерческих и некоммерческих организаций отмечено, что наименование не может быть согласовано, в том числе если в Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей имеются сведения о юридических лицах, имеющих наименования, тождественные наименованиям, предложенным для согласования, либо в базе данных согласованных наименований Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей согласованы (зарезервированы) наименования, тождественные предложенным, и срок их резервирования не истек [14].

В наименованиях религиозных организаций достаточно часто встречаются тождественные наименования. Например, многократно используются наименования «Приход храма Святых апостолов Петра и Павла», «Приход храма Святой Живоначальной Троицы», «Приход костела Пресвятой Троицы», «Церковь Благодать», «Благодать» и др. Различие определяется лишь указанием конкретного населенного пункта, в котором находится религиозная организация.

Ранее мы предполагали, что в проекте Закона должно найти свое место изменение, предусматривающее возможность обжалования письменного предупреждения в адрес религиозной организации в судебном порядке, ввиду того, что судебная практика по данному вопросу идет по пути отказа в возбуждении гражданского дела, поскольку такие жалобы не подлежат рассмотрению в суде ввиду неподведомственности [15, с. 71]. К такому же выводу приходили и другие исследователи [9, с. 16], однако законодатель оставил этот вопрос без ответа.

Таким образом, приведение актов законодательства в соответствие с новой редакцией действующего Закона потребует серьезных усилий.

Предыдущая новая редакция действующего Закона была официально опубликована 6 ноября 2002 года и вступила в силу через 10 дней после официального опубликования. В течение двух лет после вступления в силу отмеченного Закона проходила перерегистрация религиозных организаций. Таким образом, последняя перерегистрация религиозных организаций проходила 20 лет назад. Внесение изменений в Конституцию Республики Беларусь повлекло за собой необходимость внесения изменений в различные нормативные правовые акты, в том числе и в действующий Закон.

Заключение. Обнародованный проект новой редакции действующего Закона содержит ряд конструктивных новаций.

1. Обновлены определения некоторых терминов, используемых в действующем Законе, появились новые термины: миссионерская деятельность, воскресная религиозная школа,

детский дом при монастыре, культовое здание (сооружение), монастырь, монашеская община, паломническая деятельность.

2. Появились новые статьи: «Религиозное просвещение», «Государственная регистрация изменений и (или) дополнений, внесенных в устав религиозных организаций», «Миссионерская деятельность», «Паломническая деятельность», «Условия деятельности священнослужителей и религиозного персонала в религиозных организациях».

3. В ст. 29 проекта Закона появилось указание, что религиозные организации вправе осуществлять социальную деятельность в целях участия в решении социальных проблем общества.

Вместе с тем остались и нерешенные задачи. В частности, в проекте Закона законодатель не предусмотрел возможность обжалования письменного предупреждения в адрес религиозной организации в судебном порядке.

Список цитированных источников

1. Об изменении законов по вопросам деятельности религиозных организаций [Электронный ресурс] : проект Закона Респ. Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2023070001> . — Дата доступа: 17.10.2023.

2. О рассмотрении проекта Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам деятельности религиозных организаций» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://belarus21.by/New/o-rassmotrenii-proekta-zakona-respubliki-belarus-ob-izmenenii-zakonov-po-voprosam-deyatelnosti-religioznyh-organizacij> . — Дата доступа : 17.10.2023.

3. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. № 328-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 05.01.2012. — № 2. — 2/1880.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.01.2023 г. № 240-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 06.01.2023. — 2/2960.

5. Об использовании названия Республики Беларусь юридическими лицами [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 7 апр. 2000 г., № 172 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 20.04.2000. — № 36. — 1/1154.

6. О дополнительных мерах по упорядочению использования слов «национальный» и «белорусский» [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 31 мая 2005 г., № 247 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 14.03.2017 № 87 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 17.03.2017. — 1/16963.

7. Об использовании слов «национальный» и «белорусский» в наименованиях юридических лиц и средств массовой информации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 8 сент. 2005 г. № 425 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 20.07.2021 г. № 278 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 22.07.2021. — 1/19806.

8. Крутько, Р. В. Наименование религиозных организаций как средство индивидуализации в гражданском обороте / Р. В. Крутько // Вестн. БарГУ. Сер. «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2017. — Вып. 5. — С. 160—164.

9. Бакун, А. С. Конституционно-правовое регулирование обеспечения реализации свободы вероисповедания религиозными организациями в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. С. Бакун. — Минск : БГУ, 2017. — 26 с.

10. Религиозные организации, зарегистрированные Уполномоченным по делам религий и национальностей (на 1 января 2023 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://belarus21.by/Articles/religioznye-organizacii-zaregistrirovannye-upolnomochennym-po-delam-religij-i-nacionalnostej-na-1-yanvary-2019-g> . — Дата доступа: 17.10.2023.

11. О Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 27 февр. 2009 г. № 229 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 02.09.2023 г. № 574 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 07.09.2023. — 5/52066.

12. Религиозные общины в Республике Беларусь (на 1 января 2023 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://belarus21.by/Articles/kolichestvo-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-na-1-yanvary-2019-g> . — Дата доступа: 17.10.2023.

13. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2009 г., № 1 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 18.04.2019 г. № 151 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 23.04.2023. — 1/18308.

14. Об утверждении Положения о порядке согласования наименований коммерческих и некоммерческих организаций [Электронный ресурс] : постановление. Совета Министров Респ. Беларусь, 5 фев. 2009 г. № 154 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 22.05.2020 г. № 305 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 26.05.2020. — 5/48083.

15. *Крутько, Р. В.* Право обжалования религиозной организацией письменного предупреждения / Р. В. Крутько // Инновационный потенциал развития юридической науки и практики в современном мире : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. — Гродно : ГрГУ, 2023. — С. 69—72.

Поступила в редакцию 04.10.2023.

УДК 347.61

Т. М. Халецкая, кандидат юридических наук, доцент
Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007 Минск, Республика Беларусь, Tania80@rambler.ru

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ УКРЕПЛЕНИЯ БРАКА: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Семья — социальный институт, занимающий значительное место как в жизни каждого человека, так и в жизни всего общества. В основе семьи традиционно лежит брачный союз между мужчиной и женщиной, в прочности которого заинтересовано общество. Именно стабильный брак порождает здоровую семью и способствует повышению статуса семьи в обществе. Несмотря на широкий спектр мер, направленных на укрепление института брака, предусмотренных законодательством Республики Беларусь, статистические данные свидетельствуют о высоких показателях расторжения браков. Указанное актуализирует необходимость теоретического осмысления содержания мер, предпринимаемых государством в целях укрепления института брака, и определения их эффективности. В статье проанализированы публично-правовые меры, направленные на укрепление брака и применяемые на стадии, предшествующей регистрации заключения брака, в период существования брака, расторжения брака; выявлены наименее эффективные меры; сделаны предложения по совершенствованию действующего брачно-семейного законодательства.

Ключевые слова: семья; брак; укрепление семьи; правовые меры.

Библиогр: 18 назв.

T. M. Khaletskaya, PhD in Law, Associate Professor
The Institute of Managerial Personnel of the Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Str., 220007 Minsk, the Republic of Belarus, Tania80@rambler.ru

PUBLIC LAW MEASURES TO STRENGTHEN A MARRIAGE: ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The family is a social institution that plays a significant role both in the life of each individual and in the life of the whole society. Traditionally, the family is based on a marriage union between a man and a woman. And it is the society that is interested in the strength of marriage. A strong marriage builds healthy family relationships and helps improve the family status in society. Despite a wide range of measures aimed at strengthening the institution of marriage, provided for by the legislation of the Republic of Belarus, the statistical data demonstrate high divorce rates. Therefore, a theoretical understanding of measures taken by the state to strengthen the institution of marriage shall be developed and their effectiveness shall be determined. The article analyses the public law measures aimed at strengthening a marriage and applied before the marriage, during the period of marriage, and during the period of divorce. The author has revealed the least effective measures and proposed measures to improve the current marriage and family legislation.

Key words: family; marriage; family strengthening; legal measures.

Ref.: 18 titles.

Введение. Семью в научной литературе называют важнейшим социально-экономическим институтом [1, с. 26], одной из высших национальных ценностей [2, с. 422], партнером государства, без поддержки которого не возможны успешные политические и социальные преобразования [3, с. 19]. Государство всеми силами стремится поддержать и улучшить семью, решить все ее институциональные проблемы, чтобы семья максимально хорошо выполняла свою главную функцию — функцию воспроизводства [4]. В современной

литературе все чаще можно встретить утверждение о том, что государство, проводя научно обоснованную семейную политику, может так изменить негативные тенденции в семье и сформировать настолько благоприятные для нее условия, что это позволит не просто выполнять указанную функцию, а выполнять ее настолько хорошо, что количественный демографический прирост перейдет в качественный, поскольку семья будет воспроизводить «качественный человеческий капитал» [1, с. 30; 5, с. 152].

В своей основе семья традиционно имеет брачный союз между мужчиной и женщиной, в прочности которого заинтересовано общество. Именно стабильный брак «определяет устойчивость и стабильность семьи» [6, с. 92], «порождает здоровую семью и способствует повышению статуса семьи в обществе» [7, с. 48], а супруги, состоящие в таком браке, могут наилучшим образом выполнять функцию воспроизводства.

Целью настоящей статьи является выявление правовых инструментов, используемых государством для укрепления брака, а также оценка эффективности таких инструментов.

Материалы и методы исследования. В процессе написания статьи были использованы общенаучные методы исследования, обобщение положений нормативных правовых актов, результатов научных трудов белорусских и российских ученых-фамилиаристов.

Результаты исследования и их обсуждение. Активно влиять на институт брака государство начало в постреволюционный период, поставив перед собой задачу революционной ломки старых устоев брака и семьи [8, с. 150—151]. Традиционная семья была заменена «социалистической ячейкой общества» — свободным союзом свободных индивидов [9, с. 219]. Стремясь полностью уничтожить влияние церкви и моральных ценностей, формируемых на основе религии, на институт семьи и брака, советское государство провозглашало приоритет индивидуальных сексуальных свобод над семейными связями, свободу репродуктивного выбора, свободу в принятии решения о расторжении брака. Разрушалась и материальная основа жизни семьи, поскольку отрицалась идея частной собственности, на смену которой приходила идея всеобщего равенства. Институт семьи в целом потерял свою сакральность, а государство стало стремиться «тотально регламентировать и контролировать супружеские отношения» [10, с. 51]. В тот период основной целью семьи провозглашалось выполнение государственного долга по воспроизведению и воспитанию строителей коммунизма.

18 декабря 1917 года был принят Декрет ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», а 19 декабря 1917-го — Декрет «О расторжении брака», отменившие веками складывавшийся порядок заключения и расторжения брака: была ликвидирована церковная форма брака и упразднены все ограничения на его расторжение. В целом этот период характеризуется большим разнообразием форм семейной жизни (гражданские браки, однополые союзы) [11, с. 91—95].

Продолжая политику, направленную отнюдь не на укрепление брака, Президиум Верховного Совета СССР 15 февраля 1947 года принимает Указ «О воспреещении браков между гражданами СССР и иностранцами»: гражданам СССР было запрещено вступать в брак с иностранными гражданами.

Подобная политика привела к кризису традиционной семьи, ставшему очевидным с 1970-х годов. В своем исследовании А. Вишневецкий отмечает, что эрозия традиционных брачно-семейных отношений началась в странах СНГ еще в советский период и характеризовалась стабильным снижением прочности брака и ростом числа разводов [12]. В Беларуси в 1970—1980-е годы интенсивность разводов превосходила большинство европейских стран. К началу XXI века интенсивность разводов увеличилась и продолжила оставаться выше европейских, несмотря на то, что она повышалась и в Европе [12]. В этот же период наблюдается быстрое распространение количества нерегистрируемых браков. Данный вывод А. Вишневецкий делает на основе анализа статистики внебрачных рождений (так, если в 1970 году

в Беларуси доля родившихся внебрачных детей в общем количестве рождений составляла 7,3 %, то в 2000-м — 18,6 %). Найти причину этого феномена А. Вишневецкий не может, он лишь констатирует, что «классическая», традиционная модель семьи «...почему-то перестает удовлетворять людей. Они ищут каких-то новых ее форм, быть может, менее жестких, чем прежде, позволяющих организовывать свою частную жизнь в экономических, социальных и демографических условиях, очень сильно отличающихся от тех, в которых когда-то сложилась и тысячелетиями существовала традиционная семья» [12].

Социологи, исследующие проблему отказа от брака, выделяют несколько причин подобного явления: с одной стороны, безбрачие может быть вынужденным и являться следствием «плохого здоровья, наличия психических и физических аномалий, плохой ситуации на брачном рынке, принадлежности к определенной социальной группе» [6, с. 99], с другой — в обществе все шире распространяется такой феномен, как «добровольное безбрачие». При этом нежелание вступать в брак имеет место как у мужчин, так и у женщин. Мужчины, по мнению социологов, могут избегать брака под влиянием сформировавшегося у сына комплекса вины перед матерью, растившей его без мужа, а также просто из-за нежелания брать на себя ответственность за семью (боязнь такой ответственности является следствием постепенно изменяющихся ролей мужчины и женщины в обществе). Добровольно отказываются от регистрации заключения брака и женщины вследствие, например, пережитого сложного развода, желая «сделать карьеру», сформировавшегося под влиянием матери-одиночки, воспитывающей ее, негативного отношения к мужчинам [6, с. 99].

В социологической литературе делаются выводы о том, что институт брака, пройдя длинный путь эволюции, сегодня является отмирающим социальным институтом [6, с. 100].

Проблема неустойчивости брачных союзов для Республики Беларусь продолжает оставаться актуальной и на современном этапе. Ценность и значимость официального брака для большинства населения сохраняется, но количество браков снижается наряду с увеличивающимся числом разводов. Так, если в 2019 году коэффициент заключенных браков составил 6,7 на 1 000 человек, а коэффициент разводов — 3,7, то в 2022-м — уже 6,3 [13] и 3,7 соответственно [14].

Согласимся с М. В. Андрияшко в том, что на фоне такой статистики «особый интерес представляют механизмы, направленные на укрепление брака» [7, с. 48], тем более что эффективность некоторых из предусмотренных в белорусском законодательстве мер вызывает дискуссию.

Следует оговориться, что среди всех мер, направленных на укрепление брака, можно выделить меры публично-правового характера, условно выделив среди них:

- 1) меры, применяемые на стадии, предшествующей регистрации заключения брака;
- 2) меры, применяемые в период существования брака;
- 3) меры, применение которых происходит в период расторжения брака.

Меры, применяемые на стадии, предшествующей регистрации заключения брака.

1. К этой группе мер можно отнести *мероприятия по подготовке лиц, желающих вступить в брак, к семейной жизни*, предусмотренные ст. 14 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС).

Лица, вступающие в брак, должны понимать смысл и последствия заключения брака, их желание зарегистрировать брак должно быть осознанным, формироваться свободно, а не под влиянием каких-либо внешних обстоятельств.

На орган регистрации актов гражданского состояния, принявший заявление о регистрации заключения брака, возложена обязанность разъяснить лицам, желающим зарегистрировать брак, их права и обязанности как будущих супругов и родителей (ст. 212 КоБС). В целях подготовки лиц, вступающих в брак, к семейной жизни при отделах записи актов гражданского состояния районных, городских исполнительных комитетов и местных адми-

нистраций районов в городах могут создаваться службы правового, медицинского и психологического консультирования (ч. 1 ст. 14 КоБС).

Кроме того, лица, вступающие в брак, вправе до заключения брака пройти бесплатное медицинское обследование в государственных организациях здравоохранения в целях определения состояния их здоровья и выявления наследственных заболеваний в порядке, установленном Министерством здравоохранения (ч. 3 ст. 14 КоБС). Орган, регистрирующий акты гражданского состояния, принявший заявление о регистрации заключения брака, обязан выяснить их взаимную осведомленность о состоянии здоровья друг друга (ст. 212 КоБС).

Комментируя положения ч. 3 ст. 14 КоБС, В. И. Пенкрат указывает на то, что должностные лица органов, регистрирующих акты гражданского состояния, относятся к исполнению указанной обязанности формально или вовсе не исполняют ее, что, по мнению ученого, может привести к негативным последствиям: «Неосведомленность лиц, вступающих в брак, о состоянии здоровья друг друга может привести к тяжелым последствиям: рождению больного ребенка, заражению здорового супруга инфекционным заболеванием и т. п.» [15, с. 161]. Оценивая меру, предусмотренную ч. 3 ст. 14 КоБС, как неэффективную, В. И. Пенкрат предлагает обязать лиц, желающих зарегистрировать брак, проходить медицинское обследование и сообщать друг другу о состоянии своего здоровья (об этом должна производиться отметка в журнале органа, регистрирующего акты гражданского состояния). При этом предметом медицинского освидетельствования, по мнению В. И. Пенкрата, должно быть «не только наличие или отсутствие ВИЧ-инфекции, венерических заболеваний, но и неизлечимых наследственных заболеваний с обязательным сообщением результатов обследования лицу, с которым заключается брак» [15, с. 162].

Не умоляя важности прохождения лицами, желающими зарегистрировать брак, медицинских осмотров, отметим, что возложение на них подобной обязанности нарушает принцип добровольности прохождения медицинских осмотров, закрепленный в ч. 1 п. 12 постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 21 декабря 2015 года № 127 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения медицинских осмотров»: «Пациенты либо лица, указанные в части второй статьи 18 Закона Республики Беларусь “О здравоохранении”, вправе отказаться от проведения медосмотра в целом либо от отдельных видов медицинских вмешательств, включенных в медосмотр». Не представляется возможным также возложить на лиц, желающих вступить в брак, обязанности сообщать о результатах медицинского осмотра друг другу. Результаты медицинского обследования лица, желающего вступить в брак, составляют врачебную тайну (ст. 46 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 года № 2435-ХІІ «О здравоохранении») и могут быть сообщены лицу, с которым оно намерено зарегистрировать брак, только с согласия лица, прошедшего обследование.

Вместе с тем в брачно-семейном законодательстве ряда государств сокрытие одним из лиц, желающих вступить в брак, тех или иных имеющихся у него заболеваний от лица, с которым он намерен брак зарегистрировать, является основанием для признания брака недействительным. Так, ч. 3 ст. 15 Семейного кодекса Российской Федерации к основаниям признания брака недействительным относит сокрытие одним из супругов информации о наличии у него венерической болезни или ВИЧ-инфекции. Аналогичное основание предусмотрено п. 13.7 ст. 13 Семейного кодекса Азербайджанской Республики. В ст. 12 Семейного кодекса Республики Армения указано: «Если лицо, вступившее в брак, на момент государственной регистрации брака скрыло от другого супруга (супруги) наличие у него венерической болезни (в том числе вируса иммунодефицита человека), а также психической болезни, наркомании и токсикомании, то другой супруг (супруга) вправе обратиться в суд для признания брака недействительным». Если одно из лиц, вступивших в брак (супружество), скрыло от другого наличие у него болезни, создающей реальную опасность членам созданной семьи, личной и общественной безопасности, то в соответствии со ст. 25 Кодекса Республики Казахстан от 26 декабря 2011 года № 518-ІV «О браке (супружество) и семье» брак признается недействительным.

Как свидетельствует практика, наличие или отсутствие у одного из лиц, желающих вступить в брак, информации о заболеваниях, которыми страдает его избранник, может оказать решающее воздействие на принятие решения о регистрации заключения брака. Так, в Мозырский районный суд обратилась гражданка П. с исковым заявлением, в котором просила признать их брак с гражданином Э. недействительным. В исковом заявлении она пояснила, что через 4 месяца после заключения брака узнала, что ее муж болен туберкулезом и является инвалидом II группы. Эти обстоятельства при заключении брака были скрыты. Гражданка П. утверждала, что если бы знала о болезни жениха туберкулезом и наличии у него инвалидности, то своего согласия на вступление в брак не дала бы. В соответствии с действующим законодательством суд отказал в признании такого брака недействительным и посоветовал гражданке П. предъявить новый иск о расторжении брака [15, с. 162].

Полагаем, что сокрытие одним будущим супругом от другого подобной информации является обманом и должно влечь признание брака недействительным.

2. Еще одной мерой, направленной на укрепление брака, является установленный ст. 16 КоБС *минимальный срок для регистрации заключения брака* — не ранее чем через три дня со дня обращения. В литературе справедливо отмечается, что данный срок необходим для того, чтобы будущие супруги смогли окончательно убедиться в серьезности своих намерений заключить брак [16, с. 109]. В белорусской литературе высказывается критическое замечание о том, что трехдневного срока для обдумывания и принятия решения о заключении брака не достаточно [15, с. 165]. Отметим, что многие государства, действительно, предоставляют более продолжительное время «на размышление». Так, например, месячный срок установлен Семейным кодексом Российской Федерации (ст. 11), Семейным кодексом Украины (ст. 32), Семейным кодексом Азербайджанской Республики (ст. 9), Семейным кодексом Кыргызской Республики (ст. 12), Семейным кодексом Узбекистана (ст. 13). Высказывается в литературе и противоположное мнение. По мнению Л. А. Шигониной и С. А. Соломоновой-Комиссарчук, если будущим супругам для принятия «точного и взвешенного решения о заключении брака» нужно продолжительное время, то «стоит ли вообще заключать такой брак, в котором оба не уверены, такой брак впоследствии может привести к разводу и тем самым никак не улучшит ни институт брака, ни демографические показатели» [17, с. 6].

Полагаем, истину следует искать между двумя указанными позициями. Возможно, наиболее оптимальным является установленный ранее в КоБС пятнадцатидневный минимальный срок регистрации заключения брака.

Меры, применяемые в период существования брака. Несмотря на то, что законодательство Республики Беларусь не содержит требования об обязательном проживании супругов вместе, тем не менее следует признать, что именно совместное проживание супругов позволяет семье в полной мере выполнять свою социальную роль, создает оптимальные условия для надлежащего воспитания детей. Именно поэтому законодатель стремится всячески *стимулировать супругов именно к совместному проживанию*. Например, положениями ст. 96 Трудового кодекса Республики Беларусь предусмотрено, что работникам, переезжающим на работу в другую местность в связи с переводом, приемом в соответствии с предварительной договоренностью, выпускникам, которым место работы предоставлено путем распределения, выпускникам, направленным на работу, переезжающим в другую местность, возмещаются стоимость переезда не только самого работника, но и членов их семей (в том числе, супруга/супруги). На основании ст. 57 Жилищного кодекса Республики Беларусь наниматель жилого помещения государственного жилищного фонда (наниматель жилого помещения частного жилищного фонда, если займодателем является организация) вправе предоставить право владения и пользования занимаемым им жилым помещением своим супругу (супруге) без согласия наймодателя.

Меры, применение которых происходит в период расторжения брака.

1. *Дифференцированный размер государственной пошлины за расторжение первого и последующих браков в суде.* Так, в соответствии с подп. 2.1 и 2.2 приложения 13 к Особенной

части Налогового кодекса Республики Беларусь ставка налоговой пошлины за расторжение первого и последующих браков в суде составляют 4 и 8 базовых величин соответственно. При этом за регистрацию расторжения брака органами, регистрирующими акты гражданского состояния (в соответствии со ст. 35-1 КоБС, расторжение брака органами, регистрирующими акты гражданского состояния возможно по взаимному согласию супругов, не имеющих общих несовершеннолетних детей и спора об имуществе), супруги должны уплатить 4 базовые величины (независимо от количества расторгнутых каждым из них браков).

2. *Предоставление срока для принятия мер к примирению.* Согласно ч. 2 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2022 года № 7 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (Постановление), судам при рассмотрении дел о расторжении брака следует принимать меры, направленные на примирение супругов. С этой целью при приеме искового заявления о расторжении брака суд предоставляет супругам трехмесячный срок для принятия мер к примирению, а также разъясняет супругам право на добровольное урегулирование спора с участием медиатора (медиаторов), включая их право на участие в информационной встрече с медиатором (ч. 2 ст. 36 КоБС). Трехмесячный срок для принятия мер к примирению является обязательным, а разрешение вопроса о расторжении брака без его предоставления либо до его истечения по общему правилу не допускается и влечет отмену судебного решения как постановленного с нарушением норм материального права (ч. 2 п. 5 Постановления).

При рассмотрении искового заявления суд также должен принимать меры, направленные на сохранение семьи (ч. 5 ст. 36 КоБС). С этой целью при условии, что возможность примирения супругов окончательно не утрачена, суд по просьбе сторон или одной из них либо по собственной инициативе вправе отложить разбирательство дела о расторжении брака, предоставив супругам дополнительный срок для примирения в пределах шести месяцев. Отложение разбирательства дела для примирения супругов в пределах указанного срока может быть неоднократным. Брак расторгается судом только при условии, что в ходе судебного разбирательства будет установлена невозможность дальнейшей совместной жизни супругов и сохранения их семьи.

При расторжении брака в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, срок для принятия мер к примирению не предоставляется. Однако расторжение брака производится органом, регистрирующим акты гражданского состояния, в согласованный с супругами срок, но не ранее чем через месяц и не позднее чем через два месяца со дня подачи совместного заявления о расторжении брака (ч. 3 ст. 35-1 КоБС). Кроме того, при приеме заявления о расторжении брака супругам разъясняется их право на участие в информационной встрече с медиатором (ч. 2 ст. 35-1 КоБС). В указанных мерах усматриваются признаки «легально закрепленного механизма» [7, с. 49], затрудняющего расторжение брака между супругами, не имеющими общих несовершеннолетних детей и спора об имуществе.

Полагаем, что любые меры, затрудняющие для супругов расторжение брака, являются нарушением принципа свободного расторжения брака [18, с. 13] и едва ли служат цели укрепления брака. Направлять усилия на сохранение брака, которого фактически нет, бессмысленно. Согласимся с М. В. Андрияшко в том, что законодателю следовало бы сделать акцент не на сохранении распадающегося брака, а на «сохранении здоровых отношений между родителями-супругами, намеренными расторгнуть свой брак, и их детьми» [7, с. 50].

Заключение. 1. Несмотря на широкий спектр мер, предусмотренных законодательством Республики Беларусь и направленных на укрепление института брака, статистические данные свидетельствуют о высоких показателях расторжения браков. Указанное актуализирует необходимость теоретического осмысления содержания мер, предпринимаемых государством в целях укрепления института брака, и определения их эффективности.

2. Среди мер, направленных на укрепление института брака, можно выделить меры публично-правового характера, применяемые на стадии, предшествующей регистрации заключения брака, в период существования брака, в период расторжения брака.

3. Предлагаем дополнить ч. 4 ст. 14 КоБС следующего содержания: «Результаты медицинского обследования лица, вступающего в брак, составляют врачебную тайну и могут быть сообщены лицу, с которым оно намерено заключить брак, только с согласия лица, прошедшего обследование».

4. Предлагаем дополнить ч. 5 ст. 14 КоБС следующего содержания: «Если одно из лиц, вступающих в брак, скрыло от другого лица наличие венерической болезни или ВИЧ-инфекции, последнее вправе обратиться в суд с требованием о признании брака недействительным (ст. 45—49 настоящего Кодекса)». Соответственно, ч. 1 ст. 45 КоБС изложить в следующей редакции: «Брак признается недействительным при нарушении условий, установленных ст. 17—19, ч. 5 ст. 14 настоящего Кодекса, а также в случаях регистрации заключения брака без намерения создать семью (фиктивный брак)».

Работа выполнена при поддержке БРФФИ (грант № Г23ИП-003).

Список цитированных источников

1. Семейное право : учеб. пособие / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; под ред. Н. Л. Бондаренко. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2021. — 346 с.
2. Яцук, А. И. Влияние гендерной политики на семейные отношения / А. И. Яцук // Женщина, общество, образование : материалы междисциплинар. науч.-практ. конф., Минск, 19 дек. 2008 г. / Жен. ин-т «Энвила» ; редкол.: О. В. Шахаб [и др.]. — Минск, 2008. — С. 422—424.
3. Буттаева, М. Государственная семейная политика в свете взаимоотношений семьи и государства (социально-философский аспект) [Электронный ресурс] / М. Буттаева. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-semeynaya-politika-v-svete-vzaimootnosheniy-semi-i-gosudarstva-sotsialno-filosofskiy-aspekt/viewer>. — Дата доступа: 25.09.2023.
4. Яцук, А. И. Демографические процессы и безопасность государства / А. И. Яцук // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания в контексте обеспечения национальной безопасности : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13—14 апр. 2017 г. : в 4 ч. ; Воен. акад. Респ. Беларусь ; редкол.: В. А. Ксенофонтов (пред.) [и др.]. — Минск : Воен. акад. Респ. Беларусь, 2018. — Ч. 2. — С. 281—284.
5. Социальное государство и социальная политика : пособие / С. В. Лапина [и др.]. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. — 216 с.
6. Хачатрян, Л. А. Современный брак — результат эволюции семейно-брачных отношений / Л. А. Хачатрян // Вестн. Перм. ун-та. — 2011. — Вып. 1 (5). — С. 89—100.
7. Андрияшко, М. В. Правовые средства заботы государства о семье в Республике Беларусь в формах защиты семьи и укрепления брака / М. В. Андрияшко // Право: история и современность. — 2021. — № 1 (14). — С. 45—53.
8. Бошко, В. И. Очерки советского семейного права / В. И. Бошко. — Киев : Госполитиздат УССР, 1952. — 372 с.
9. Коллонтай, А. Социальные основы женского вопроса / А. Коллонтай. — СПб. : Знание, 1909. — 431 с.
10. Рудык, О. И. Институт брака по российскому законодательству 1917—1922 годов / О. И. Рудык // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. — 2010. — № 2. — С. 49—53.
11. Рабжаева, М. В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века / М. В. Рабжаева // Социол. исслед. — 2004. — № 6. — С. 89—97.
12. Вишневецкий, А. Страны СНГ переживают демографический кризис [Электронный ресурс] / А. Вишневецкий. — Режим доступа: <https://polit.ru/article/2005/04/13/demoscope197/>. — Дата доступа: 24.07.2023.
13. Число браков на 1000 человек населения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=128415>. — Дата доступа: 24.07.2023.
14. Число разводов на 1000 человек населения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=128417>. — Дата доступа: 24.07.2023.
15. Пенкрат, В. И. Условия заключения брака: некоторые проблемы и пути их решения / В. И. Пенкрат // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2017. — № 1. — С. 160—165.
16. Антокольская, М. В. Семейное право : учебник / М. В. Антокольская. — М. : Юристъ, 2004. — 333 с.
17. Шигонина, Л. А. Новации семейного законодательства и их влияние на институт брака: проблемы практики / Л. А. Шигонина, С. А. Соломонова-Комиссарчук // Науч. вестн. Крыма. — 2019. — № 1. — С. 1—10.
18. Семейное право : учеб. пособие / И. В. Данькова, Л. Ф. Лазутина. — Минск : РИВШ, 2020. — 324 с.

Поступила в редакцию 04.10.2023.

УДК 347.65/.68

А. А. Чучвал

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
пр-т Партизанский, 26, 220070 Минск, Республика Беларусь, +375 (44) 737 38 43,
angelina.tchuchval@yandex.by

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Автором в статье рассмотрены особенности наследования авторских прав несовершеннолетними и несовершеннолетними, а также проанализированы проблемные вопросы в указанной части и вопросы совершенствования законодательства данных правоотношений.

Ключевые слова: наследование; наследство; авторские права; несовершеннолетний; наследник.
Библиогр.: 10 назв.

A. A. Chuchval

Institution of Education “Belarusian State Economic University”,
26 Partizansky Ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (44) 737 38 43, angelina.tchuchval@yandex.by

SOME PECULIARITIES OF INHERITANCE OF COPYRIGHT OF MINORS AND BY MINORS

The author of the article considers peculiarities of inheritance of copyright of minors and by minors, and also analyses problematic issues in this part and issues of improving the legislation of these legal relations.

Key words: entry into inheritance; inheritance; copyright; minor; heir.
Ref.: 10 titles.

Введение. Правовому регулированию наследственных отношений посвящен раздел VI «Наследственное право» Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь), который содержит как общие положения о наследовании, так и нормы о наследовании отдельных видов имущества. Однако специальной регламентации перехода по наследству прав на объекты интеллектуальной собственности в данном разделе ГК Республики Беларусь не предусмотрено, в том числе не предусмотрена специальная регламентация вопросов наследования несовершеннолетними.

Вопросы наследования авторских прав несовершеннолетними обладают особенностями, так как наследование несовершеннолетними обладает рядом особенностей, наследование авторских прав также обладает рядом особенностей в силу специфики объекта наследования.

Методология и методы исследования. Общим вопросам наследования в целом, а также особенностям реализации наследственных прав несовершеннолетними в юридической литературе посвящались научные труды М. В. Телюкиной [1], О. В. Сушковой [2], С. С. Лосева [3], М. Ю. Барщевского [4], Т. Н. Пунько [5], К. Д. Кавелина [9] и др. Методологическую основу работы составили общие и частно-научные методы исследования: формально-юридический, сравнительного правоведения, комплексного исследования, системного анализа, аналогия и др. Указанные методы исследования позволили выявить особенности наследования авторских прав несовершеннолетних, а также иные проблемные вопросы по данной тематике.

Результаты исследования и их обсуждение. Право наследования гражданами, в том числе несовершеннолетними, гарантируется Конституцией Республики Беларусь.

В силу особого статуса несовершеннолетние подлежат защите, данный принцип заключен в Конвенции ООН «О правах ребенка» и получил дальнейшее развитие в различных национальных нормативных правовых актах.

В свою очередь, ГК Республики Беларусь разграничивает регулирование правового положения несовершеннолетних в возрасте до 14 лет и несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, таким образом, законодатель осознает и закрепляет различия между несовершеннолетними в зависимости от возраста. Согласно ст. 27 ГК Республики Беларусь, от имени несовершеннолетнего до 14 лет сделки, кроме указанных в п. 2 ст. 27 ГК Республики Беларусь (например, мелкие бытовые сделки), совершают их законные представители: родители, усыновители, опекуны. С 14 лет несовершеннолетний обладает большим объемом полномочий, однако не обладает полной дееспособностью.

При этом несовершеннолетние являются субъектом наследственных правоотношений, они могут быть как наследодателями, так и наследниками. Несовершеннолетние, как и иные физические лица, могут наследовать по двум основаниям: по завещанию и по закону. При этом при наследовании по закону дети являются наследниками первой очереди, внуки и их прямые потомки также вправе наследовать по праву представления в соответствии со ст. 1057 ГК Республики Беларусь.

Таким образом, наследственная правоспособность несовершеннолетнего может быть «активной и пассивной» [1, с. 17].

Законодатель защищает интересы несовершеннолетних, в том числе в рамках наследственных правоотношений. Так, если составлено завещание и в нем нет среди круга наследников несовершеннолетнего ребенка наследодателя, в таком случае несовершеннолетнему выделяется обязательная доля вне зависимости от содержания завещания. Таким образом, государством обеспечивается неизменное соблюдение прав несовершеннолетнего. При этом доля несовершеннолетнего в наследстве не может быть меньше половины той доли, которая бы причиталась ему при наследовании по закону.

Несовершеннолетний вправе принять или отказаться от наследства. Особенность наследования несовершеннолетними заключается в том, что принять наследство самостоятельно, по общему правилу, они не имеют право, так как не обладают полной дееспособностью. Интересы несовершеннолетнего наследника в возрасте до 14 лет при оформлении наследственных прав представляют законные представители: от его имени подают заявление нотариусу и получают свидетельство о праве на наследство и др. Несовершеннолетний наследник в возрасте от 14 до 18 лет действует самостоятельно, но с согласия своего законного представителя. Самостоятельно принять наследство могут несовершеннолетние, которые находятся в зарегистрированном браке или признаны эмансипированными в предусмотренном законодательством порядке. Признать полностью дееспособным несовершеннолетнего, достигшего 16 лет, могут органы опеки и попечительства, если он работает по трудовому договору или с согласия родителей занимается предпринимательской деятельностью. Согласие на это дают его законные представители, при его отсутствии решение принимает суд.

С определенными ограничениями действует для несовершеннолетних право отказа от наследства. Законные представители могут отказаться от наследства, причитающегося ребенку, только с письменного согласия органа опеки и попечительства. Дети в возрасте от 14 до 18 лет могут и сами отказаться от наследства, однако только с разрешения законных представителей и органа опеки и попечительства [7].

Как указывалось ранее, особенности наследования авторских прав, в том числе несовершеннолетними, обусловлены специфической природой объекта наследования. Дело в том, что объекты интеллектуальной деятельности обладают особой правовой природой и не могут переходить к правопреемникам автора в общем порядке наследования имущества.

Для определения особенностей наследования авторских прав необходимо определить, что представляет собой субъективное авторское право. По своей сути авторское право представляет собой комплекс отдельных правомочий, закрепленных за создателем объекта интеллектуальной собственности, который условно разделен на две группы: 1) личные неимущественные правомочия; 2) имущественные правомочия.

К числу личных неимущественных правомочий автора относятся: право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование, право на отзыв [8]. В подавляющем большинстве случаев неимущественные личные правомочия автора теснейшим образом переплетаются и сочетаются с его имущественным правомочием.

Если говорить о наследовании, то в порядке наследования переходят исключительные права, личные неимущественные права не наследуются, поскольку действие личных неимущественных прав прекращается смертью автора.

Необходимо отметить, что в теории гражданского права длительное время поднимался вопрос о возможности наследования личных неимущественных прав. Так, в юридической литературе общепринятым является мнение о том, что по наследству могут переходить только имущественные права, а к личным правам понятие наследства неприменимо — преемства в праве, которое является личным, быть не может [2, с. 33]. Однако ранее, до четкой регламентации данного вопроса в законодательстве, существовало и другое мнение, заключающееся в возможности перехода по наследству одних личных неимущественных прав и невозможности перехода других. В. И. Серебровский, ставя под сомнение разделение прав на имущественные и личные неимущественные, тем не менее указывал, что «вопрос о том, какие права автора относятся к личным неимущественным и какие к имущественным правам, является более чем спорным и неясным. Но, если даже руководствоваться этим делением, то все же это деление ввиду нерешенности проблемы передаваемости или непередаваемости личных неимущественных прав не сможет помочь в решении вопроса, какие из принадлежащих умершему прав переходят по наследству и какие не переходят» [9, с. 226].

В настоящее время ст. 15 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 года № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее — Закон) четко определен перечень личных неимущественных прав, а также регламентировано, что личные неимущественные права неотчуждаемы и непередаваемы. Соответственно, личные неимущественные права в состав наследства не включаются.

Таким образом, определив потенциальную возможность правопреемства в авторском праве, следует определиться, какими правомочиями и в каком объеме сможет пользоваться наследник, каков порядок наследования в различных ситуациях.

В состав наследства входят следующие права на объекты интеллектуальной собственности:

1. Исключительное право на произведение означает право автора или иного правообладателя использовать произведение по своему усмотрению в любой форме и любым способом. При этом автору или иному правообладателю принадлежит право разрешать или запрещать другим лицам использовать произведение.

В законодательстве отсутствуют особые указания основания наследования, по этой причине исключительное право может переходить к наследникам правообладателя по завещанию либо по закону.

Положения о переходе исключительных прав по наследству содержатся в ст. 42 Закона. Так, норма п. 1 ст. 42 Закона призвана определить юридическую судьбу исключительного права на произведение в случае смерти автора, являвшегося обладателем исключительного авторского права. Данная норма является конкретизацией нормы ст. 984 ГК Республики Беларусь, устанавливающей, что имущественные права, принадлежащие обладателю исключительных прав на объект интеллектуальной собственности, переходят по наследству.

Особенностью наследования исключительного авторского права является то, что они переходят наследникам автора на определенный период времени — срок охраны авторского права (смежных прав), по истечении которого эти права прекращаются.

В юридической литературе подчеркивается и такая особенность наследования авторского права, как его бездолевой характер. Распоряжение произведением наследодателя осуществляется всеми наследниками совместно и только по взаимному согласию. Взаимоотношения наследников в вопросах использования произведения аналогичны взаимоотношениям соавторов при нераздельном соавторстве, за тем исключением, что Закон не предусматривает механизма решения возникающих между ними споров. Указанное не относится к праву наследников на получение авторского вознаграждения, которое является долевым. Доли каждого из наследников определяются на основании завещания; при отсутствии завещания и специального соглашения между наследниками о размерах долей их доли определяются равными [8].

Наследники автора имеют право на получение авторского вознаграждения за каждый способ использования произведения. Размер выплачиваемого авторского вознаграждения за использование произведения не может быть ниже размера, установленного Советом Министров Республики Беларусь.

Таким образом, в случае наследования исключительных прав несовершеннолетним исключительными правами распоряжается в зависимости от возраста несовершеннолетнего его законный представитель или несовершеннолетний с согласия законного представителя, так как, на наш взгляд, действия по распоряжению исключительными правами, в том числе возможные сделки, нельзя отнести к сделкам, совершаемым несовершеннолетним самостоятельно. Однако несовершеннолетний, достигший 14 лет, вправе распоряжаться полученным авторским вознаграждением.

2. Право следования нельзя завещать отдельно по своему усмотрению, оно является неотчуждаемым и переходит только к наследникам автора на срок действия исключительного права. Содержание права следования раскрывается в п. 1 ст. 18 Закона, в соответствии с которым в каждом случае публичной перепродажи оригиналов произведений изобразительного искусства, оригиналов рукописей произведений писателей, композиторов и ученых (через аукцион, галерею изобразительного искусства, художественный салон, магазин и др.) наследники автора имеют право на получение от продавца отчислений в размере 5 % от цены перепродажи (право следования).

3. Право на получение вознаграждения за использование отдельных видов произведений в личных целях. Так, согласно п. 3 ст. 35 Закона, за осуществляемое воспроизведение аудиовизуальных произведений, произведений и исполнений, воплощенных в фонограммах, фонограмм лица, обладающие исключительными правами на такие произведения, исполнения, фонограммы (авторы, исполнители, производители фонограмм или иные правообладатели) вправе получать вознаграждение.

Процедура перехода имущественных прав автора его наследникам также имеет ряд особенностей. В Республике Беларусь действует принцип универсального наследственного правопреемства, в соответствии с которым не допускается частичное принятие или частичный отказ от наследства. По этой причине если наследственная масса не ограничивается только авторским правом, то вступление наследниками в фактическое владение имуществом автора будет означать и переход к наследникам имущественных авторских прав.

С точки зрения наследования нет необходимости в совершении наследником особого акта, выражающего его согласие и желание принять авторские права по наследству. Однако в случае, когда наследство состоит лишь из авторского права или авторское право завещано только одному из нескольких наследников, наследник должен получить нотариально заверенное свидетельство о праве на наследство, в котором в качестве наследуемого имущества будет указано авторское право. В случае, когда наследником является несовер-

шеннолетний, данные действия совершаются его законными представителями или с согласия законных представителей.

Однако на практике наследникам автора, вступившим в фактическое владение наследством, но не имеющим свидетельства о праве на наследство либо получившим свидетельство о праве на наследство без указания в составе наследственного имущества авторского права, труднее осуществлять свои права, поскольку любой потенциальный пользователь вправе усомниться в принадлежности им каких-либо имущественных авторских прав.

Согласно п. 141 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2006 года № 63, свидетельство о праве на наследство на авторские права выдается по представлению нотариусу произведения, созданного автором. Если произведение опубликовано анонимно или под псевдонимом, то для установления авторства нотариус истребует сведения об авторе от издателя, имя или наименование которого обозначено на произведении [10].

Пунктом 2 ст. 42 Закона установлено, что охрана личных неимущественных прав авторов после их смерти осуществляется их наследниками или исполнителями завещания, а при их отсутствии — уполномоченным республиканским органом государственного управления.

Законодатель использует термин «охрана», который означает возможность использования предусмотренных законодательством способов защиты личных неимущественных прав умершего автора в случае посягательства со стороны третьих лиц. При этом защита личных неимущественных прав умершего автора для указанных лиц является правом, а не обязанностью.

Правомочия наследников и исполнителей завещания сроками не ограничиваются. Однако при этом следует обратить внимание на то, что законодатель не допускает дальнейшей передачи полномочий по защите личных неимущественных прав умершего автора (исполнителя), в связи с чем охрана личных неимущественных прав ограничивается сроком жизни наследника (исполнителя завещания) [8].

Закон также не уточняет, должны ли наследники и (или) исполнители завещания осуществлять защиту личных неимущественных прав умершего автора совместно либо каждый из них обладает правом самостоятельно обращаться в суд за защитой нарушаемых личных неимущественных прав. Если исходить из того, что предметом защиты является охраняемый общественный интерес, более обоснованным представляется признание права на обращение за защитой за каждым из наследников и исполнителей завещания в отдельности.

Также необходимо отметить, что несовершеннолетние в силу отсутствия полной дееспособности не могут самостоятельно реализовать указанное право в полной мере, а только лишь с помощью законных представителей.

Таким образом, в случае наследования авторских прав несовершеннолетними особенность заключается в том, что все полномочия по распоряжению исключительными правами, а также в случае необходимости по защите авторских прав реализуются через законных представителей или с их согласия.

Необходимо обратить внимание на то, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законодательством результата своей интеллектуальной деятельности. Законодательством не конкретизировано, распространяется ли указанное правомочие на авторские права, полученные по наследству. Исходя из прямого толкования формулировки «результата своей интеллектуальной деятельности», полагаем, что нет, так как в случае наследования приобретаемые несовершеннолетним права не являются результатами интеллектуальной деятельности самого несовершеннолетнего. При этом правоприменительная практика в настоящее время не даёт ответа на поставленный вопрос.

Одновременно отметим, что несовершеннолетние могут быть авторами объектов интеллектуальной собственности (например, картины, литературного произведения и т. п.). Однако в соответствии с действующим законодательством у несовершеннолетних полностью

отсутствует, выражаясь термином, применяемым в римском праве, «активная завещательная правоспособность», т. е. возможность завещать принадлежащее ему имущество, в том числе авторские права.

В доктрине в отношении возможности совершать завещания ограниченно дееспособными не сформировалось единообразного подхода. Так, М. Ю. Барщевский предлагает предоставить несовершеннолетним право завещать денежные средства и имущество, источником накопления которых являются его личные заработок и стипендия, а также гонорары автора изобретения или рационализаторского предложения либо иные авторские вознаграждения [4, с. 65]. Вместе с тем, по мнению М. Ю. Барщевского, в отношении имущества и денежных средств, полученных иным путем (наследование, дар и т. п.), несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет не должны обладать правом составлять завещательные распоряжения. Т. Н. Пунько отмечает, что такое решение способствовало бы дальнейшему расширению свободы завещания, однако на практике это вызвало бы серьезные затруднения [5, с. 45]. С другой точки зрения вызывает некоторые сомнения сама необходимость расширения завещательной правоспособности несовершеннолетних. Так, в силу своего возраста, эмоционально-психологической и материальной зависимости наиболее тесную связь они сохраняют со своей семьей, где самыми близкими, конечно, являются родители (усыновители), а в их отсутствие — другие близкие родственники, например, бабушка и дед. Именно эти лица и являются наследниками по закону ближайших очередей. В силу строго личного характера завещания совершить его может только полностью дееспособный гражданин. Это значит, что лица, ограниченно дееспособные, не вправе совершать завещание [6, с. 45].

Однако в законодательствах разных государств подход к данному вопросу различен. Интересным представляется подход французского законодателя. Гражданский кодекс Франции предусматривает наследование по закону и по завещанию. Согласно ст. 902 Гражданского кодекса Франции все лица имеют право отчуждать и получать имущество как на основании договора дарения, так и завещания, за исключением тех, кого закон объявляет лишенным этой юридической способности. Несовершеннолетний, не достигший 16 лет, не вправе распоряжаться имуществом ни при каких условиях. Таким образом, устанавливается возможность совершать завещание с 16 лет.

Однако для данного права несовершеннолетнего, достигшего 16 лет, есть ограничения:

- 1) несовершеннолетний, достигший шестнадцатилетнего возраста и не объявленный полностью дееспособным, вправе распоряжаться имуществом лишь путем завещания и лишь в пределах половины того имущества, которым закон позволяет распоряжаться совершеннолетнему;
- 2) несовершеннолетний, в том числе и достигший шестнадцатилетнего возраста, не вправе распорядиться имуществом в пользу своего опекуна даже путем завещания;
- 3) несовершеннолетний, достигший совершеннолетия или объявленный полностью дееспособным, не вправе распорядиться имуществом в пользу того, кто был его опекуном, если окончательный отчет об опеке не был предварительно представлен и проверен.

Схожий подход отражен в немецком законодательстве. Так, в Германском гражданском уложении установлено, что способность распоряжаться путем завещания (притом всем своим имуществом) возникает у несовершеннолетнего по достижении им 16 лет.

Нетривиальным является подход английского законодателя к данному вопросу. В Англии военнослужащие и моряки могут составлять завещания по достижении ими 14 лет.

Всеобщее гражданское уложение Австрии предусматривает право несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет объявить свою завещательную волю в присутствии нотариуса или перед судом.

Заключение. Особенность наследования авторских прав несовершеннолетними заключается в том, что все полномочия по распоряжению исключительными правами, а также

в случае необходимости по защите авторских прав реализуются им через законных представителей или с их согласия.

Законодательством не конкретизировано, распространяется ли правомочие несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет на осуществление прав автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законодательством результата интеллектуальной деятельности на авторские права, полученные несовершеннолетним по наследству. Полагаем, данный вопрос требует дополнительного разъяснения и закрепления в нормативных правовых актах.

Приемлемым представляется допустить, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет могут составлять завещание в отношении своих объектов интеллектуальной собственности. При этом нет серьезных причин опасаться того, что лицо в возрасте 14 лет может принять весьма непродуманное решение о составлении завещания, в том числе во вред самому себе. В ГК Республики Беларусь имеется достаточно эффективный механизм, позволяющий законному представителю несовершеннолетнего поставить вопрос об ограничении его права самостоятельно распоряжаться своими доходами и тем самым предотвратить возможность составления завещания вопреки имущественным интересам несовершеннолетнего.

Список цитированных источников

1. Телюкина, М. В. Некоторые аспекты участия ребенка в отношениях наследственного преемства / М. В. Телюкина // Правовая парадигма. — 2017. — Т. 16, № 1. — С. 17—20.
2. Сушкова, О. В. Личные неимущественные права на результаты интеллектуальной деятельности в составе наследства // Наследственное право. — 2019. — № 4. — С. 32—36.
3. Лосев, С. С. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь от «Об авторском праве и смежных правах» [по состоянию на 18.04.2013 г.] [Электронный ресурс] / С. С. Лосев // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
4. Барщевский, М. Ю. Наследственное право : учеб. пособие для студентов и преподавателей юрид. вузов, практикующих юристов и всех граждан России / М. Ю. Барщевский. — М. : Белые альвы, 1996. — 182 с.
5. Пунько, Т. Н. Правовое регулирование отношений наследования по завещанию : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. Н. Пунько. — Минск, 2006. — 116 л.
6. Кавелин, К. Д. Избранные произведения по гражданскому праву / К. Д. Кавелин. — М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. — 722 с.
7. Клинецвич, Т. Особенности наследования авторских прав [Электронный ресурс] / Т. Клинецвич. — Режим доступа: <https://belnotary.by/novosti/notarialnaya-praktika/tina-klintsevich/osobennosti-nasledovaniya-avtorskikh-prav> . — Дата доступа: 03.09.2023.
8. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2023 г. // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
9. Серебровский, В. И. Вопросы советского авторского права / В. И. Серебровский. — М. : Изд-во АН СССР, 1956. — 283 с.
10. Инструкция о порядке совершения нотариальных действий [Электронный ресурс] : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 23 окт. 2006 г., № 63 : в ред. постановления М-ва юстиции Респ. Беларусь от 26.01.2015 г. // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

Поступила в редакцию 22.09.2023.

УДК 349.22

И. В. Шоломицкая

Общество с ограниченной ответственностью «Дейлорент», ул. Железнодорожная, 33А, офис 402/1,
220089 Минск, Республика Беларусь, + 375 (29) 797 40 22, irina.sholomickaya@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ДИСТАНЦИОННЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДЕФЕКТЫ ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье выделено понятие дистанционных трудовых отношений. Исследование дистанционной работы с точки зрения правоотношений позволило автору изучить уникальные особенности данного феномена, а также выявить некоторые области, где трудовые отношения в области дистанционной работы развиваются стремительнее, нежели современный уровень развития трудового законодательства. В связи с этим автором были разработаны предложения по внесению изменений в Трудовой кодекс Республики Беларусь.

Ключевые слова: дистанционная работа; дистанционный работник; дистанционные трудовые отношения; наниматель; правоотношения.

Библиогр.: 9 назв.

I. V. Sholomitskaya

Limited Liability Company "Daylorent",
33A Zheleznodorozhnaya Str., office 402/1, 220089 Minsk, the Republic of Belarus,
+ 375 (29) 797 40 22, irina.sholomickaya@bk.ru

FEATURES OF REMOTE LABOR RELATIONS AND DEFECTS OF THEIR LEGAL REGULATION

The article highlights the concept of remote labor relations. The research of remote work from the point of view of legal relations allowed the author to study the unique features of the phenomenon and to identify some areas where labor relations in the field of remote work are developing more rapidly than the current level of development of labor legislation. In this connection, the author has developed proposals for amendments to the Labor Code of the Republic of Belarus.

Key words: remote work; remote worker; remote labor relations; employer; legal relations.

Ref.: 9 titles.

Введение. Становление феномена дистанционной работы относится к сравнительно новым экономическим явлениям, а его понятие — к новым правовым категориям. В научной юридической литературе вопросами дистанционной занятости занимались Е. А. Браун, Ю. В. Васильева, В. Л. Иноземцев, А. М. Куренной, Н. Л. Лютов, К. Л. Томашевский, Е. В. Чичина и многие другие авторы.

В связи с принятием Закона Республики Беларусь от 29 июня 2023 года № 273-З «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» [1], вносящего изменения в Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее — ТК Республики Беларусь) [2], дистанционная работа в Республике Беларусь подразделяется на:

- постоянную;
- временную (осуществляемую непрерывно в течение определенного срока, не превышающего шести месяцев в течение календарного года);
- комбинированную (выполняется постоянно или временно с чередованием в течение рабочего времени дистанционной работы и работы по месту нахождения нанимателя) [2].

Сама же специфика дистанционной работы позволяет выделить новое понятие дистанционных трудовых отношений и изучить его особенности. Дистанционные трудовые отно-

шения в Республике Беларусь только проходят стадию своего формирования. В связи с этим выделение дефектов правового регулирования дистанционных трудовых отношений позволяет определить основные направления совершенствования трудового законодательства в исследуемой области.

Методология и методы исследования. Необходимо отметить важность и необходимость комплексного междисциплинарного подхода в изучении феномена дистанционной работы, включающего в себя методы таких областей знания, как экономика, психология, информационные технологии, футурология и, конечно же, право. Используя формально-юридический метод, представляется возможным изучить феномен дистанционной работы с позиции трудовых правоотношений и выявить его уникальные особенности. Также в ходе исследования применялись формально-логический (анализ и синтез исследуемого материала) и диалектический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Дистанционные трудовые отношения — это урегулированные трудовым законодательством отношения, основанные на заключенном трудовом договоре, при котором работа осуществляется вне места нахождения нанимателя с использованием работником для ее выполнения и взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) [3, с. 641].

Выделим основные особенности дистанционных трудовых отношений.

Во-первых, дистанционные трудовые отношения, возникая в результате эволюции традиционных трудовых отношений под воздействием развития ИКТ и цифровизации общества, могут трансформироваться в классическое трудовое правоотношение или сочетаться с ним, представляя собой новую эволюционную форму труда.

Во-вторых, дистанционные трудовые отношения из-за присущей им в силу своей специфики гибкости договорного регулирования очень часто уходят в теневой сектор экономики или подменяются гражданско-правовыми отношениями. Это требует от государства выработки четкого механизма правового регулирования в целях повышенной защиты прав работников, выполняющих дистанционную работу.

В-третьих, современные трудовые отношения в области дистанционной работы развиваются очень стремительно и зачастую оказываются сложнее и многограннее, нежели современный уровень развития трудового законодательства, за счет включения в состав дистанционных трудовых отношений иностранного элемента. Этому процессу способствует цифровизация, трансформация рынка труда в мировой масштаб и сопутствующий рост виртуальной трудовой миграции. Иностраный элемент в дистанционных трудовых отношениях может проявиться в субъектном составе, объекте правоотношения, юридических фактах [4, с. 158].

В связи с этим перед законодательством стоит актуальная задача по упорядочиванию трудовых правоотношений в области дистанционной работы, осложненной иностранным элементом.

В-четвертых, при дистанционной работе стороны трудовых правоотношений приобретают большую свободу в регламентации их формата.

Содержание гл. 25¹ ТК Республики Беларусь позволяет работнику и нанимателю на локальном уровне самостоятельно согласовывать достаточно много существенных условий трудового договора (порядок и частоту взаимодействия между сторонами, порядок и сроки выплаты работнику компенсаций за выполнение дистанционной работы, вопросы организации рабочего места, режим рабочего времени и времени отдыха, вопросы охраны труда и т. д.).

В связи с тем, что формат дистанционной работы предполагает большую свободу в саморегулировании дистанционного работника и несколько усекает круг обязанностей нанимателя, у государства, как у субъекта, определяющего и регулирующего трудовые отношения, возникает объективная необходимость повышенного контроля соблюдения и реали-

зации прав и законных интересов дистанционных работников и недопущения злоупотреблений со стороны нанимателей.

В-пятых, в дистанционных трудовых отношениях результат выполнения работы приобретает большее значение, чем распределение трудовой функции во времени, тем самым институт рабочего времени претерпевает свои закономерные изменения.

Использование ИКТ позволяет работникам самостоятельно распределять рабочее время в течение какого-либо периода. Критерием надлежащего выполнения дистанционным работником своих должностных обязанностей является не столько выполнение им своей трудовой функции в течение конкретного промежутка времени, сколько качественное и своевременное выполнение им конкретных заданий нанимателя, т. е. своеобразный результат его трудовой деятельности. Фактически, в дистанционных трудовых отношениях «результат труда» становится важнее «процесса труда».

В-шестых, в дистанционных трудовых отношениях претерпевает трансформацию организационный признак трудовых отношений.

Отсутствие у дистанционного работника стационарного рабочего места и отсутствие в гл. 25¹ ТК Республики Беларусь обязанности нанимателя по обеспечению такого работника всем необходимым оборудованием и средствами для выполнения дистанционной работы, а также усечение законодателем круга обязанностей нанимателя в сфере охраны труда позволяют сделать вывод, что в дистанционных трудовых отношениях по соглашению сторон организация рабочего места может быть возложена как на нанимателя, так и на работника. Это приводит к закономерной трансформации одного из трех ключевых признаков трудового отношения — организационного, что может служить источником злоупотреблений со стороны нанимателя по переключиванию своей классической обязанности по организации труда на самого работника, выполняющего дистанционную работу, без выплаты соответствующего размера компенсаций.

В целях выравнивания в правах дистанционных работников с иными категориями работников на право получения предусмотренных в ТК Республики Беларусь компенсаций представляется возможным включить в гл. 25¹ ТК Республики Беларусь положения, регламентирующего обязанность нанимателя по соглашению сторон либо бесплатно предоставить работнику, выполняющему дистанционную работу, необходимое для работы оборудование либо выплатить работнику соответствующую соразмерную компенсацию в случае использования дистанционным работником собственного или арендованного оборудования.

Также представлением возможным возложение на нанимателя законодательно закрепленной в ст. 29¹ ТК Республики Беларусь обязанности по компенсации работнику расходов на приобретение электронной цифровой подписи для юридического взаимодействия с нанимателем в дистанционном формате.

В-седьмых, в дистанционных трудовых отношениях возникает «парадокс контроля» дистанционного работника со стороны нанимателя, который заключается в том, что работник, с одной стороны, обладает большей степенью свободы и самостоятельности, в виду того, что находится в некоторой степени «вне контроля» нанимателя, с другой — зачастую получает еще больший объем контроля со стороны нанимателя, который экстраполируется на частную жизнь работника. Из этого вытекает целый ряд проблем, заслуживающих отдельного рассмотрения, таких как регламентация использования технических средств контроля за работником, соблюдение неприкосновенности его частной жизни и т. д. [5, с. 83].

В-восьмых, в дистанционных трудовых отношениях становится как нельзя актуальной проблема стирания граней между профессиональной и частной жизнью дистанционного работника.

Эксперты Международной организации труда уже более 10 лет обращают внимание на то, что современный работник, даже находясь вне работы, используя свое конституционное право на отдых, все равно постоянно находится на связи с нанимателем (получая от него

задания по электронной почте и т. д.). При этом время отдыха теряет свое назначение, а работник продолжает осуществлять свои трудовые обязанности и вне рабочего места. Таким образом, фактическое рабочее время увеличивается до невероятных размеров [6, с. 125].

В отношении дистанционной работы эта проблема становится еще более актуальной. Поэтому перед законодательством стоит задача в четкой правовой регламентации вопросов учета рабочего времени и времени отдыха дистанционных работников и недопущения злоупотреблений со стороны нанимателей.

Рассмотрим наиболее важные особенности содержания трудового договора как основного юридического факта возникновения, изменения и прекращения дистанционных трудовых отношений. *Существенными условиями* трудового договора о дистанционной работе являются условия о выполняемой трудовой функции, оплате труда, использовании для выполнения работы ИКТ.

Сама специфика дистанционной работы требует переосмысления понятия рабочего места работника и необходимости его фиксации в трудовом договоре. С одной стороны, рабочее место у дистанционного работника отсутствует и, ввиду того, что оно фактически может находиться в любой точке земного шара, то его закрепление в трудовом договоре теряет всякий смысл. С другой стороны, ТК Республики Беларусь содержит в себе ряд дополнительных прав и гарантий для лиц, проживающих на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС. В частности, такой работник имеет право на повышенную оплату труда (ст. 62 ТК Республики Беларусь), сокращенную продолжительность рабочего времени до 35 часов в неделю (ст. 114 ТК Республики Беларусь) и 7 часов в день (ст. 115 ТК Республики Беларусь), его отпуск имеет большую продолжительность и не могут быть заменены денежной компенсацией (ст. 161 ТК Республики Беларусь). Женщинам, постоянно (преимущественно) проживающим и (или) работающим на территории радиоактивного загрязнения, предоставляется удлиненный отпуск по беременности и родам (ст. 184 ТК Республики Беларусь).

Для реализации полного объема этих трудовых гарантий дистанционным работником, постоянно или преимущественно проживающим на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, представляется необходимым включение в трудовой договор о дистанционной работе условия, что работник будет выполнять ее на этой территории.

Место осуществления дистанционной работы приобретает также важность в контексте решения вопроса о необходимости направления дистанционных работников в служебные командировки. Служебной командировкой признается поездка работника по распоряжению нанимателя на определенный срок в другую местность для выполнения служебного задания вне места его постоянной работы, кроме поездок в пределах населенного пункта, где располагается наниматель (ст. 91 ТК Республики Беларусь).

Исходя из условий ст. 3071 ТК Республики Беларусь о том, что на работников, выполняющих дистанционную работу, распространяется законодательство о труде, а сама гл. 251 ТК не содержит соответствующих особенностей и изъятий, то логично предположить, что на дистанционных работников распространяются все положения законодательства о направлении в служебные командировки, в том числе право на предусмотренные законодательством в связи с этим гарантии и компенсации.

В связи с этим возникает ряд вопросов о том, как определить место постоянной работы дистанционного работника, если оно не прописано в трудовом договоре. Также возникает вопрос о правомерности направления работника, выполняющего дистанционную работу, в поездки по рабочим вопросам в пределах населенного пункта расположения нанимателя, если сам работник находится за пределами такого населенного пункта. Будут ли являться служебными поездки дистанционного работника, находящегося на значительном удалении

от места нахождения нанимателя, к самому нанимателю по рабочим вопросам, не связанным с заключением, изменением и расторжением трудового договора?

Правовое решение этих вопросов в части компенсации работнику понесенных расходов и предусмотренных законодательством гарантий видится в фиксации в трудовом договоре преимущественного места (населенного пункта) осуществления дистанционной работы и индивидуально-правового регулирования этих вопросов в локальных правовых актах нанимателя.

Наибольший интерес в контексте дистанционной работы вызывают *отношения, связанные с социальным представительством дистанционных работников, ведением коллективных переговоров, и взаимоотношения между работниками (их представителями) и нанимателями*. Данные группы правоотношений направлены на обеспечение благоприятных условий труда работников и стабильности их трудовых отношений.

На основании ст. 354 ТК Республики Беларусь, а также поскольку в настоящее время отсутствует акт, который бы регулировал деятельность иных представительных органов работников в рамках социально-партнерских отношений, то на практике единственным полномочным представителем работников является профсоюз. Об ином, непрофсоюзном, представительстве речь может идти только на уровне организации, поскольку в ст. 359 ТК Республики Беларусь в качестве сторон соглашений всех уровней названы профсоюзы и их объединения [7, с. 633—634].

Как отмечают Ю. В. Васильева и С. В. Шуралева, с появлением нетипичных форм занятости, в особенности дистанционной работы, размываются традиционные представления о трудовом коллективе, появляется проблема реализации дистанционными работниками коллективных трудовых прав. При этом институт трудовых коллективов потребует в условиях дистанционной занятости комплексных исследований на стыке социологии, психологии, менеджмента, а также трудового права [8, с. 103—104].

По причине социальной трудовой разобщенности дистанционные работники могут не образовать коллектив или же фактически быть исключенными из участия в социальной жизни коллектива, что, в свою очередь, повлечет отсутствие вовлечения дистанционных работников в профсоюзное движение. Специальные исследования о степени вовлеченности работников, выполняющих дистанционную работу, в профсоюзное движение Республики Беларусь в настоящее время отсутствуют. Однако можно предположить, что она не является высокой. К. В. Нуштайкина отмечает также «низкую активность самих профсоюзов. Что касается дистанционных работников, то их объединение в профсоюзы еще более затруднительно, но в целях реализации своих социально-трудовых прав, им необходимо проявить социальную активность и не просто принять участие в управлении, а стать заинтересованным «соуправителем», т. е. перейти от «соучастия в управлении» к самоуправлению» [9, с. 154].

Представляется возможным согласиться с автором в том, что с учетом специфики дистанционного труда необходимо предложить работникам альтернативный представительный орган, который будет действительно интересен дистанционным работникам, мобилен и эффективен, а именно — общее собрание (конференцию) работников. Небезынтересным выглядит предложение автора в качестве способа участия в заседаниях общего собрания (конференции) работников дистанционных работников на расстоянии посредством ИКТ [9, с. 155].

Поскольку ст. 354 ТК Республики Беларусь не запрещает создание альтернативных профсоюзам представительных органов работников, а ст. 389 ТК Республики Беларусь прямо называет собрание или конференцию работников органом принятия решения о проведении забастовки, то в целях закрепления правового статуса общего собрания (конференции) работников организации представляется возможным внести соответствующие изменения в гл. 33 ТК Республики Беларусь и закрепить на законодательном уровне право дистанционных работников участвовать в реализации своих коллективных трудовых прав посредством ИКТ.

На наш взгляд, дистанционная форма работы также может выступать своеобразной дополнительной гарантией для лиц, совмещающих работу с обучением, поскольку создаст условия, способствующие не только эффективному освоению работниками учебных программ без непосредственного отрыва от производства, но и обеспечению отраслей экономики профессиональными кадрами требуемого уровня квалификации, обеспечению занятости на уровне государства в целом. В целях совершенствования трудового законодательства предлагается дополнить гл. 15 ТК Республики Беларусь «Совмещение работы с получением образования» рядом гарантий для лиц, совмещающих работу с получением образования, позволяющих при наличии технической возможности и их желания переводить данные категории работников на дистанционную работу.

Заключение. В целях эффективного правоприменения норм трудового законодательства, касающегося коллективно-договорного регулирования в отношении дистанционных работников, представляется возможным закрепить на законодательном уровне права дистанционных работников участвовать в реализации своих коллективных трудовых прав посредством ИКТ. В целях закрепления правового статуса общего собрания (конференции) работников организации представляется возможным внести соответствующие изменения в гл. 33 ТК Республики Беларусь «Общие положения о социальном партнерстве».

Для защиты прав дистанционных работников от злоупотреблений со стороны нанимателей в части выплаты им предусмотренных законодательством компенсаций предлагается дополнить часть вторую ст. 307² ТК Республики Беларусь словами следующего содержания:

«В случае использования работниками, выполняющими дистанционную работу, принадлежащих им либо арендованных ими оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и иных средств, связанных с выполнением дистанционной работы, наниматель выплачивает работнику, выполняющему дистанционную работу, компенсацию за их использование.»

С этой же целью предлагается дополнить ст. 29¹ ТК Республики Беларусь частью второй следующего содержания:

«В случаях, указанных в части первой настоящей статьи, наниматель возмещает работнику расходы, связанные с использованием работником аналогов собственноручной подписи.»

В целях реализации конституционного права на образование, а также снижения количества трудовых конфликтов, связанных со злоупотреблениями со стороны нанимателей в отношении работников, совмещающих работу с обучением, предлагается дополнить ст. 205¹ ТК Республики Беларусь следующего содержания:

«Для работников, совмещающих работу с получением образования, по их желанию может быть установлена дистанционная работа при наличии технической возможности со стороны нанимателя.»

Список цитированных источников

1. Об изменении законов по вопросам трудовых отношений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 29 июня 2023 г. № 273-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.06.2023 г. № 273-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
3. Шоломицкая, И. В. Проблемные вопросы правового регулирования дистанционных трудовых отношений / И. В. Шоломицкая // Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та. — Минск : БГЭУ, 2022. — Вып. 15. — С. 640—646.

4. *Шуралева, С. В.* Регулирование дистанционной работы с иностранным элементом в эпоху глобализации: взгляд с позиций трудового права России / С. В. Шуралева // *Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки.* — 2014. — № 3. — С. 156—163.
5. *Мжаванадзе, Э. А.* Контроль дистанционного работника: постановка вопроса / Э. А. Мжаванадзе // *Право и госуд.: теория и практика.* — 2016. — № 1. — С. 82—85.
6. *Шония, Г. В.* Трудовые отношения во Франции: вопросы цифровизации / Г. В. Шония // *Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА).* — 2019. — № 11. — С. 123—131.
7. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь : в 2 т. / Е. А. Волк [и др.] ; под. общ. ред. Л. И. Липень. — Минск : Амалфея, 2020. — Т. 2. — С. 627—637.
8. *Васильева, Ю. В.* Дистанционная работа в России: проблемы правового регулирования / Ю. В. Васильева, С. В. Шуралева // *Вестн. Рос. фонда фундам. исслед. гуманитар. и обществ. наук.* — 2017. — № 4. — С. 96—107.
9. *Нуштайкина, К. В.* Реализация права работников на социальное партнёрство в условиях дистанционного труда / К. В. Нуштайкина // *Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки.* — 2013. — № 3. — С. 154—155.

Поступила в редакцию 26.10.2023.

УДК (341.1)(349.22)

А. В. Ясинская-Казаченко, кандидат юридических наук, доцент
Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
220070 Минск, Республика Беларусь, пр-т Партизанский, 26, +375 (29) 158 35 46, Angelina_jas@mail.ru

ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТРУДОВОГО СПОРА И КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ: ЧАСТНЫЕ И ПУБЛИЧНЫЕ НАЧАЛА

В статье исследуются вопросы соотношения трудовых споров и конфликтов интересов законодательства о труде и положений о государственной гражданской службе. Представлены основные позиции о включении или невключении служебных отношений в предмет трудового права, исходя из этого воспроизводится вывод о том, что договоры (контракты) о труде (службе) с государственными гражданскими служащими являются особыми классами трудовых договоров, а прохождение государственной службы находится как бы в состоянии раздвоения, разветвления, разделения на части (бифуркация). Данная статья содержит дискуссию о том, можно ли признать оправданным возникновение трудовых споров (конфликтов) в служебных отношениях, затрагивающих частные и публичные интересы, в связи с этим анализируются общие черты, принципы, присущие трудовым спорам и конфликтам интересов, выявляются их различия по субъектному составу, содержанию, способам разрешения. В заключении автор приходит к выводу о возможности объединения трудовых споров и конфликтов интересов в едином определении понятия «трудовые споры (конфликты)» с разделением их на трудовые споры (конфликты) отдельных категорий работников и трудовые споры работников гражданской службы.

Ключевые слова: трудовой спор; конфликт интересов; трудовой спор (конфликт) в служебных отношениях; частный и публичный интерес.

Библиогр.: 19 назв.

A. V. Yasinskaya-Kazachenko, PhD in Law, Associate Professor
Institution of Education “Belarusian State Economic University”, 26 Partizansky Ave.,
220070 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 158 35 46, Angelina_jas@mail.ru

UNITY AND DIFFERENTIATION OF LABOR DISPUTES AND CONFLICTS OF INTEREST: PRIVATE AND PUBLIC BEGINNINGS

The article examines the correlation between labor disputes and conflicts of interest in labor legislation and civil service regulations. The main positions on the inclusion or non-inclusion of official relations in the subject of labor law are presented, based on this, the conclusion that agreements (contracts) on labor (service) with state civil servants are special classes of labor contracts is reproduced, and public service experience is, as it were, in a state of bifurcation, branching, division into parts (bifurcation). This article contains a discussion on whether the occurrence of labor disputes (conflicts) in official relations affecting private and public interests can be considered justified, in this regard, the common features, principles inherent in labor disputes and conflicts of interest are analyzed, their differences in subject composition, content, and methods of resolution are revealed. The author comes to the conclusion about the possibility of combining labor disputes and conflicts of interest in a single concept “labor disputes (conflicts)”, subdividing them into labor disputes (conflicts) of certain categories of employees and labor disputes of civil service employees.

Key words: labor dispute; conflict of interests; unity and struggle; labor dispute (conflict) in official relations; private and public interest.

Ref.: 19 titles.

Введение. Задачей исследования является попытка проанализировать соотношение *трудовых споров и конфликтов интересов*, что предполагает выявление их общих черт, особенностей и характера взаимодействия. Трудовые споры — явление и понятие в трудовом праве давно известное и изучаемое многими авторами в различных аспектах [1; 2]. Трудовой

спор имеет как минимум два вида толкования: отношения по поводу разногласий и сами разногласия. Первое значение является скорее доктринальным и описывает трудовой спор как взаимодействие сторон. Второе значение отражает суть таких легальных понятий, как «спор, возникающий из трудовых отношений» и «трудовой спор о праве» [3, с. 31].

Термин «конфликт интересов» как специальная юридическая категория, закрепленная в нормативных правовых актах, появился относительно недавно и прежде всего в законодательстве, устанавливающем основы государственной политики в сфере борьбы с коррупцией в рамках прохождения различного рода службы.

Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» (Закон № 305-3) [4] содержит определение понятия конфликта интересов. Конфликт интересов — ситуация, при которой личные интересы государственного должностного лица, его супруга (супруги), близких родственников или свойственников влияют или могут повлиять на надлежащее исполнение государственным должностным лицом своих служебных (трудовых) обязанностей при принятии им решения или участия в принятии решения либо совершении других действий по службе (работе).

Исследование теоретических и методических вопросов разрешения трудовых споров и управления конфликтом интересов, выбор элементов механизма разрешения и управления на базе упреждающего подхода соответствуют общим тенденциям смещения приоритетов в государственной службе в направлении применения этических регуляторов и положений, что представляется актуальным как для теории, так и практики государственного управления.

Материалы и методы исследования. Современные научные представления о государственном управлении, а также научные труды и разработки отечественных и зарубежных ученых по методологическим, теоретическим и прикладным проблемам управления трудовым спором и конфликтом интересов на государственной службе были положены в основу статьи. Также в основу исследования положен понятийный аппарат, разработанный в рамках законодательства о труде и государственной гражданской службе. В процессе разработки использованы методы структурно-функционального, типологического, сравнительно-исторического, а также методология системного анализа и синтеза.

Результаты исследования и их обсуждение. В научной литературе отмечается, что под конфликтом интересов следует понимать «конфликт между должностными обязанностями и личными интересами государственного гражданского служащего, при котором его личные интересы способны повлиять на выполнение им служебных обязанностей, вследствие чего возможно наступление негативных последствий в виде нанесения ущерба интересам граждан, организаций, общества...» [5, с. 12—13]. В предложенном определении нами поддерживается точка зрения о том, что термин «должностные обязанности» отражает функциональное назначение государственной службы, т. е. реализации общественного интереса.

Непредставление государственным должностным лицом уведомления о возникшем конфликте интересов или возможности его возникновения, если ему было известно о возникновении конфликта интересов или возможности его возникновения, является основанием для отказа в назначении государственного служащего на другую государственную должность либо для привлечения его к дисциплинарной ответственности вплоть до освобождения от занимаемой должности (увольнения).

Смысл указанных положений касается дисциплинарной ответственности за совершение так называемых коррупционных правонарушений, к которым, в частности, относится принятие должностным лицом мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является. В этом случае могут применяться меры дисциплинарных взысканий. За неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей к государственным служащим могут применяться следующие меры дисциплинарного

взыскания: замечание, выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, лишение полностью или частично стимулирующих выплат на срок до двенадцати месяцев, понижение в классе государственного служащего на срок до шести месяцев, увольнение с занимаемой должности. Кроме того, в качестве меры дисциплинарного наказания действует увольнение в связи с утратой доверия.

Все это свидетельствует о расширении сферы действия конфликта интересов в свете законодательства о труде и об усилении ответственности, связанной с ними. Анализ приведенных положений позволяет сделать вывод о том, что конфликты интересов присущи сфере служебных отношений и могут возникнуть в связи с прохождением той или иной службы. И если исходить из того, что служебные отношения не являются предметом регулирования трудовых и тесно связанных с ними отношений (данная позиция высказана в юридической литературе), изучение конфликтов интересов не входит в число задач науки трудового права.

По вопросу о вхождении либо невхождении служебных отношений в предмет трудового права высказана и существует такая точка зрения, согласно которой эти отношения регулируются законодательством о труде, но с особенностями, установленными соответствующими актами. Так, в сфере современных правовых отношений комплектования государственной службы своеобразное развитие получают отношения, связанные с трудовыми, в частности, с договорной (контрактной) формой поступления на нее, что позволило ряду авторов причислить их к разряду общих трудовых [6, с. 105].

Так, по мнению Т. А. Нестеровой, доказывается решающее влияние норм трудового права на регулирование отношений по поводу приема, прохождения и прекращения службы в органах, а наличие договорных (контрактных — А. Я.-К.) отношений государственной службы противоречит самой сути административного права как права, регламентирующего исполнительно-распорядительную деятельность, а не договорные отношения [7, с. 28].

Это мнение опирается прежде всего на то, что решение рассматриваемого вопроса связано с переходом от позитивистского, нормативного («узкого») понимания права к социологическому («широкому»), потому что определение источников или форм существования права, естественно, вытекает из того, что такое право. Согласно социологической доктрине, право включает в себя не только правовые нормы, но и индивидуально-правовые акты, а также правоотношения.

Такой подход основан на диалектическом законе единства и борьбы противоположностей. Нормы права — абстрактное, а индивидуальные акты и правоотношения — конкретное. Эти противоположности не могут существовать отдельно друг от друга, в противном случае они превращаются в пустые абстракции. Только единство этих противоположностей превращает их в реальность и делает действительными: норма права как правило поведения становится таковой лишь в том случае, если она воплощается в поведении конкретных субъектов, что осуществляется в свете принятия индивидуальных актов и правоотношений. В этой связи идеальное абстрактное переходит в конкретное. В то же время индивидуальный акт и реальное поведение субъектов базируются на общей норме. Единство того и другого дает жизнь этим противоположностям. В такой трактовке трудовой договор в виде контракта с государственным гражданским служащим следует включать в систему источников трудового права.

Представляется, что при таком подходе конфликты интересов должны быть в области внимания ученых-трудовиков, но в специальной юридической литературе о них практически ничего не говорится.

В данной работе будут представлены две основные позиции о включении и невключении служебных отношений в предмет трудового права.

Л. Ю. Бугров анализирует данный вопрос в его конкретном преломлении соотношения индивидуальных трудовых договоров и иных договоров о труде (службе) [8, с. 143].

А. А. Греченков, рассматривая принятие Закона Республики Беларусь от 1 июня 2022 года № 175-З «О государственной службе» [9] (Закон № 175-З), указывает преимущественно на то, что основы правового статуса гражданских служащих составляют нормы Закона № 175-З, иных актов законодательства в сфере гражданской службы. При этом автор делает вывод о том, что на гражданских служащих как на наемных работников распространяется значительная часть норм законодательства о труде и иного законодательства [10].

Из этого следует вывод о том, что прохождение государственной гражданской службы находится как бы в состоянии раздвоения, разветвления, разделения на части (бифуркация); с одной стороны, основы правового статуса гражданских служащих составляют нормы законодательства о гражданской службе, с другой — регламентируется законодательством о труде с соответствующими особенностями, а значит, эта сфера является составной частью предмета трудового права.

Итак, если бы действие конфликта интересов ограничивалось исключительно областью служебных отношений, которая, как отмечалось, по-разному трактуется учеными с точки зрения отнесения ее к предмету трудового права, то было бы как-то объяснимо недостаточное внимание к данной проблеме среди специалистов трудового права. Однако принятые положения ведомственных актов демонстрируют иное, в них говорится и о конфликте интересов государственных гражданских служащих с точки зрения ситуации, когда личная заинтересованность этого работника влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им своих служебных (трудовых) обязанностей при принятии им решения или участии в принятии решения либо совершении других действий по службе (работе).

Далее из норм Указа Президента Республики Беларусь № 292 от 01.07.2013 [11] вытекает, что сотрудники подлежат увольнению со службы в запас по основанию с непредставлением уведомления о возникновении конфликта интересов, введены журналы учета уведомлений о возникновении конфликта интересов или возможности его возникновения [12]. Термин «конфликт интересов» в соответствии с Законом № 305-З и иными актами законодательства, в том числе Типовым положением о комиссии по противодействию коррупции распространяется на отдельные категории работников. В этом смысле уместным будет предложение об утверждении руководителем государственного органа (организации) положения о постоянной комиссии по урегулированию трудовых споров (конфликтов) в служебных отношениях найма, в которой могут рассматриваться вопросы по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих, как, собственно, и сами конфликты интересов, вытекающие из трудовых отношений.

Например, согласно ст. 35 Кодекса Республики Беларусь об образовании, действует комиссия по разрешению конфликта интересов педагогического работника, порядок организации ее работы, принятия решений и их исполнения устанавливается Министерством образования Республики Беларусь.

Анализ приведенных положений свидетельствует о том, что конфликты интересов как особое юридическое понятие и явление не ограничиваются в настоящее время сферой только государственно-служебных отношений, даже если считать, что они находятся вне предмета трудового права, но относятся к трудовым отношениям и тесно с ними связаны, так как приведенные положения о конфликтах интересов внесены в законодательство Республики Беларусь, действуют они в отношении работников, связаны с исполнением ими трудовых обязанностей, что, бесспорно, свидетельствует о введении отношений, связанных с конфликтами интересов, в предмет трудового права, и в целом с расширением сферы действия данных конфликтов. В связи с этим возникает множество вопросов, которые даже сформулировать, очевидно, с достаточной полнотой пока невозможно, не говоря о том, чтобы дать на них исчерпывающие ответы.

Тем не менее проблема поставлена и требует изучения. В данной части работы обратимся к исследованию соотношения трудовых споров и конфликтов интересов, что

требует определения их общих признаков, особенностей, характера взаимодействия и, возможно, объединения в каком-то едином общем понятии.

Общие черты трудовых споров и конфликтов интересов имеются, но их немного: и споры, и конфликты представляют собой юридическую природу и содержание трудовых отношений, правовые начала касаются как единства, так и дифференциации элементов трудового договора (контракта), отчасти схожие принципы, квазисудебные органы, ограниченные пределами конкретного постоянного коллектива.

Определение конфликта интересов приводилось выше, трудовые споры определены в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее — ТК) [13]: индивидуальные — в ст. 233 ТК, коллективные — в ст. 377 ТК; это явления реальной действительности, существующие в сфере трудовых и служебных отношений, если последние выделять особо; оба явления связаны с конфликтными ситуациями в самом широком смысле этого слова, тем более что трудовые споры когда-то и в законе именовались конфликтами, а в литературе и сейчас могут иметь такое наименование [14, с. 76—77]. Таким образом, и трудовые споры, и конфликты интересов связаны: наличием трудового договора (контракта); перманентностью трудовых отношений; статусом государственного служащего как гражданина, поступающего, проходящего и прекращающего государственную службу, выполняющего за вознаграждение свою трудовую функцию.

Различие по субъектному составу. Субъектами трудовых споров в самом общем виде выступают работники и наниматель. Субъектом индивидуального спора может быть работник, которому отказано в заключении трудового договора, и лицо, которое уже не является работником, уволенный работник и наниматель. Важно подчеркнуть, что субъектами разногласий в данном случае могут быть любые категории работников. В коллективных трудовых спорах сторонами выступают работники и наниматели (объединения нанимателей). Так как конфликты интересов носят индивидуальный характер, то в дальнейшем их сравнение будет приводиться только с индивидуальными трудовыми спорами, исключив коллективные.

При конфликте интересов на одной стороне находится лицо, имеющее личную материальную заинтересованность, а на другой — лицо, которому может быть причинен вред. Если это общее положение конкретизировать, то в сфере служебных отношений лицо с личной заинтересованностью — это государственный служащий, а тот, кому он может причинить вред, — граждане, организации, общество или государство. Таким образом, можно сказать, что на одной стороне конфликта интересов в служебных отношениях находится государственный служащий, а на другой — лица, которые могут выступать по отношению к нему в качестве нанимателя, например, для государственного служащего государство является нанимателем в лице определенного органа. При конфликте интересов с точки зрения законодательства о труде на одной стороне находится работник, государственный гражданский служащий с материальной личной заинтересованностью, а на другой — организация, его наниматель, которой может быть причинен вред.

Подытоживая сказанное, получаем вывод: в трудовых спорах сторонами являются любые категории работников (и некоторые иные лица) и наниматель, а в конфликте интересов — государственные служащие, в целом государство и отдельные категории работников (если к ним относить и государственных гражданских служащих).

По содержанию трудовые споры и конфликты интересов отличаются следующим.

Трудовые споры с точки зрения содержания (или предмета) спора делятся на споры по применению законодательства о труде, коллективного договора, соглашения, иных локальных правовых актов, соблюдению условий трудового договора, содержащих нормы трудового права (споры о праве), и споры об установлении или изменении условий трудового договора (споры об интересе).

Содержанием конфликта интересов выступает материальный интерес государственного служащего и отдельных категорий работников, который может вступить в противоречие

с интересами соответствующего субъекта и принести ему вред. При сравнении указанных положений прежде всего напрашивается сопоставление трудовых споров об интересе и конфликтов интересов. На первый взгляд можно усмотреть сходство между ними хотя бы терминологическое, так как в обоих случаях фигурирует термин «интерес». Но на самом деле речь идет о совершенно разных явлениях и различном понимании интереса.

При возникновении трудового спора сталкиваются интересы работника и нанимателя по поводу установления или изменения условий труда. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае интересы обеих сторон не нарушают норм права, в этой связи они правомерны по своей природе. При конфликте интересов имеется в виду не различие интересов в связи с условиями труда (службы), а противопоставление интересов работника и нанимателя, при котором работник хочет получить материальную личную выгоду, что может привести к определенному вреду. Эта выгода связана с трудовыми (служебными) обязанностями работника (служащего), а значит, они будут исполняться ненадлежащим образом, поэтому интерес работника в данном случае будет носить противоправный характер.

Из сказанного следует, что трудовые споры об интересе и конфликты интересов по своему содержанию не совпадают [14, с. 78]. В этой части в качестве вывода сошлемся на мнение В. Н. Толкуновой, которая отмечает, что «в трудовых спорах о праве защищается и восстанавливается нарушенное право работника...» [15, с. 21]. Содержанием конфликта интересов является противоправный интерес работника (служащего). Этот интерес влияет или может повлиять на надлежащее исполнение работником (служащим) своих трудовых (служебных) обязанностей, привести к нарушению законодательства о труде, иных нормативных правовых актов, возникновению трудового спора (конфликта). Но в этом случае нарушение не со стороны нанимателя, а со стороны работника (служащего).

Это, в свою очередь, может привести к привлечению работника (служащего) к дисциплинарной ответственности (в частности, к увольнению за утрату доверия — п. 2 ст. 47 ТК). Данные действия могут быть обжалованы работником (служащим) в надлежащем порядке, что может побудить спор (конфликт) о праве в трудовых (служебных) отношениях.

Таким образом, споры о праве, споры об интересе и конфликты интересов по своему содержанию принципиально различны, но конфликт интересов может вызывать спор (конфликт) о праве и спор (конфликт) об интересе в трудовых (служебных) отношениях.

С точки зрения классификации трудовых споров и конфликтов интересов можно отметить следующее.

Вопрос о видах трудовых споров подробно исследован в юридической литературе, поэтому отметим лишь наиболее распространенные из них, не вдаваясь в их подробное объяснение. Практически все авторы выделяют три главных основания классификации трудовых споров: по спорящему субъекту, характеру спора, виду спорного правоотношения [15, с. 21]. Н. И. Гонцов считает, что с точки зрения способов разрешения трудовых споров можно выделить споры, разрешаемые в общем порядке, и споры, рассматриваемые в особом порядке. Общий порядок означает, что индивидуальный трудовой спор рассматривается комиссией по трудовым спорам (КТС) и судом. Особый порядок действует в отношении отдельных категорий работников и включает в себя суд и иной (квасисудебный — А. Я.-К.) орган по разрешению спора, например, это касается работников прокуратуры, судей и др. [16].

Индивидуальные трудовые споры, по общему правилу, разрешаются КТС и судом. Для отдельных категорий работников законом могут быть установлены особенности в урегулировании трудовых споров. Они состоят обычно в том, что суд всегда остается в числе органов по рассмотрению споров, но вместо КТС появляется иной квасисудебный орган. По закону о прокуратуре работник в случае возникновения спора вправе обратиться в вышестоящий орган и (или) суд. Прокурорский работник вправе обжаловать в вышестоящий орган прокуратуры (вышестоящему руководителю органа прокуратуры) и (или) в суд принятое в отношении его решение о наложении дисциплинарного взыскания, освобождении или

отстранении от должности, переводе его на другую должность, лишении классного чина или увольнении из органов прокуратуры.

Аналогичный порядок обращения и рассмотрения трудовых споров с участием государственного служащего регулируется Законом № 175-З. Государственный служащий вправе обратиться в вышестоящие государственные органы и (или) суд для разрешения споров, связанных с государственной службой по вопросам поступления на государственную службу, ее прохождения, реализации прав государственного служащего, перевода на другую государственную должность, дисциплинарной или материальной ответственности, несоблюдения гарантий правовой и социальной защиты, освобождения от занимаемой должности (увольнения), иных случаях, предусмотренных законодательством.

При этом право государственного служащего на защиту своих прав и законных интересов в государственных органах применительно к реализации этого права в его конкретных правоотношениях начинается с момента поступления на государственную службу. Нельзя не отметить, что перечень случаев, когда государственный служащий вправе обратиться за защитой, является открытым.

В этой связи следует признать оправданным возникновение трудовых споров (конфликтов) в служебных отношениях, затрагивающих как частные, так и публичные интересы.

Признавая право государственного служащего на обращение в вышестоящие государственные органы и (или) в суд для разрешения споров, связанных с государственной службой, следует специально подчеркнуть необходимость понимания частного и публичного интереса не только в спорах по поводу установления, изменения условий труда или применения законодательства о труде, но и в спорах по поводу применения законодательства о государственной службе и принятых нормативных правовых актов.

Непосредственно в судах рассматриваются индивидуальные трудовые споры: об отказе в приеме на службу; дискриминации сотрудников; возмещении сотрудником ущерба, причиненного работодателю, если иное не предусмотрено федеральными законами [17, с. 266]. Инициаторами служебного спора могут быть: государственный служащий; лицо, изъявившее желание поступить на государственную службу; лицо, ранее состоявшее на государственной службе.

В законодательстве регламентированы вопросы обжалования наложенных дисциплинарных взысканий. При их разрешении в большинстве случаев применяется порядок, установленный частью четвертой ст. 202 ТК и гл. 17 ТК, а для отдельных категорий — порядок, установленный дисциплинарными уставами. Порядок разрешения иных споров (конфликтов) в служебных отношениях регламентирован фрагментарно для отдельных видов государственной службы. Применительно к аппаратной службе существование квазисудебных органов для рассмотрения трудовых споров (конфликтов) отдельных категорий работников законодательством Республики Беларусь не предусмотрено. В Республике Беларусь имеется большая практика работы схожих по назначению квазисудебных органов в Вооруженных Силах — судов чести, в органах МВД — товарищеских судов. Важной особенностью таких органов является то, что в них могут включаться независимые эксперты — представители научных и образовательных организаций.

Таким образом, общий порядок разрешения трудовых споров установлен ТК и Гражданско-процессуальным кодексом Республики Беларусь, конфликтов интересов — законодательством о государственной службе. Трудовые споры и конфликты интересов различаются между собой, и хотя они представляют собой разные правовые категории и явления правовой действительности, но важный вывод очевиден: *обеспечение должного уровня правовой защиты гражданских служащих.*

В связи с поставленными в работе задачами необходимо сформулировать еще один вопрос и попытаться дать на него ответ, который вытекает из ранее выстроенных рассуждений о том, возможно ли объединить трудовые споры и конфликты интересов: в едином понятии и какой это может иметь смысл; унифицировать их, но с условием диф-

ференцированного подхода к специфическим проявлениям правового регулирования различных видов споров (конфликтов) по службе.

Начнем со смысла такого объединения. Обозначенная проблема связана с более широкой — соотношением единства и дифференциации в трудовом праве, которая выходит на философский уровень обобщения, на взаимодействие всеобщего, особенного и единичного. Интересные соображения на этот счет сформулированы Л. Ю. Бугровым [8, с. 166—169]. Задача любой науки состоит, с одной стороны, в том, чтобы выделять какие-либо явления из массы других, определяя их специфические признаки, а с другой — объединять однородные явления в соответствующие виды (классы), выводя для этого более широкие категории, позволяющие сделать такое объединение. Все это позволяет классифицировать соответствующие явления, систематизировать их, что дает возможность вести их изучение не хаотично, а последовательно, по определенной логике. Это свидетельствует о формировании научного подхода к исследуемым явлениям, о становлении науки. Поэтому с научной теоретической точки зрения попытка объединить трудовые споры и конфликты интересов в одно понятие является вполне обоснованной. Решение данного вопроса весьма проблематично и может иметь различные варианты. Предложим один из них, далеко не бесспорный.

Верно подмечено Л. А. Чикановой, что разногласия на гражданской службе могут возникнуть не только по поводу условий профессиональной служебной деятельности, но и по поводу других прав, составляющих правовой статус гражданского служащего и выходящих за рамки взаимоотношений гражданского служащего и государственного органа, в котором он осуществляет профессиональную служебную деятельность [18, с. 40]. Разногласие может возникать из нарушения обязательств как служебно-трудового отношения, стороной которого является представитель нанимателя, так и государственно-служебного, стороной которого является государство как таковое, но в законодательстве отсутствует четкое представление о механизме внесудебной и судебной защиты прав гражданских служащих.

В связи с этим представляется необходимым определиться с концепцией рассмотрения спора (конфликта) в служебных отношениях с учетом частного и публичного интереса. Рассмотрение его в специально созданных комиссиях без учета специфики спора и служебных отношений найма нельзя признать обоснованным. Особый порядок рассмотрения споров гражданских служащих должен быть установлен с учетом тех правовых моделей, которые с успехом использовались за рубежом [18, с. 40—41]. В качестве внесудебных органов по рассмотрению споров (конфликтов) в служебных отношениях, в которые гражданский служащий по его желанию мог бы обратиться, можно предложить квазисудебные органы как своеобразные альтернативы судебному механизму, основанному на принципах и стандартах, аналогичных судебным.

Все это послужит развитию института обжалования, который может трансформироваться в самостоятельный институт трудового спора (конфликта) в служебных отношениях.

В этой связи возникает вопрос установления дополнительных критериев, объединяющих в единое целое различные виды трудовых споров (конфликтов), которые в значительной мере могут поглощаться сферой частных и публичных интересов. Ответ на данный вопрос следует из сущности правового регулирования, которое предполагает «его осуществление в соответствии с принципами права» [19, с. 7]. Определяющим направлением здесь являются принципы на базе упреждающего подхода управления конфликтом интересов, синтезированные из различных сфер деятельности с тем, чтобы распространить их в дальнейшем на сферу частных и публичных интересов в трудовых спорах.

Заключение. В качестве единого обобщающего понятия по отношению к трудовым спорам и конфликтам интересов можно использовать термин «трудовые споры (конфликты)», понимая под ними неурегулированные разногласия, которые возникают или могут возникнуть между работником (по вопросам установления, изменения условий труда

или применения законодательства о труде), служащим (по вопросам применения законодательства о государственной службе и принятых нормативных правовых актов) и нанимателем в связи с исполнением им трудовых (служебных) обязанностей, способные привести к нарушению условий трудового договора (контракта) и причинению вреда.

Трудовые споры (конфликты) поглощаются в значительной мере сферой частных и публичных интересов, вытекающих из трудового договора (контракта), которые можно разделить на две разновидности — трудовые споры (конфликты) отдельных категорий работников и трудовые споры работников государственной службы.

Если перевести эти теоретические суждения на практический уровень, то можно предложить следующие изменения в законодательстве о труде. В разделе ТК выделить главу, посвященную трудовым спорам (конфликтам), в которой сформулировать их понятие и дать основные принципы. Далее будут следовать существующие главы, касающиеся индивидуальных и коллективных трудовых споров, а затем необходимо ввести еще одну главу, посвященную конфликтам интересов.

Все приведенные положения носят дискуссионный характер и нуждаются в обсуждении и уточнении.

Диалектический подход и методы системного анализа послужили основой для доказательства единства и дифференциации трудового спора и конфликта интересов. Трудовые споры (конфликты) отдельных категорий работников и трудовые споры работников государственной службы как общее и специальное системно-структурное правовое явление «трудовой спор» могут включать упреждающие принципы достаточности, конфиденциальности, минимального вмешательства, индивидуального подхода, приоритетного применения мер общей профилактики и предотвращения.

Список цитированных источников

1. Трудовые споры и их урегулирование : учеб.-метод. пособие для магистрантов, обучающихся по специальности 1-24 81 05 «Правовое обеспечение альтернативных способов урегулирования конфликтов и споров» / А. Г. Авдей [и др.]. — Минск : Издат. центр Белорус. гос. ун-та, 2015. — 244 с.
2. Ясинская-Казаченко, А. В. Коллективные трудовые споры и их урегулирование : монография / А. В. Ясинская-Казаченко. — Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2019. — 223 с.
3. Ясинская-Казаченко, А. В. «Трудовой спор» как энтропия или мера неупорядоченности на уровне гражданского судопроизводства / А. В. Ясинская-Казаченко // Сац.-экан. і прававыя даслед. / БП — Інстытут правазнаўства. — 2022. — № 3. — С. 29—38.
4. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-3 : в ред. от 06.01.2021 // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
5. Цыбикова, А. А. Формирование механизма управления конфликтами интересов на государственной гражданской службе : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / А. А. Цыбикова ; Финансовый ун-т при Правительстве РФ. — М., 2011. — 24 с.
6. Чуприс, О. И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь / О. И. Чуприс. — Минск : Право и экономика, 2009. — 310 с.
7. Нестерова, Т. А. Правовое регулирование трудовых отношений при прохождении службы в прокуратуре как особом классе федеральной государственной службы в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Т. А. Нестерова. — Пермь, 1999. — 194 л.
8. Бугров, Л. Ю. Трудовой договор в России и за рубежом : монография / Л. Ю. Бугров ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. — 641 с.
9. О государственной службе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-3 // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
10. Греченков, А. А. Закон Республики Беларусь «О государственной службе» : комментарий основных положений / А. А. Греченков // Трудовое и социальное право = Працоўнае і сацыяльнае права = Labour and social law. — 2022. — № 3 (43). — С. 19—23.

11. Вопросы Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 01.07.2013 г. № 292 : в ред. от 09.06.2022 // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

12. О перечне типовых документов [Электронный ресурс] : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь : с изм. и доп. от 27.10.2022 г. // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

13. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-3 // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

14. Гонцов, Н. И. Трудовые споры и конфликты интересов в законодательстве Российской Федерации / Н. И. Гонцов // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «Юридические науки». — 2013. — № 3. — С. 73—83.

15. Толкунова, В. Н. Трудовые споры и порядок их разрешения : учеб. пособие / В. Н. Толкунова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — М. : Проспект, 2017. — 124 с.

16. Гонцов, Н. И. Способы разрешения трудовых споров в Российской Федерации / Н. И. Гонцов // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «Юридические науки». — 2010. — Вып. 1 (7). — С. 131—141.

17. Трудовое право и служебно-трудовые отношения в деятельности следственного комитета Российской Федерации : учебник / Н. М. Голованов [и др.] ; под общ. ред. В. Б. Гольцова. — М. : КноРус, 2023. — 294 с.

18. Чиканова, Л. А. Применение трудового законодательства к служебным отношениям на государственной гражданской службе: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.05 / Л. А. Чиканова. — М., 2005. — 45 с.

19. Дробязко, С. Г. Что и как регулирует право в контексте формирования социального государства и гражданского общества / С. Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. — Минск, 2007. — Вып. 18. — С. 3—11.

Поступила в редакцию 31.10.2022.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, цифровых данных, личных имён и другой информации несут авторы опубликованных материалов.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Научная концепция журнала предполагает публикацию современных достижений в области исторических наук и археологии, экономических и юридических наук; представление результатов фундаментальных и прикладных исследований, а также результатов, полученных в производственных условиях областей, включая результаты национальных и международных исследований. Статьи аспирантов и докторантов последнего года обучения публикуются вне очереди при условии их полного соответствия требованиям, предъявляемым к научным изданиям Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований.

Публикация статей в журнале бесплатная на основании заключённого договора о передаче исключительных прав на объект авторского права.

Подробные правила для авторов представлены на официальном сайте БарГУ (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The scientific strategy of the journal suggests publishing modern achievements in the field of history of science and archaeology, economic science and law; presentation of the results of fundamental and applied research, as well as the results obtained under production conditions, both at the domestic and international level. Articles by postgraduate and doctoral students in their final year of traineeship are published out of turn if they are written in strict conformity with the specified requirements of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research.

Publication of articles is free of charge in accordance with the existing contract on transfer of authority to the subject matter of copyright.

More detailed instructions for authors can be found on the official website of BarSU (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).